

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

(2005–2010 гг.)
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ

**АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО
БЕЛОРУССКОГО
ОБЩЕСТВА
(2005-2010 гг.)**

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ

МИНСК
БГУ
2011

УДК 316.32(476)
ББК 60.54(4Бей)
А43

Рекомендовано
Научно-техническим советом Центра социологических и политических
исследований БГУ 26 мая 2011 года, протокол № 9

Рецензенты:
доктор социологических наук, профессор *Д.К. Безнюк*;
доктор социологических наук, профессор *Е.А. Кечина*

Редакционная коллегия:
доктор социологических наук, профессор *Д. Г. Ротман*;
доктор социологических наук, профессор *А. Н. Данилов*;
кандидат социологических наук *В. В. Правдивец*;
кандидат социологических наук, доцент *С.А. Морозова*;
кандидат философских наук *А.К. Воднева*

Авторы:
В.Л. Ананьев, Н.П. Веремеева, А.К. Воднева, А.Н. Данилов, Е.А. Данилова,
О.В. Иванюго, И.В. Левицкая, С.А. Морозова, Л.Г. Новикова, А.В. Посталовский,
В.В. Правдивец, Д.Г. Ротман, Л.А. Соглаева, Л.В. Филинская

Актуальные проблемы современного белорусского общества (2005-
2010 гг.) – Минск: БГУ, 2011. – 271 с.

ISBN 978-985-476-924-0

Данная монография, подготовленная Центром социологических и политических исследований БГУ, посвящена теоретико-методологическим вопросам социологического изучения белорусского общества, анализу проблем его трансформации, особенностей функционирования современной семьи и специфики социальной адаптации молодежи. Работа основана на результатах ряда социологических исследований, проведенных ЦСПИ БГУ в 2005-2010 гг.

Адресуется научным работникам и преподавателям, аспирантам и студентам, а также всем, кто интересуется проблемами развития современного общества.

УДК 316.32(476)
ББК 60.54(4Бей)

ISBN 978-985-476-924-0

© Коллектив авторов, 2011
© БГУ, 2011

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ – КОЛЫБЕЛЬ БЕЛОРУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ...

(место введения)

Научная монография, предлагаемая вниманию читателя, подготовлена Центром социологических и политических исследований БГУ и выходит к 90-летию Белорусского государственного университета и 15-летию ЦСПИ БГУ. В книге представлены итоги ряда масштабных социологических проектов, в т.ч. международных, осуществлявшихся ЦСПИ в 2005-2010 гг. Материалы книги позволяют проследить динамику и тенденции социальных перемен в белорусском обществе, произошедших в указанный период времени, увидеть, как меняется жизнь в Беларуси, и как меняемся мы, ее жители, в контексте происходящих событий. Данная книга является продолжением издания ЦСПИ «Актуальные проблемы современного белорусского общества: социологический аспект», увидевшего свет в 2005 г. и посвященного анализу особенностей десятилетнего периода жизни нашей страны с 1994 по 2004 год. Новая монография базируется на материалах авторских статей, опубликованных в профессиональных изданиях Беларуси, Украины и России в 2005-2010 гг., и объединенных общим замыслом, и отражает характерные для анализируемого периода времени социальные проблемы.

Выход новой работы социологов в канун юбилея БГУ дает хороший повод для того, чтобы поговорить о развитии социологии в университете, преподавание которой началось вместе с его созданием. История преподавания социологии – науки с такой непростой судьбой, несет в себе и подвижничество, которое в тех обстоятельствах было сродни героизму, и трагизм невозможности заниматься любимым делом, когда на целые десятилетия социология была объявлена «буржуазной лженаукой» и вычеркнута из всех учебных планов. Еще в 1921 г. была открыта кафедра социологии и первобытной культуры, где профессор С.З. Каценбоген читал курс лекций по генетической социологии студентам факультета общественных наук. Многие преподаватели других дисциплин социально-гуманитарного цикла широко использовали социологические данные при разработке новых курсов. Среди них представители различных наук, но все они внесли весомый вклад в развитие социологического знания. Активно работали в этот период во многих областях социального знания А.М. Арцимович, С.М. Василевский, С.Я. Вольфсон, М.В. Довнар-Запольский, В.Д. Друшиц, Д.А. Жаринов, В.Н. Ивановский, Н.А. Янчук и др. В трудах БГУ за 1923 г. был опубликован первый курс лекций по социологии.

Однако в 1930-е годы все исследования и преподавание социологии были свернуты, а сама наука попала в разряд запрещенных дисциплин. В конце 1950-х гг. происходит постепенное возрождение социологической науки. В 1956/57 учебном году академик Г.Ф. Александров прочитал для студентов четвертого и пятого курсов исторического и юридического факультетов Белорусского государственного университета курс лекций "История социологических учений". В 1958 г. в БГУ вышла его книга "История социологии как наука". После принятия в ноябре 1965 г. Постановления ЦК КП Белоруссии "Об организации конкретно-социологических исследований в республике" стали создаваться научные структуры в АН БССР и вузах.

Заслуженный работник БГУ профессор Г.П. Давидюк стоял у истоков возрождения отечественной социологии и многое сделал для ее развития. Большую роль в возрождении социологической науки в Беларуси также сыграл академик Е.М. Бабосов. В годы возрождения социологии он возглавил Институт философии и права Академии наук БССР, где активно развивал работу социологических подразделений. Позже в 1990 г. по его инициативе был создан Институт социологии Национальной академии наук Беларуси. Все эти годы он не прерывал связи с БГУ и до сих пор активно работает на кафедре социологии.

Реализуя решения ЦК КП Белоруссии, в 1967 г. создается Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований БГУ (ПНИЛСИ), которую в разные годы возглавляли: профессор И.Н. Лущицкий; доценты С.И. Деришев, И.И. Зубов; профессора: Н.Г. Юркевич, Г.П. Давидюк, С.Д. Лаптенко. ПНИЛСИ БГУ по праву стала колыбелью социологической науки в республике. Именно в ее структурах сформировалась плеяда ныне хорошо известных в стране и далеко за ее пределами ученых, на плечи которых легла непростая задача по подготовке профессиональных кадров ученых-социологов, исследования актуальных проблем социальной жизни страны.

На протяжении 70-80-х гг. социология в Беларуси получила значительное развитие по многим направлениям. В этот период начинается подготовка профессиональных специалистов-социологов. С начала 1974/1975 учебного года на философском отделении исторического факультета БГУ по инициативе Г.П. Давидюка была открыта специализация по прикладной социологии. В 1976 г. состоялся первый выпуск специалистов в области прикладной социологии, которые были распределены на предприятия и в научные организации в качестве социологов. К началу 1980-х гг. в аспирантуре на кафедре философии обучалось около двадцати человек по специальности «Прикладная социология».

За счет молодых ученых, закончивших аспирантуру, шло пополнение ПНИЛСИ и сектора прикладной социологии при кафедре

философии гуманитарных факультетов БГУ, который начал свою деятельность с мая 1974 г. Финансирование работы новой социологической службы осуществлялось за счет хозяйственных договоров, которые заключались БГУ с заинтересованными в получении социологической информации.

В сентябре 1976 г. учреждается Белорусское отделение советской социологической ассоциации (первый председатель – Г.П. Давидюк), главной задачей которого было объединение усилий социологов республики для поддержания и повышения профессионального уровня, распространение социологических знаний и широкое практическое использование результатов исследований, создание основ для становления целостной системы социологического образования в стране.

К середине 1980-х гг. в отечественной социологии сформировались необходимые предпосылки, при которых социологическая наука стала переходить в новый период своего развития, связанный с осуществлением в стране "перестройки". В соответствии с постановлением ЦК КПСС "О повышении роли марксистской социологии в решении узловых проблем советского общества" (1988) в номенклатуре научных специальностей социология выделяется как самостоятельная наука, в БГУ открывается отделение социологии и создается кафедра социологии. В системе общественных наук социология заняла свое достойное и равное с другими науками место. Социологическое образование было окончательно конституировано.

Во многом определяющим для подготовки профессионалов-социологов стало создание кафедры социологии, которая была открыта в сентябре 1989 г. Первым заведующим кафедрой был избран известный белорусский ученый, доктор философских наук, профессор А.Н. Елсуков. С 2003 по 2005 г. ее возглавлял доктор социологических наук, профессор Д.Г. Ротман. С 2005 г. кафедрой руководит профессор А.Н. Данилов.

Важным для проведения социологических исследований, подготовки профессиональных социологов стало создание Центра социологических и политических исследований БГУ (декабрь 1996 г., директор – Д.Г. Ротман). ЦСПИ БГУ успешно продолжает традиции Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований БГУ является одним из ведущих социологических центров страны и пользуется заслуженным авторитетом среди научного сообщества. В Центре работают более 20 высококвалифицированных специалистов в области социологии, политологии, управления, экономики, психологии, методологии и методики организации массовых опросов, обработки и анализа данных. Научный коллектив ЦСПИ представляют профессиональные социологи различных поколений: В.Л. Ананьев, Д.М. Булынько, А.К. Воднева, Н.П. Веремеева, О.В. Иванюто, Е.И. Лукашевич,

Е.В. Матусевич, С.А. Морозова, В.В. Правдивец, Д.Г. Ротман, Н.А. Савич, Л.А. Соглаева, Л.В. Соловьева и др.

ЦСПИ располагает профессиональной опросной сетью из более 200 подготовленных интервьюеров, проживающих во всех регионах республики, что позволяет оперативное проведение массовых опросов, имеет группу обработки информации и службу проверки качества сбора информации, контролирующую методом «повторного посещения» до 20% массива. В структуре ЦСПИ два научных отдела: отдел социально-экономических и социокультурных проблем и отдел социально-политических проблем. ЦСПИ обеспечивает полный комплекс современных технологий организации и проведения исследовательских работ: от разработки программы социологического исследования до презентации аналитических отчетов. Для получения достоверных и репрезентативных данных ЦСПИ использует различные количественные и качественные методы сбора информации: массовые опросы, опросы экспертов, глубинные интервью, фокус-группы, контент-анализ и др.

Центр имеет серьезный научный опыт теоретических и прикладных исследований, связанных с изучением актуальных проблем современного общества в сферах политики, СМИ, образования и воспитания, экономики, культуры, ценностного сознания и формирования образа жизни, жизненных стратегий, ценностных ориентаций, религии и т.д., в том числе по программам Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь, Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, а также в рамках Государственных программ научных исследований.

ЦСПИ БГУ проводит исследования актуальных проблем современности по заказу международных организаций, в т.ч. Представительства ООН в Беларуси, UNICEF, UNESCO, Постоянного Комитета Союзного государства, Всемирного банка, Международной финансовой корпорации и др., а также государственных организаций, ряда министерств Республики Беларусь (информации, образования, здравоохранения, иностранных дел, экономики, торговли, внутренних дел), различных белорусских предприятий, фирм и общественных объединений.

Основные научные результаты ЦСПИ БГУ только за последние 5 лет представлены в двух сотнях научных публикаций, в т.ч. в десяти монографиях и разделах в монографиях.

ЦСПИ принимает участие в престижных всемирных и европейских двухсторонних и многосторонних проектах, в т.ч. финансируемых Еврокомиссией и Всемирной ассоциацией электоральных систем (CSES). ЦСПИ БГУ участвовал в известных международных сравнительных исследовательских проектах «Изучение электоральных систем стран мира», «Новый демократический барометр

(NDB)» (1994, 1995, 1998, 2001, 2003 и 2006 гг.), «Исследование европейских ценностей (EVS)» (2000 г., 2008 г.); в программе Фонда Коперника в исследовании «Образ жизни, условия жизни и здоровье (LLH)» (2001-2003 гг.). В настоящее время ЦСПИ участвует в сравнительных международных проектах 7РП «Взаимодействие европейской, национальной и региональной идентичностей: нации между государствами вдоль новых восточных границ Европейского Союза (ENRI-East)» и 7РП «Здоровье в переходный период: тенденции в здоровье населения и политика в сфере здоровья в странах СНГ (НПТ)».

Центр поддерживает партнерские связи с ведущими исследовательскими структурами в странах СНГ и Западной Европы, в т.ч. в России – с ВЦИОМ, Центром социологических исследований МГУ, социологической службой «Левада-Центр» и Ромир-мониторинг (Москва), в Украине – с компанией СОЦИС-Гэллуп и ТНС (Киев) и Восточно-Украинским фондом социальных исследований (Харьков), в Грузии – с GORBI (Тбилиси), в Армении – с Ереванским техническим университетом; в Австрии – с Венским Университетом и Институтом перспективных исследований (Вена); в Германии – с Институтом Восточноевропейских исследований (Мюнхен), Исследовательским центром Берлина и Свободным немецким университетом (Берлин); в Швейцарии – с Институтом культурологических исследований (Цюрих); в Польше – с Институтом социологии Белостокского университета; в Шотландии – с Университетом Глазго и Университетом Абердин, в Нидерландах – с университетом г. Утрехт и др.

Традиции, заложенные учеными-гуманитариями в начале XX в., сохраняются и поныне. Для развития социологии важным было решение Высшей аттестационной комиссии (1990) об учреждении ученых степеней кандидата и доктора социологических наук по шести социологическим специальностям. В БГУ открывается специализированный Совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по социологическим наукам (специальности: 22.00.01 – теория, методология и история социологии и 22.00.05 – социальные и политические процессы, организация и управление). Только за последние пять лет докторские диссертации защитили представители университетской социологии Д.К. Безнюк, Е.А. Кечина, Е.Е. Кучко.

Университетские социологи являются авторами научных монографий, учебных и методических пособий, учебно-методических комплексов, статей в отечественных и зарубежных научных журналах, в сборниках научных трудов. Их публикации посвящены актуальным проблемам современного общества; вопросам истории, методологии и методики социологии; отражают результаты крупных социологических исследований и научно-исследовательских проектов.

Первый выпуск студентов отделения социологии был осуществлен в 1994 г., и к настоящему времени в стенах БГУ подготовлено более двух тысяч специалистов. Из года в год расширяется подготовка студентов по социологическим специальностям. В настоящее время только на отделении социологии БГУ обучается около 1 тыс. студентов на дневной и заочной форме обучения. Основные специализации обучения: теоретическая социология, методология и методы социологического исследования и социология управления, политическая социология. На отделении социологии студенты овладевают целым комплексом научных дисциплин социологического профиля. Они изучают теорию и историю социологии, осваивают навыки компьютерной обработки информации, большое внимание уделяется изучению дисциплин математического цикла. Ведущие ученые страны читают специальные курсы и ведут методологические семинары, посвященные изучению актуальных проблем современного общества. Выпускники отделения социологии получают квалификацию «Социолог. Преподаватель социологии» и успешно работают в социологических и маркетинговых службах, рекламных агентствах, структурах по связям с общественностью в государственных и негосударственных организациях, научно-исследовательских центрах, в органах государственного и муниципального управления, в вузах, а также в качестве консультантов-аналитиков в общественных организациях и объединениях страны. Некоторые выпускники отделения социологии стали кандидатами социологических наук и успешно занимаются научной и преподавательской деятельностью в исследовательских центрах, вузах Республики Беларусь и других стран.

Современность предъявляет новые требования к социологической науке, резко усилился интерес к исследованию системной трансформации белорусского общества, ценностных ориентаций различных социальных групп населения, к проблемам политической активности населения, изучению стратификации и демографических характеристик. Все эти трудные годы именно БГУ играл и продолжает играть в настоящее время определяющую роль в возрождении и институционализации социологической науки в Беларуси, подготовке высококлассных специалистов, в утверждении высокого авторитета белорусской социологической школы в стране и мире.

Показателем высокого уровня развития социологической науки в Беларуси стало создание (1997) научно-теоретического журнала «Социология», учреждение Белорусского общественного объединения «Социологическое общество» (2000), издание первой отечественной «Социологической энциклопедии» (2003).

Все возрастающая значимость социологии – в ее способности увидеть будущее. Сегодня мы живем как раз в такое время, когда

Республика Беларусь активно развивается, идет непрерывный процесс государственного строительства, вырабатывается свое видение внутренней и внешней политики, идеологии суверенного белорусского государства. В этот период, как никогда ранее, обществу просто объективно необходимы новые социальные идеи, теории, концепции. И именно в такой период социология становится максимально востребованной. Нельзя ничего получить в готовом виде извне, все должно вырасти внутри национального социума. Современная социология стоит на плечах гигантов прошлого. Но, справедливо признавая этот факт, социология утратила бы свое значение, если бы, опираясь только на наследие прошлого, не связывала бы свою теорию, свой понятийный и исследовательский аппарат с учетом новых научно-технических, экономических и социальных реалий, сложившихся на рубеже XX-XXI веков. Новые социальные реалии порождают потребность в новых социальных понятиях, новых социальных теориях и концепциях.

Сегодня цивилизация вступает в фазу повышенных рисков. В современном социологическом знании явно обозначились тенденции его радикального обновления, естественно возникла теоретико-методологическая неопределенность, осложняющаяся происходящими в современном научном знании сменами научной картины мира и способов его познания. В последнее время теоретическая социология в постсоветских странах объективно развивается во многом за счет восприятия западных социологических теорий, как самых современных, так и давно ставших классическими. При всей, казалось бы, позитивности этого процесса нельзя забывать, что категории и средства исследования, сформировавшиеся в рамках западной социологии, далеко не всегда адекватны для незападных форм социальной реальности, в особенности в их кризисных, дестабилизированных формах. Здесь представляется оправданным стремление отечественных социологов преодолеть тенденцию к их слепому копированию и заимствованию. Жизнь всегда вносит наиболее реалистические поправки, вот почему так важно для социальных и гуманитарных наук объективно и беспристрастно изучать действительность.

В процессе системной трансформации постсоветского мира каждая из вновь образовавшихся суверенных стран стала проявлять свою специфику в государственном строительстве, определяться самостоятельно со своим будущим. Отношение к отечественной истории, ее прошлому и настоящему, определение возможных путей развития стали предметом оживленной дискуссии. Сам по себе сложный и неоднозначный этап трансформации сопровождается еще более мощным процессом глобализации, мировым финансовым кризисом. Издержки от этих событий легли преимущественно на страны с переходной

экономикой, к которым относится и Республика Беларусь, нарушив установившиеся социально-экономические, политические и культурные связи, налаженную устойчивость и взаимодействие в развитии, породив в них неравенство, т.е. разрыв в уровнях и качестве жизни между странами и внутри стран.

Книга, которую мы сегодня представляем нашему читателю, многоаспектна, ее материалы отражают самые сложные проблемы современной Беларуси, показывают наличие заинтересованности граждан в их эффективном разрешении. В первой главе рассматриваются вопросы развития белорусского общества в контексте мировых проблем, во второй – анализируется белорусская действительность, раскрываются проблемы трансформации белорусского общества, особенности пути поиска ответов на вызовы времени, отдельный блок посвящен анализу значимых для сегодняшней Беларуси проблем семьи. В специальной главе анализируются различные проблемы одной из важнейших социальных групп общества – современной белорусской молодежи. Завершают монографию материалы по современной методологии и методике социологических исследований. В целом книга дает объективное представление о функционировании белорусской модели развития в период 2005-2010 гг., ее особенностях и перспективах, показывает, как действия власти отражаются в общественном мнении граждан Республики Беларусь.

Читателю следует учитывать, что материалы каждого из пяти тематических разделов основаны на статьях, которые были написаны авторами монографии в разные годы и уже публиковались в научных журналах. Анализ и выводы по результатам социологических замеров делались в 2005-2010 гг. в момент проведения конкретных исследований и характеризуют ситуацию, зафиксированную в тот конкретный период истории нашей страны. Сегодня это уже исторические факты из жизни Беларуси, а новые социальные реалии ждут своего социологического анализа и научного осмысления на страницах новых публикаций.

Социологический мониторинг социально-политической ситуации, который проводится Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, уже многие годы как тонкий барометр позволяет улавливать изменения в работе системы государственного управления и оперативно выдавать необходимые рекомендации. Социология востребована современным менеджментом и маркетингом, новым поколением управленцев, она становится незаменимым инструментом для тех, кто не собирается учиться только на собственных ошибках.

Современная социология действительно становится одним из главных источников получения социального знания об обществе и процессах, протекающих в нем, о человеке, его социальном

самочувствию. Институционализация социологии, ее профессионализация создали предпосылки для развития профессиональной социологической среды, в рамках которой социологи получили возможность решать специализированные задачи, осуществлять поиски и находить решения социальных проблем.

Сегодня социология в БГУ активно развивается и имеет достаточно высокий творческий потенциал. Наравне с представителями старшего поколения уверенно заявляет о себе прекрасно образованная и высококвалифицированная молодежь, выпускники социологического отделения БГУ, на плечи которых со временем перейдут основные заботы о будущем отечественной социологии. В последние годы существенно изменилось лицо социологического сообщества в Беларуси, четко обозначилась тенденция омоложения социологической науки. Происходит закономерная смена поколений в сфере социологического знания. Уровень подготовки современных специалистов – социологов, кандидатов и докторов социологических наук адекватен самым высоким международным требованиям.

Среди авторов монографии – представители всех поколений социологов, и это очередное подтверждение тому, что для университетской социологии характерна преемственность и верность лучшим традициям научной школы. Книга адресована, прежде всего, научным работникам и преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных факультетов, а также всем, кто интересуется проблемами развития белорусского общества.

А.Н. Данилов, член-корреспондент НАН Беларуси

ГЛАВА 1

РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ПРОБЛЕМ

Л.В. Филинская, Н.П. Веремеева

1.1 Функционирование рынков труда в странах Восточной Европы (на примере Болгарии, России, Польши, Украине, Беларуси)

Процесс трансформации, в ходе которого изменяются как институциональные параметры жизнедеятельности, так и основные модели социально-экономического поведения населения, проходит в странах Восточной Европы по-разному. Польша и Болгария ясно артикулировали цели трансформации: вхождение в западное сообщество, принятие либеральных ценностей и демократических институтов. Вектор трансформационных процессов в странах постсоветского пространства невозможно определить однозначно. Беларусь, Россия и Украина, имея единые исторические и культурные корни, продолжают искать собственные национальные идеи, пути решения многочисленных социальных проблем, пути экономического развития. Вместе с тем, необходимо учитывать процессы глобализации. Как справедливо отмечает Н. Луман, «эпоха региональных обществ закончилась. С тех пор, как благодаря средствам коммуникации все люди стали достижимы друг с другом в том, что касается их структурных ожиданий, существует лишь одно общество – мировое»¹.

В этом контексте актуальным является сравнительный анализ особенностей жизнедеятельности и социально-экономического поведения населения пяти европейских стран. В качестве эмпирической базы такого анализа послужили материалы пяти кейс-стади, проведенных в рамках международного проекта ИНТАС «Ускорение динамики и социального влияния рынков труда на местные сообщества стран Восточной Европы как результат интеграции ЕС». Опрос методом стандартизированного интервью был проведен в следующих странах: Беларусь, Болгария, Украина, Польша, Россия. Опрашивалось население трудоспособного возраста специально выбранных для кейс-стади населенных пунктов: города Скидель и поселка городского типа Сопоцкин в Беларуси, города Перник в Болгарии, города Чоп и сельских

¹ Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий/ Пер. с нем.// THESIS. – 1994. – №5

населенных пунктов Ужгородского района Украины, города Семятыше и сельских населенных пунктов района Подлясье в Польше, города Ступино Московской области в России. Полевой этап исследования проводился в 2006 году. В рамках проекта было опрошено: в Беларуси – 400 человек, в Болгарии – 959, в Украине – 535, в Польше – 529, в России – 385.

Результаты кейс-стади нельзя репрезентировать на население каждой из стран в целом, однако достаточный объем выборочной совокупности позволяет говорить о некоторых тенденциях социально-экономического развития стран, выявить «болевые точки», а также фиксировать позитивные – негативные перемены в жизни граждан, говорить об их социальном самочувствии.

Занятость человека определяется такими базовыми характеристиками, как отношение к работе, угроза ее потери, ценности, мотивация, доходы и мобильность. Они, в свою очередь, зависят от ресурсов, которыми человек обладает в силу особенностей своего образования, профессии, а также от ресурсов, связанных с его социально-демографическими характеристиками. Как известно, ценностное сознание играет регулятивную роль, оказывая определенное влияние на действия и поступки людей в сфере занятости.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что иерархия жизненных ценностей населения (жителей) пяти стран, проживающих в разных населенных пунктах (городах – селах) совпадает. Доминируют такие ценности, как семья, работа, друзья и знакомые. Политика и деятельность общественных объединений, НГО занимает последние места. Только к религии отношение различается в разных странах: для поляков религия является большей ценностью, чем для других. Более 70% опрошенных в Польше являются верующими людьми, регулярно посещают религиозные службы. В других странах ситуация иная: религиозным человеком назвали себя 63,2% жителей Чопского региона (Украина), 32,5 % жителей Скиделя (Беларусь), 27,8 % жителей Ступино (Россия), и только 7,1 % респондентов, проживающих в Пернике (Болгария).

Работа является для людей одной из важнейших ценностей в жизни. В какой степени люди удовлетворены работой? Массовую неудовлетворенность обычно рассматривают как отрицательный фактор, сигнал о крайне нежелательной для менеджмента ситуации, а преобладание работников, удовлетворенных различными элементами рабочей ситуации, – как фактор позитивный.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что самый высокий показатель по всем странам – удовлетворенность отношениями с коллегами и руководством.

«Удовлетворенность тем, чем Вы занимаетесь» – этот показатель можно приравнять к удовлетворенности содержанием труда, одному из критериальных показателей, свидетельствующих о притязаниях на возможности самореализации, самовыражения в работе. Средний балл (по 5-балльной шкале) по всем странам составляет более 3,7. В этом же контексте можно рассматривать и уровень удовлетворенности «возможностью самостоятельно принимать решения» – у работающих в Болгарии этот показатель составляет чуть менее 3-х баллов (2,95), в Беларуси, Украине, Польше и России – от 3,11 до 3,62 баллов. Достаточно высоки оценки удовлетворенности возможностями профессионального роста. По всем странам этот показатель составляет более 3-х баллов. Наибольшее недовольство у работающих респондентов вызывает размер заработной платы, особенно это характерно для Беларуси (почти половина опрошенных не удовлетворены тем, как оцениваются результаты их труда).

Оценка соответствия своих профессиональных знаний выполняемой работе – показатель профессиональной адаптации и вместе с тем уровня личностных притязаний. По мнению большинства опрошенных выполняемая работа вполне сочетается с их оценками профессиональных знаний. Вместе с тем, для каждого четвертого работающего характерна более высокая оценка своей профессиональной компетенции – «для моей работы достаточно и более низкого уровня образования». Такая самооценка работников свидетельствует о неэффективном использовании их профессиональных знаний. Эти показатели практически совпадают во всех странах, включенных в исследовательский проект.

Интересным и весьма неоднозначным является вопрос о мобильности рабочей силы. Рынок труда 20-30-летней давности был единственным рынком, существовавшим в Советском Союзе в форме, которая могла быть признанной в капиталистической экономике. Работники достаточно свободно меняли места работы, а работодатели достаточно свободно нанимали тех, кого желали. Уровень мобильности рабочей силы был достаточно высок, но, как правило, высокий уровень трудовой мобильности был свойственен прежде всего молодым работникам, искавшим более подходящее место работы, а также наименее социализированным и наименее дисциплинированным работникам, которые обладали и более низкой квалификацией. Неслучайно проблемы текучести кадров постоянно изучались

социологами. Это с одной стороны. С другой нельзя забывать, что государственная политика в сфере занятости предполагала формирование у работников ориентаций и ценностей, в основе которых был идеал «работа на всю жизнь, а рабочее место – второй дом».

Что мы имеем сегодня на рынках труда? Для оценки уровня мобильности рабочей силы в инструментарии исследования респондентам предлагалось ответить на два прожективных вопроса: «Вы бы отказались от Вашей настоящей работы, если бы Вам предложили работу с зарплатой на 20 % больше, чем на настоящем месте работы?» и «Если бы Вашу зарплату снизили на 20 %, отказались бы Вы от Вашей настоящей работы?».

Наиболее парадоксальная ситуация сложилась в Беларуси, где уровень удовлетворенности различными сторонами работы ниже, чем в других странах, однако сменить работу в случае, если предложат большую зарплату, согласились только треть жителей Скиделя; в Польше согласились бы перейти на новое рабочее место 48,4 % опрошенных, а в Болгарии – каждый второй.

Еще меньше желающих что-то менять оказалось среди жителей Гродненского региона Беларуси в случае, если бы заработную плату снизили – 26,8 %. Наиболее решительно настроены работающие России (41,2 % опрошенных поменяли бы в этом случае работу) и Болгарии (40,1 %). В Украине ситуация с потенциальной мобильностью похожа на белорусскую, отличие заключается в том, что украинцы в большей степени удовлетворены своей работой. Разные модели поведения работающих в Гродненском районе Беларуси и в Ужгородском районе Украины, с одной стороны, и в г. Перник (Болгария) и г. Ступино (Россия), с другой стороны, вполне объяснима. Потеряв работу в маленьком городе, можно надолго остаться безработным, так как количество рабочих мест ограничено – не человек выбирает работу, а работа человека. В более крупных городах Перник и Ступино возможностей трудоустройства значительно больше, есть из чего выбирать.

Число тех, кто дал отрицательный ответ на вопросы о намерении сменить работу (в случае более выгодного предложения или снижения оплаты на нынешнем месте работы), колеблется по разным странам от 43,5 % до 66,7 %. Что останавливает людей?

- «от добра не ищут добра, меня все устраивает в моей работе» – уровень удовлетворенности разными сторонами работы, как уже отмечалось, достаточно высок;
- «лучше синица в руках, чем журавль в небе» – слишком опасно что-либо менять, можно оказаться вообще не у дел;
- неадекватная оценка собственных шансов;

- такие переходы потребуют слишком много сил.

Намерения выехать в другую страну для работы наиболее характерны для жителей Польши, см. Рисунок 1.

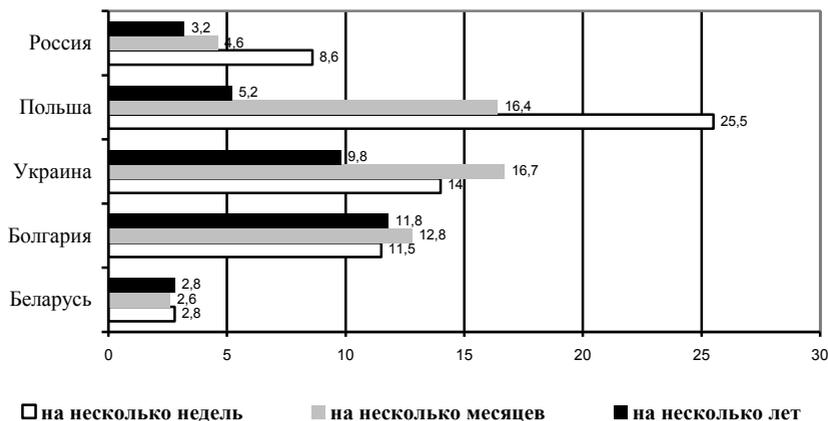

Рисунок 1 – Намерения выехать в другую страну для работы (очень вероятно + скорее вероятно, в %)

В течение последних лет трансформационные процессы в экономике актуализировали вопросы поиска работы для населения постсоветских государств, а также тех стран, которые относились к социалистическому лагерю. Если раньше работа являлась гарантированным правом, то в настоящее время ситуация поменялась, и проблема трудоустройства волнует многих: во всех странах более 80 % респондентов отметили, что безработица угрожает семье и личной жизни.

Среди каналов поиска работы и непосредственно трудоустройства выделяют формальные и неформальные, в зависимости от того, при помощи каких посредников соискатели находят работу на рынке труда. В настоящее время возрастает важность неформальных связей. Концепция «социальных сетей» М. Грановеттера, согласно которой процесс поиска информации о вакантных рабочих местах реализуется не через индивидуальные действия экономических агентов, а в определенном социально-институциональном контексте неформальных связей между людьми, в целом применима ко всем пяти странам. Вместе с тем степень важности неформальных сетей и связей зависит от того, насколько успешно в странах применяются меры активной политики рынка труда. Отвечая на прожективный вопрос «Если Вам придется решать вопрос своего трудоустройства, что Вы будете делать в первую

очередь?», более половины опрошенных жителей Беларуси (53,3 %) указали на помощь родственников и почти 40 % заявили, что будут обращаться к друзьям, знакомым. У россиян наоборот: 56,6 % надеются на помощь друзей, знакомых, а 38,2 % готовы обратиться к родственникам. Похожие намерения у жителей Украины и Польши: более 40 % респондентов в этих странах готовы в первую очередь использовать связи друзей и знакомых, а 26 % опрошенных возможности своего трудоустройства связывают с родственниками. Такие же приоритеты и у болгар. Наиболее высокий уровень индивидуальной активности на рынке труда демонстрируют поляки. Они в большей степени, чем жители других стран, готовы искать работу самостоятельно через объявления о вакантных должностях (46,3 %), размещение объявлений, рассылку сведений о себе потенциальным работодателям (24,0 %), выезжать за границу для поиска работы (28,7 %). О своих намерениях учредить частный бизнес в случае потери работы заявили 15,9 % опрошенных в Польше. Следует отметить, что в других странах открытие собственного дела не является столь привлекательным. Такой путь решения проблемы трудоустройства выбрали менее 3 % респондентов в Беларуси, Украине, России.

Формальный канал поиска работы – Центры занятости – в большей степени востребован у жителей Польши (42,2 %) и Украины (40,2 %). В других странах-участницах проекта надежда на этот канал не так велика. Только каждый четвертый связывает надежды на свое трудоустройство с государственной службой занятости, где зачастую предлагается мало оплачиваемая работа либо работа не по специальности. Проблема сегодня заключается не только и не столько в широкой распространенности социальных сетей как посредника на рынке труда, но в самом механизме функционирования социальных сетей как канала трудоустройства, в формах, которые он принимает. Присутствие социальных сетей в большей или меньшей степени характерно для всех рынков труда (прежде всего в качестве информационного посредника). Вопрос в том, где граница избыточного присутствия, каковы критерии гипертрофированной роли социальных сетей, и на данный момент он остается открытым.

Рассматривая различные формы капитала, П. Бурдьё отмечал, что для достижения высокой социальной позиции наряду с экономическим значимым является и наличие таких нематериальных форм капитала, как культурный и социальный. Под социальным капиталом подразумеваются ресурсы социальных отношений и сетей отношений, облегчающих действия индивидуумов за счет формирования доверия, определения обязанностей и ожиданий, формулирования и

внедрения норм, создания ассоциаций и т.д. Различные члены сети оказывают разные виды поддержки. Внутри сообществ есть разные виды помощи: эмоциональная поддержка, мелкие и крупные услуги, финансовая помощь, партнерство и информирование о работе и жилье. Каким объемом социального капитала располагают сегодня жители Беларуси, Болгарии, Польши, России, Украины?

Распределение ответов на прожективный вопрос «Если Вам очень срочно понадобятся деньги, что Вы будете делать в первую очередь?» свидетельствует о том, что примерно половина опрошенных во всех странах надеются на помощь родственников. Немалая доля и тех, кто уверен, что деньги в долг могут дать друзья, знакомые (от 30 до 42 %). Жители Польши в случае материальных затруднений готовы вести себя активнее других: 16,6 % из них надеются получить материальную помощь на работе (в остальных странах на этот источник указали до 7 % респондентов), 12,9 % готовы обратиться за помощью в органы местной власти (в других странах лишь около 3 %), 10,8 % предполагают, что смогут решить свои материальные проблемы, продав вещи или заложив их в ломбард (в других странах такой способ решения проблем выбрали не более 4 % опрошенных). Особое внимание следует обратить на группу респондентов, которые выбрали позицию «ничего не буду делать». Даже в прожективной ситуации они занимают пассивную позицию, не готовы к самостоятельному решению проблем, и, вероятно, не обладают достаточным социальным капиталом, который они могли бы использовать. Наиболее многочисленна эта группа в России (17,7 %), Украине (13,8 %) и Беларуси (9,0 %).

О социальном капитале, социальной сплоченности свидетельствует распределение ответов на вопрос «Можете ли Вы рассчитывать на помощь от кого-либо, кроме Вашей семьи, в случае, если у Вас возникнут следующие проблемы...».

Более уверенно себя чувствуют жители Беларуси и Польши. Свыше половины опрошенных в этих странах дали утвердительный ответ по поводу каждой из трех проблемных ситуаций:

- жизненного краха
- поиска работы
- отсутствия необходимых денег

Жители Украины и России, как свидетельствуют результаты кейс-стади, менее оптимистичны в отношении собственных сформированных связей и незримых уз доверия. Большинство респондентов не уверены, что смогут получить в случае необходимости эмоциональную поддержку, финансовую помощь.

Еще один стандартный, традиционный показатель наличия социального капитала – стабильность и прочность семейных уз. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в абсолютном большинстве семей России (91,2 %), Украины (89,2 %), Польши (81,9 %) и Беларуси (78,3 %) складываются дружеские, теплые, сердечные отношения. Несколько отличная ситуация в Болгарии. Только 59,5 % опрошенных в этой стране назвали отношения в семье дружескими, сердечными, а почти треть (32,8 %) опрошенных отметили, что каждый живет сам по себе, отношения в семье сдержанные и безразличные.

В ходе исследования респондентам предлагалось оценить, в какой степени актуальны для их населенного пункта такие проблемы, как алкоголизм, преступность, домашнее насилие и наркомания, см. Рисунок 2.

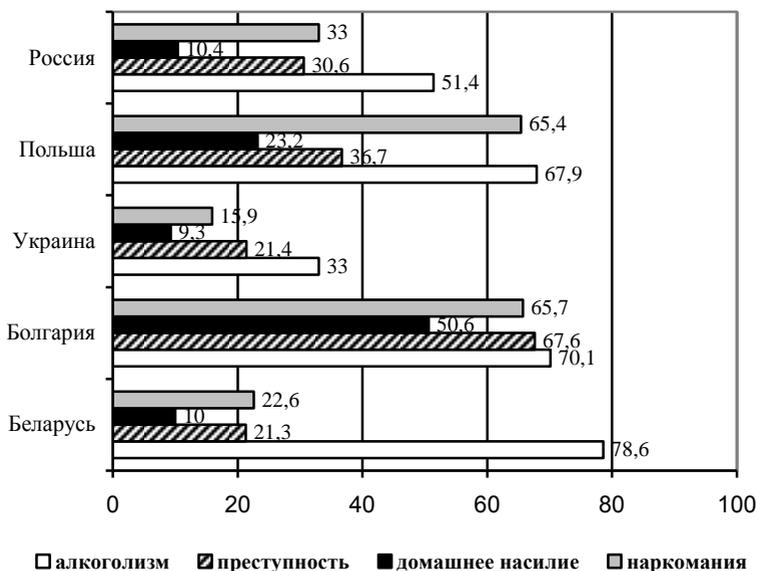

Рисунок 2 – Актуальность проблем для населенных пунктов (очень актуально + актуально, по странам, в %)

Как свидетельствуют данные, представленные на графике, самая большая проблема белорусского региона – алкоголизм. В болгарском городе Перник наряду с алкоголизмом жители озабочены проблемами преступности, наркомании, каждый второй опрошенный считает актуальной проблему домашнего насилия. Польские респонденты с

тревогой говорят об алкоголизме и наркомании. Жители города Ступино (Россия) озабочены проблемой алкоголизма, хотя и в меньшей степени, чем в Беларуси, Болгарии, Польше. Наиболее благополучной выглядит ситуация в Украине, где на актуальность каждой из перечисленных проблем указали не более трети респондентов.

Еще одна значимая для всех регионов проблема – наличие коррупции в стране, см. Рисунок 3.

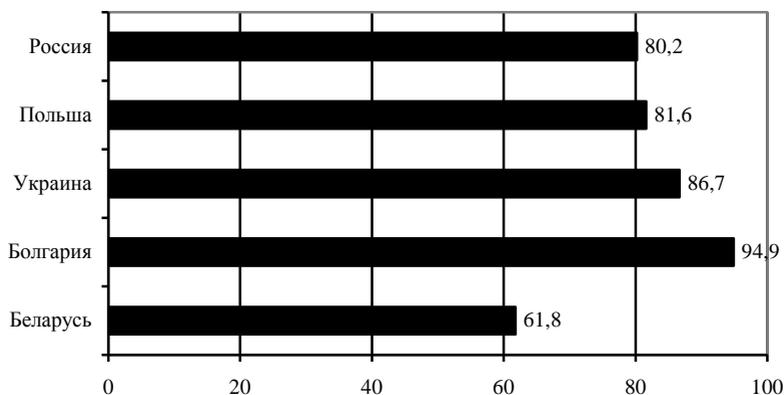

Рисунок 3 – Оценка ситуации с коррупцией в стране (очень серьезная проблема + серьезная проблема, по странам, в %)

Как видно на графике, наиболее тревожная ситуация в этой области сложилась в Болгарии. Более 90 % опрошенных в г. Пернике считают данную проблему серьезной. По сравнению с другими странами более благополучной выглядит ситуация в Беларуси, хотя и здесь более 60 % респондентов указали на серьезность проблемы коррупции для страны.

О патерналистских настроениях населения, социальном иждивенчестве может свидетельствовать представление респондентов о роли государства в решении проблемы социальной сферы. В наибольшей степени патерналистские настроения присущи жителям Беларуси и Украины: более трех четвертей опрошенных в этих странах уверены, что государство должно в полной мере нести ответственность за обеспечение работой, оказывать финансовую помощь в случае безработицы, обеспечивать бесплатное образование и медицинское обслуживание, и самое удивительное – обеспечивать жильем. Россияне уже поняли, что они самостоятельно должны искать работу, большинство болгар не ждут от государства бесплатного жилья. У поляков привычка к

распределительным отношениям ушла в прошлое. Жители Польши чаще других подчеркивали, что решать главные жизненные вопросы (обеспечение работой, жильем и др.) должен сам человек, от государства можно ждать только незначительной помощи. Рыночная экономика уже сформировала у поляков установки на самостоятельность, личную ответственность за свою судьбу.

Таким образом, результаты кейс-стади свидетельствуют о том, что существуют различия в типах социально-экономического поведения, в выборе путей решения собственных проблем у жителей стран-участниц данного проекта.

Наибольшую потенциальную трудовую мобильность демонстрируют жители Польши и Болгарии, более высокий уровень индивидуальной активности на рынке труда характерен для поляков.

У жителей Беларуси на фоне низкой удовлетворенности размером заработной платы отмечается низкая потенциальная трудовая мобильность.

Во всех странах респондентов беспокоит угроза безработицы, также практически все участники исследования среди каналов трудоустройства отметили большую значимость неформальных сетей и связей, в значительно меньшей степени надежды на трудоустройство связываются с формальными каналами поиска работы.

Оценивая собственный социальный капитал, более уверенно чувствуют себя жители Беларуси и Польши, а жители Украины и России менее оптимистичны в отношении собственных сформированных социальных связей.

В наибольшей степени патерналистские настроения присущи белорусам и украинцам, в решении собственных социально-экономических проблем они склонны рассчитывать на государство. Жители стран с более развитой рыночной экономикой – россияне, болгары и поляки – настроены решать главные жизненные проблемы (обеспечение работой, жильем и др.) в большей степени рассчитывая на собственные силы.

В целом прослеживается четкая тенденция: более высокий уровень развития рыночных отношений в экономике формирует у людей самостоятельность и личную ответственность в решении основных жизненных проблем и как следствие более активные модели поведения на рынке труда.

Д.Г. Ротман, А.Н. Данилов

1.2 Единое информационное пространство Беларуси и России как условие толерантных взаимоотношений народов двух стран

Вопрос особой значимости для строительства Союзного государства – это наличие эффективных СМИ и ведение активной информационной политики. В качестве одного из мероприятий, предусмотренных Программой действий по реализации положений Договора о создании Союзного государства, предусмотрено обеспечение единого информационного пространства. Именно это пространство может способствовать формированию толерантного отношения граждан обеих стран друг к другу, гарантировать высокий уровень информированности о ситуациях в каждом из государств Союза, развивать новое качество – союзный патриотизм.

Актуальность этой проблемы диктует необходимость ее рассмотрения через призму общественного мнения. Данные массовых опросов, проведенных Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета в 2007 - 2009 годах, свидетельствуют о том, что подавляющее большинство белорусов волнует проблема взаимоотношений Беларуси с ближайшим соседом и союзником Россией. Следует также отметить, что, несмотря на ряд возникших в последнее время разногласий между нашими странами, в целом большинство белорусов и сегодня хорошо относятся к России. Нынешние отношения между Беларусью и Россией большинство белорусов определяют как дружеские или скорее дружеские. Вместе с тем следует отметить: более трети опрошенных считают, что отношения между двумя нашими странами нейтральные, а 12,5 % называют их враждебными или скорее враждебными.

По данным многолетних опросов общественного мнения можно сделать вывод, что за последний год несколько уменьшилось количество сторонников тесного сближения Беларуси и России, см. Таблицу 1.

Таблица 1 – Союз РФ и РБ, в %

Формы Союза РБ и РФ	1994 год	1997 год	1999 год	2001 год	2003 год	2007 год	2008 год	2009 год
1. Беларусь должна войти в состав Российской Федерации в качестве ее субъекта.	10,4	2,7	2,2	3,0	8,3	2,9	2,7	2,5
2. Беларусь и Россия должны создать единое федеративное государство.	30,8	28,1	30,5	28,0	27,6	8,9	9,0	11,2
3. Беларусь и Россия должны образовать Союз суверенных и независимых государств, сохраняющих свои Конституции, вооруженные силы и территориальную целостность (по образцу ЕС).	39,6	49,9	43,3	40,2	44,9	53,0	69,0	67,8
4. Создание Союза в любой форме нецелесообразно.	15,5	13,8	20,2	17,6	18,5	18,6	8,5	12,7
5. Затруднение с ответом.	3,7	5,5	3,6	11,2	0,8	16,6	10,8	5,8

Число белорусов, считающих создание Союза Беларуси и России нецелесообразным, в последние годы оставалось на уровне 18 – 20%. Однако, в 2008 году число противников такого Союза резко снизилось и составило 8,5%, а в 2009 снова возросло и составило 12,7%. Нельзя не отметить тот факт, что если несколько лет назад (в 1994-2005г.г.) за объединение в одно государство высказывалось до 30 % населения, то к 2007 - 2009 г.г. – менее 10%. Число жителей Беларуси, считающих, что Беларусь и Россия должны образовать Союз суверенных и независимых государств по принципу Евросоюза, выросло на 25%. Следует также отметить, что значительно большее число респондентов по сравнению с опросами прошлых лет затруднились дать ответ на вопрос о форме союза: среди участников опроса 2007 года таких оказалось 16,6 %, а в 2008 году 10,8%. Можно сделать вывод о том, что у населения Беларуси, даже у искренних сторонников интеграции с Россией, начинает накапливаться определенное недоверие к декларациям об объединении, не подкрепляемым реальными шагами по созданию единого Союзного государства.

Следует обратить внимание и на результаты исследования, проведенного ЦСПИ БГУ в конце 2008 года. Вот ответы жителей нашей страны на некоторые вопросы, связанные с взаимоотношениями РБ и РФ.

Если бы сегодня проходил референдум по выбору будущего пути развития нашей страны, как бы Вы проголосовали?

- 1) За усиление связей и сотрудничества с Россией – 30,3%;
- 2) За усиление связей и сотрудничества с Европейским Союзом – 7,0%;
- 3) За усиление связей и с Россией и с Европейским Союзом – 47,3%;
- 4) Против усиления связей и с Россией и с Европейским Союзом – 1,7%;
- 6) Трудно сказать определенно – 13,7%.

Если бы пришлось выбирать между Союзным государством РФ и РБ и вступлением в Европейский Союз, что бы Вы выбрали?

- 1) Союз с Россией – 56,0%;
- 2) Вступление в ЕС – 18,2%;
- 3) Трудно сказать определенно – 25,8%.

На эти цифры следует обратить внимание.

Необходимо отметить также, что большинство жителей нашей страны (72,8%) одобряют сегодняшний курс внешней политики Беларуси.

В рамках проекта «Анализ состояния и перспектив развития единого информационного пространства Беларуси и России» в 2007 году был проведен опрос экспертов, в качестве которых выступали журналисты, работающие в белорусских, российских и союзных средствах массовой информации. Всего методом анкетирования было изучено мнение 35 экспертов. Они оценили состояние белорусско-российских отношений, а также состояние и перспективы развития единого информационного пространства Беларуси и России, высказали предложения по оптимизации процесса формирования единого информационного пространства двух стран.

Эксперты в большинстве оптимистично оценивают нынешнее состояние отношений между Россией и Беларусью: 17,1% охарактеризовали их как дружеские; 68,6% как достаточно дружеские; 11,4% – нейтральные и лишь 2,9% назвали отношения между двумя странами «скорее враждебными».

В ходе опроса экспертам было предложено ответить на вопрос «Как Вы считаете, существует ли реально Союзное государство Беларуси и России?». Данные опроса говорят о том, что большинство экспертов считают: на сегодняшний день Союзное государство реально пока еще не существует, но Беларусь и Россия находятся на этапе его строительства. Только 5,7 % экспертов считают, что Союзное государство уже реально существует. Почти четверть опрошенных экспертов считают, что реальных шагов на пути к строительству Союзного государства нет, все

ограничивается политическими декларациями. Но, судя по ответам на открытый вопрос (без предложенных вариантов ответа), респонденты считают строительство Союзного государства необходимым и предлагают ряд мер, которые следует предпринять для того, чтобы Союзное государство России и Беларуси стало реальностью. По мнению экспертов, для этого следует (далее по тексту курсивом выделены цитаты экспертов):

➤ *Создать единое экономическое пространство, более плотно проводить экономические преобразования, направленные на общие интересы, ввести единую валюту.*

➤ *Проявить большие желания и участия ответственным лицам, устранить бюрократические препоны в министерствах и ведомствах.*

➤ *Проявить политическую волю руководству стран, лидерам обоих государств быть последовательными в принятии решений, идти на неформальный диалог, реально выполнять достигнутые договоренности.*

➤ *Принять Конституционный акт, избрать общий Парламент, сформировать органы союзной государственной власти.*

➤ *Провести референдум народов двух стран и на его основании принимать решения, по его результатам установить конкретный срок для реального объединения.*

➤ *Больше рассказывать простым людям – белорусам и россиянам – об интеграционных процессах.*

➤ *Перестать строить отношения только на голом экономическом расчете, отказаться от попыток экономического давления.*

➤ *Создать общее информационное поле, прекратить политику натравливания СМИ друг на друга.*

➤ *Построить рыночную экономику в обоих государствах как базу для перехода на более качественный уровень отношений.*

➤ *Поставить жесткие сроки для выполнения этой задачи и неукоснительно соблюдать их на каждом этапе.*

Интересно рассмотреть мнения экспертов по вопросу формы союза Беларуси и России. Большинство из них (60,6%) полагают, что Беларусь и Россия должны образовать союз суверенных и независимых государств, сохраняющих свои конституции, вооруженные силы и территориальную целостность (по образцу Евросоюза) и 39,4% считают, что Беларусь должна образовать с Россией единое федеративное государство. Следует отметить, что мнения журналистов-россиян и журналистов-белорусов по данному вопросу существенно различаются. Подавляющее большинство представителей белорусских СМИ считают

целесообразным создание союза на основе равноправия, сохраняя суверенитет и независимость государств (такого же мнения придерживаются все опрошенные эксперты-журналисты союзных СМИ). В то время как большинство представителей российских СМИ выступают за образование единого федеративного государства.

Эксперты были единодушны в ответах на вопрос о целесообразности создания союза Беларуси и России. По мнению многих экспертов, этот Союз необходим.

Подобный экспертный опрос был осуществлен в 2008 году. Методом глубинных интервью изучалось мнение 17 политиков, политологов, государственных служащих и журналистов. Мнения экспертов по вопросу будущего интеграции Беларуси и России разделились. Часть экспертов выразили надежду, что результатом интеграции станет создание реального Союзного государства, и это будет сопровождаться соответствующими законодательными актами (принятием Конституции), за этим последует укрепление военно-политического и торгово-экономического взаимовыгодного сотрудничества. Было высказано и другое мнение: процесс интеграции в Союзное государство затянулся, интеграционные возможности уже исчерпаны, поскольку Россия не рассматривает Беларусь как равного партнера, интеграция с российской стороны понимается ограничено. По мнению экспертов, объединение по типу СССР не нужно и не целесообразно, скорее следует объединяться по типу ЕС. Эксперты были категоричны: Беларусь не намерена и не будет становиться российской губернией ни в коем случае. Беларусь и Россия должны выстроить стратегически партнерские отношения на гармоничной основе, это два суверенных государства и, именно таким видится тесный, стратегический союз.

Отсутствие эффективной информационной поддержки крайне отрицательно сказывается на процессе строительства Союзного государства. Поэтому все последние годы сторонники Союза много говорили о необходимости единого информационного пространства, о создании для этого союзных СМИ. Актуальностью вопросов, связанных с единым информационным пространством Беларуси и России, объясняется активность экспертов в обсуждении данной темы. Так, в опросе 2007 года 97,1% экспертов считают, что единое информационное пространство Беларуси и России в современном информационном мире необходимо. Что понимают белорусские и российские журналисты под единым информационным пространством? По этому поводу экспертами были высказаны различные мнения, среди которых можно выделить следующие:

➤ *Равные права СМИ обеих стран, создание равных прав для журналистов обеих стран для выступления в прессе на территории Беларуси и России.*

➤ *Равный доступ к информационным ресурсам обоих государств, полная прозрачность для взаимного проникновения информационных потоков, свободный информационный обмен, свобода получения информации для СМИ.*

➤ *Элементарное знание того, что происходит в Беларуси у россиян и наоборот, в общедоступных СМИ информировать о событиях в двух странах.*

➤ *Свобода создания СМИ и их распространения, белорусские и российские СМИ должны без цензуры свободно распространяться на всей территории Союзного государства.*

➤ *Свобода выражать мнения относительно всех сторон жизни в двух странах.*

➤ *Отсутствие черного PR в СМИ обоих государств относительно Союзного государства. СМИ должны сформировать и донести идею объединения до народа.*

➤ *Реализация совместных проектов, для творческого сотрудничества и обмена опытом, практика совместных телепередач, выпусков газет и т.д., регулярные встречи журналистов двух стран.*

➤ *Беспрепятственное передвижение журналистов внутри пространства.*

➤ *Создание совместных российско-белорусских СМИ.*

➤ *Объективное отображение экономической, политической и социальной ситуации на территории двух государств без лоббирования чьих-либо интересов.*

В ходе опроса экспертов ни один из журналистов не сказал, что единое информационное пространство Беларуси и России в современном информационном мире не нужно. Но многие из них считают, что единое информационное пространство уже есть: российское телевидение принимают во всех областях Белоруссии, купить центральные российские газеты и журналы в Бресте не сложнее, чем в Хабаровске. Более того, благодаря Интернету информационное пространство безгранично. Как показали результаты проведенного экспертного опроса, 34,3% экспертов считают, что единое информационное пространство двух стран сегодня уже существует. Однако большинство экспертов придерживаются противоположной точки зрения: 60% склоняются к тому, что единого информационного пространства Беларуси и России реально не существует и 5,7% экспертов твердо в этом убеждены.

Из тех экспертов, которые считают, что единого информационного пространства Беларуси и России реально не существует, 30,4% склонны возлагать ответственность на российскую сторону и 69,4% считают виновными обе стороны.

Из тех экспертов, которые считают единое информационное пространство двух стран реальностью, 41,6% считают, что белорусские и российские СМИ обладают равными правами. Более половины экспертов (58,4%) – напротив, склонны констатировать неравенство прав средств массовой информации Беларуси и России.

Реально Союзное государство нуждается в качественных изменениях уже существующего единого информационного пространства, в том, чтобы оно работало на благо Союза. По мнению экспертов, единое информационное пространство нужно:

➤ *Для более полного информирования населения, для доступа граждан Беларуси и России к полной и объективной информации о событиях в двух странах, для полноценного освещения событий в России и Беларуси.*

➤ *Для того, чтобы не искажалась эта информация в угоду политическим амбициям неких партий, влиятельных экономических кланов, для исключения случаев искажения информации и тенденциозной ее подачи.*

➤ *Для укрепления дружбы и доверия между народами, чтобы граждане Беларуси и России чувствовали себя в единой стране.*

➤ *Для приумножения культурного наследия народов, для создания прочных межкультурных связей.*

➤ *Для доступа к информационным источникам обоих государств, для свободного объективного обмена информацией.*

➤ *Для формирования равных условий при интеграции.*

➤ *Для распространения опыта.*

➤ *Для совместного противостояния информационной интервенции извне.*

➤ *Чтобы лучше знать друг друга, особенно молодежи, чтобы воспитывать патриотов единого отечества.*

Резюмируя высказывания экспертов относительно функций единого информационного пространства, можно сказать, что все эксперты придерживаются той точки зрения, что единое информационное пространство должно быть политической и психологической основой Союзного государства и необходимо для его успешного строительства.

Развитие интеграционных процессов невозможно без должного информационного обеспечения. Это проблема серьезная, для ее

эффективного решения необходима систематическая и многоплановая работа профессионалов высокого класса. Информационное обеспечение подразумевает, среди прочего, подготовку общественного мнения к положительному восприятию Союзного государства. И решающая роль в этом принадлежит средствам массовой информации.

Наиболее популярным и востребованным средством массовой информации в настоящее время является телевидение. Именно оно во многом определяет направленность развития информационного поля. По популярности телевидение значительно превосходит радио, печатные СМИ и Интернет. Данные регулярных опросов, проводимых Центром социологических и политических исследований на протяжении последних пяти лет, позволяют с достаточной долей уверенности утверждать, что телевидение всегда находилось вне конкуренции среди прочих СМИ как основной источник информации, а, следовательно, и его влияние на население страны является наибольшим.

Из всего обилия телевизионных каналов наиболее популярными на территории Республики Беларусь являются белорусские и российские каналы. Анализ данных исследований последних лет показывает: группа респондентов, называющих любимым один из ведущих белорусских каналов, почти вдвое больше той группы, которая считает любимыми российские телевизионные каналы. Ведущие белорусские каналы сохраняют недосыгаемое лидерство во всех анализируемых аспектах телевизионного вещания как составляющей информационного поля Республики Беларусь. Высокие показатели предпочтения подкрепляются и высоким уровнем доверия жителей страны белорусским.

В целом уровень доверия белорусским каналам существенно выше, чем российским. На сегодняшний день 61,2 % респондентов доверяют белорусским телеканалам, тогда как только 26,1 % доверяют российским телеканалам. Более того, при анализе динамики изменения доверия отчетливо виден рост доверия к белорусским и падение доверия к российским телеканалам. Можно предположить, что в данном случае существенное влияние на снижение доверия к российским телевизионным каналам оказали последствия нефтегазового конфликта между Россией и Беларусью, произошедшего в конце 2006 – начале 2007 гг. В ходе этого конфликта как в российских, так и в белорусских СМИ было опубликовано множество информационных сообщений «разоблачающих» противоположную сторону. Подобные действия укладываются в понятие «информационная война» и обычно негативно сказываются как на отношении аудитории к противоположной стороне в целом, так и на оценке деятельности средств массовой информации, отражающих позицию этой стороны.

Печатные СМИ занимают второе место после самого популярного в настоящее время телевидения и значительно превосходят по численности аудитории радио и Интернет. Этот вид СМИ наиболее традиционный, многие респонденты привыкли получать информацию из газет. Белорусским печатным СМИ оказывается высокое доверие со стороны читателей страны (86,3%). Причем следует отметить, что за последний год позиции белорусской прессы укрепились, а российской, наоборот, еще более ослабились.

Из широкого спектра газетных изданий наиболее популярными на территории Республики Беларусь являются белорусские и российские издания. Подобная тенденция сохраняется последние несколько лет. На протяжении последних пяти лет ведущие российские и ведущие белорусские газеты имеют примерно одинаковые по размеру группы приверженцев, тех людей, которые называют в качестве любимых и наиболее часто читаемых одно из российских или белорусских ведущих изданий.

Поскольку информацию о положении в стране, о развитии событий люди черпают преимущественно из средств массовой информации, СМИ в значительной степени формируют в сознании людей представления об имидже страны, о политике государства в различных областях, о состоянии и развитии общества в целом, в том числе и об интеграционных процессах между Беларусью и Россией.

Сравнительный анализ мнений респондентов, являющихся приверженцами белорусских и российских средств массовой информации (проведенный на основе группировки) обнаружил различия в восприятии некоторых проблем, связанных с ситуацией в Беларуси. В сознании приверженцев белорусских СМИ имидж Беларуси является более позитивным, и они более оптимистично оценивают развитие событий в нашей стране, чем приверженцы российских СМИ.

Основываясь на анализе данных массовых опросов и опроса экспертов, можно сделать вывод, что информационная поддержка крайне важна для дальнейшего успешного осуществления процесса строительства Союзного государства. Сегодня речь следует вести о качественных изменениях уже существующего единого информационного пространства с тем, чтобы оно работало на благо Союза. Для этого средства массовой информации должны представлять больше информации о ходе союзного строительства. Отсутствие

правдивой и полной информации негативно сказывается на общественной поддержке Союзного государства. Именно такая ситуация приводит к явному падению общественного интереса к объединению. По мере развития интеграционных процессов следует развивать и информационное обеспечение, которое подразумевает, среди прочего, подготовку общественного мнения к положительному восприятию Союзного государства.

ГЛАВА 2

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: ПОИСК ОТВЕТОВ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Д.Г. Ротман, Л.А. Соглаева

2.1 Качество жизни населения как показатель стабильности новых независимых государств.

Характерной особенностью последнего десятилетия двадцатого века стали радикальные изменения в Центральной и Восточной Европе, вызвавшие не только падение коммунистических режимов, но и, как следствие распада супердержавы СССР, образование новых независимых государств. Эти изменения не могли не вызвать повышенный интерес ученых – обществоведов, и, в первую очередь социологов, так как появилась реальная возможность проследить и исследовать реальный, а не вербально-гипотетический, процесс зарождения, развития и функционирования на европейском континенте, рыночных конкурентных отношений, демократически избираемых институтов власти, нового уклада жизни людей. Особенностью таких исследований является не только уникальность ситуации для современной цивилизации, но и условия, в которых они осуществляются: трудности становления экономик; перманентно усиливающееся противостояние множества разнополярных группировок, стремящихся занять лидирующее место на политическом Олимпе; недостаточный уровень политической культуры населения и так далее. Предметом анализа, изложенного в данной статье, стали проблемы связанные с качеством жизни населения новых государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, и их влияние на ситуацию в этих государствах. Особое внимание будет уделено Республике Беларусь. Эмпирической базой анализа стали данные, полученные в 1996, 2001 и 2006 годах Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета. В числе названных крупный международный проект – «Условия жизни, образ жизни и здоровье населения стран СНГ», который реализован в 2001-2003 годах в восьми постсоветских государствах, включая шесть стран расположенных в европейской части СНГ.

После распада супердержавы – Союза Советских Социалистических Республик образовалось пятнадцать государств, двенадцать из которых вошли в состав СНГ. Разрушение устоявшихся в

большой общей стране многолетних экономических и социальных связей не могло не повлиять на состояние национальных экономик. Уровень жизни людей резко снизился. Инфляция и безработица стали привычным и постоянным явлением. Бедность, а зачастую и нищета большинства населения, представителей практически всех социально-демографических групп стали печальной реальностью. Все это происходило на фоне слабости властей, в условиях политической неразберихи.

Таким образом, старт в будущее в 1991-1992 годах для всех стран, образовавшихся на постсоветском пространстве, осуществился примерно с одинаковых экономических и политических позиций.

Становление государств Содружества проходило далеко не одинаково. О некоторых итогах первого десятилетия самостоятельного независимого развития для большинства граждан СНГ можно подвести, используя данные, приведенные в Таблице 1, которые получены в процессе замеров в 2001 году.

Таблица 1 – Уровень жизни в ряде стран СНГ, определенный по критерию: «моей семье никогда не приходилось отказывать себе по причине недостатка средств в самом необходимом» (в %).

Параметры замера	Армения	Беларусь	Грузия	Молдова	Россия	Украина
В продуктах первой необходимости	24,2	63,2	31,0	25,3	52,4	32,7
В одежде, обуви, которые действительно необходимы	9,3	43,8	20,2	16,6	35,9	21,8
В медицинском обслуживании	16,5	67,2	14,0	19,3	53,4	29,2
В лекарствах	21,7	56,3	16,0	19,9	45,5	28,5
В электричестве	22,8	85,6	12,8	33,9	74,4	44,7
В отоплении	21,8	82,1	24,4	75,7	75,7	47,9
В ремонте жилья	3,5	27,5	3,9	13,3	24,7	13,8

Примечание – Приведенные данные получены в ходе опросов населения названных стран в рамках проекта «Условия жизни, образ жизни и здоровье населения стран СНГ». Сбор информации осуществлялся по репрезентативным национальным выборкам. В каждой из стран опрашивалось от 2000 до 2400 респондентов. В проекте принимали участие социологические службы Австрии, Армении, Беларуси, Великобритании, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России и Украины.

Результаты исследования свидетельствуют о далеко не одинаковой оценке своего материального положения гражданами стран-участниц проекта. По всем позициям лидирует Беларусь, несколько опережая Российскую Федерацию. На противоположном полюсе остальные страны. В Армении, Грузии, Молдове и Украине на момент проведения опроса в 2001 году граждане не чувствовали себя уверенно.

Другие данные, связанные с оценками условий жизни и образа жизни в странах-участницах проекта, продемонстрировали те же тенденции. Так оценка уровня материального благосостояния своих семей респондентами следующая, см. Таблицу 2.

Таблица 2 – Оценка респондентами уровня материального благосостояния своих семей (в %).

Параметры замера	Армения	Беларусь	Грузия	Молдова	Россия	Украина
Денег недостаточно даже на еду	46,6	9,4	36,2	25,3	13,3	29,2
Денег достаточно только на еду и одежду	48,9	66,9	54,3	62,4	61,4	57,2
Денег достаточно, чтобы купить холодильник, но не достаточно для того, чтобы купить машину или квартиру	2,7	18,9	7,7	8,8	21,8	10,8
Денег хватает на приобретение дорогих товаров (машины, квартиры и т.д.)	0,5	2,2	0,6	1,6	2,5	1,1
Затруднение с ответом	1,3	2,6	1,2	1,9	1,0	1,7

Приведенные данные свидетельствуют о том, что и здесь лидируют Россия и Беларусь.

Наконец, число респондентов удовлетворенных своей жизнью в целом (на момент проведения опроса) в Беларуси было 53,4%, в России – 55,3%, а в Армении, в Грузии, в Молдове и в Украине – 40,2%, 12,0%, 39,6% и 39,8% соответственно.

Следует обратить внимание на тот факт, что именно в этих государствах были значительные политические проблемы, а в Украине и в Грузии произошли так называемые «цветные революции».

Все это позволяет сделать вывод о тесной, прямой связи между характеристиками «качества жизни» и возможностью возникновения «революционных ситуаций» и побед «цветных революций».

Анализ результатов многочисленных сравнительных социологических исследований (как международных, так национальных), осуществленных при непосредственном участии, а во многих случаях и под руководством авторов позволил разработать логическую модель становления новых независимых государств на посткоммунистическом и, в частности, на постсоветском пространстве. Согласно такой модели молодое государство проходит следующие этапы:

1. *Поисковый этап.* На данном этапе формируются государственные структуры управления и новые политические институты, определяются пути становления и развития государства и общества. Для этого этапа характерны социальные катаклизмы; радикальное противостояние политических группировок; неудовлетворенность большинства граждан своей жизнью и т.д. Следует отметить то, что поисковый этап может реализовываться в две последовательные стадии: *стихийную* (серии эмоциональных, до конца не спланированных действий, последствия которых заранее не спрогнозированы) и *упорядоченную* (серии эмоционально-рациональных действий без учета их последствий в достаточно далеком будущем).

2. *Стабилизационный этап.* Этап усиления авторитета власти и постепенного улучшения жизни граждан. Для данного этапа характерны продуманные действия органов социального управления, прогнозирование последствий принятия общезначимых управленческих решений, постепенный рост уровня безопасности и спокойствия в обществе, реальное, хотя и постепенное, укрепление демократических институтов.

3. *Устойчивый этап.* Этап так называемого устойчивого развития общества и государства. Для данного этапа характерны: высокие уровень и качество жизни граждан, их абсолютная уверенность в завтрашнем дне и в желаемом будущем для подрастающего поколения.

Приведенные ранее данные исследований показывают, что с достаточной степенью уверенности можно утверждать – Беларусь и Россия находятся на стабилизационном этапе своего развития, в то время как другие страны СНГ все еще остаются в стадии поиска пути.

Попытаемся дать более подробную характеристику условий и качества жизни населения Беларуси в условиях стабилизационного этапа развития. Основными характеристиками, отражающими качество жизни населения, выступают: субъективные показатели удовлетворенности жильем, работой, учебой, уровнем образования, финансовым положением семьи. Условно показатели качества жизни можно разделить на два больших блока: макроуровень, то есть удовлетворенность общими условиями социальной жизни и направлением развития государства

(например, удовлетворенность развитием политического поля, экономики, различных социальных сфер, таких как медицина, образование и так далее) и микроуровень, то есть субъективные показатели удовлетворенности различными аспектами своей жизни (например, жильем, работой, образованием и так далее, то есть всем тем, что окружает человека в его повседневной жизни и имеет непосредственное отношение к нему). Сравнительный анализ данных 1996, 2001 и 2006 гг. фиксирует ярко выраженную положительную динамику в оценке населением качества жизни, см. Таблицу 3.

Таблица 3 – Степень удовлетворенности населения условиями жизни в стране на макро уровне (позитивные оценки в %).

Оцениваемые параметры	1996 год	2001 год	2006 год
Развитием демократических институтов	14,2	24,5	52,1
Развитием экономики	14,9	21,4	59,4
Системой социальной защиты	18,3	39,6	50,0
Системой образования	43,2	50,7	60,7
Системой здравоохранения	28,6	47,8	51,1
Работой правительства	11,1	25,9	51,4

Как видно из приведенных выше данных, население демонстрирует достаточно высокий уровень удовлетворенности условиями социальной жизни и направлением развития государства.

Важным показателем качества жизни населения является стабильность политической ситуации, уровень развития демократии, удовлетворенность работой правительства. Сравнительный анализ данных показывает, что за десять лет, количество людей, довольных ходом преобразований в сфере политики существенно увеличилось. Так, если в 1996 году только 14,2% граждан страны были удовлетворены развитием демократических институтов и, следовательно, ходом политического процесса в целом, то в 2006 году эта доля увеличилась более чем в три с половиной раза и достигла 52,1 %.

Многолетние наблюдения авторов позволяют утверждать, что рост социальной напряженности становится явным, если общая доля граждан, удовлетворенных развитием страны и поддерживающих это развитие, опускается ниже 30 %. Сегодня в Беларуси уровень удовлетворенности развитием демократических институтов достаточно высок.

Динамику изменения отношения населения к развитию политического процесса в Беларуси в целом правомерно эксплицировать и на отношении населения к работе правительства (имеется ввиду

высший орган исполнительной власти в стране – Совет Министров Республики Беларусь), которое является своеобразной лакмусовой бумажкой оценки состояния политической сферы, с одной стороны, и показателем уровня поддержки населением властвующей политической элиты, с другой стороны. Результаты исследования показывают, что сегодня более половины населения (51,4 %) удовлетворено тем, как правительство справляется со своими обязанностями, тогда как десять лет назад эта цифра равнялась лишь 11,1%. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне поддержки правительства населением и одобрении гражданами развития всего политического процесса в целом.

Важным показателем качества жизни является личностная оценка граждан уровня экономического развития своего государства. Доля лиц, удовлетворенных развитием экономики в стране, за последние десять лет увеличилась практически в 4 раза: с 14,9 % в 1996 году до 59,4 % в 2006 году. Оценка населения является самым независимым объективным критерием развития экономики, фальсифицировать который, в отличие от цифр статистической отчетности, невозможно. Последние тенденции, наметившиеся в экономике, в первую очередь стабилизация курса национальной валюты, снижение до минимума темпов инфляции, рост валового внутреннего продукта дают положительный эффект, повышают уровень удовлетворенности населения развитием экономики и государства в целом.

Другими не менее важными сферами, от которых зависит как качество жизни граждан, так и их материальное благополучие, являются так называемые социальные сферы – образование, медицинское обслуживание, социальное обеспечение и так далее. Во многом уровень развития этих сфер и определяет реальное качество жизни граждан. Особенностью функционирования этих сфер является то, что они не могут быть существенно изменены в короткий промежуток времени. Так, для перехода на более высокий уровень развития медицины недостаточно просто выделить большое финансирование. Решение проблемы заключается в подготовке квалифицированных кадров, материально-техническом обеспечении всех медицинских учреждений и так далее, следовательно, поступательное развитие социальной сферы является последовательным и длительным процессом, поэтому и оценки населения по поводу их функционирования не могут отличаться значительно, хотя стоит отметить положительную динамику за последние десять лет. Так, количество людей, удовлетворенных системой образования в стране увеличилось на 22,5 %. Такая же тенденция наблюдается и в оценке населением работы системы социальной защиты.

Уровень удовлетворенных этой системой также неизменно растет: 1996 г. – 18,3%; 2001 – 39,6%; 2006 – 50,0%.

Позитивные изменения наблюдаются и в оценке системы здравоохранения страны. Если в 1996 году позитивные оценки давали 28,6% граждан, то 2001 году таких уже было 47,8%, а в 2006 году – 51,1%. Следует отметить тот факт, что темпы роста удовлетворенности работой системы здравоохранения снизились в период с 2001 по 2006 годы. Таково восприятие населением ситуации в названных сферах на макроуровне.

Важным показателем качества жизни людей является их удовлетворенность условиями своей жизнедеятельности на микроуровне: финансовым положением семьи, личным доходом, уровнем безопасности и т.д., см. Таблицу 4.

Таблица 4 – Степень удовлетворенности населения условиями жизни в стране на микро уровне (позитивные оценки в %).

Оцениваемые параметры	1996 год	2001 год	2006 год
Своим жильем	–	69,8	64,8
Качеством воды	–	63,8	51,7
Чистотой воздуха	–	60,2	53,3
Уровнем безопасности в Вашем населенном пункте	51,0	63,3	66,3
Своей работой (учебой)	43,6	64,4	66,4
Своим образованием	44,0	69,6	69,4
Своим личным доходом	12,5	25,8	39,2
Финансовым положением своей семьи на момент опроса	10,1	27,0	43,6

Наиболее положительная динамика в оценке фиксируется в оценке собственного материального положения и положения своей семьи. Так, если в 1996 году доля людей, удовлетворенных финансовым положением своей семьи, составляла 10,1%, то в 2006 году она увеличилась до 43,6%. Примерно такие же изменения отмечаются и при оценке гражданами Беларуси своих личных доходов. В период с 1996 по 2006 год количество удовлетворенных этими доходами увеличилось более чем в три раза - с 12,5% до 39,2%. Оценка степени удовлетворенности уровнем безопасности в своем населенном пункте практически увеличилась за десять лет в несколько меньшей степени, т.е. стала выше на 15,3%.

Позитивная тенденция прослеживается и в оценке населением степени удовлетворенности своим основным занятием (работой или учебой). В 1996 году высокие оценки дали 43,6% граждан, а в 2006 году

эта цифра возросла до 66,4 %. Однако, нельзя не отметить тот факт, что в период с 2001 по 2006 годы рост уровня удовлетворенности составил всего 2,0%.

Аналогичная тенденция наблюдается и в оценке населением своего образования. В 1996 году позитивную удовлетворенность констатировали 44,0% жителей страны, в 2001 году – 69,6%, а в 2006 году несколько меньше чем в 2001 – 69,4%. Скорее всего это ситуация связана со значительно возросшими требованиями субъектов реальной экономики (производственных концернов, предприятий и фирм) к уровню профессиональной подготовки специалистов, которые призваны обеспечить успех в их конкурентной борьбе как внутри страны, так и за рубежами Беларуси. Вместе с тем, нельзя не отметить то, что число удовлетворенных своим основным занятием и системой образования достаточно высоко и зафиксированные тенденции вряд ли должны вызывать чувство тревоги у специалистов и аналитиков.

Удовлетворенность условиями жизни (жилье, качество воды, воздуха) является важным параметром оценки качества жизни населения в целом. Нельзя сказать, что за последние пять лет (замеры по названным параметрам в 1996 году не осуществлялись) произошли какие-либо положительные изменения в этом отношении. Скорее можно говорить об определенных негативных тенденциях. Так, если в 2001 году 69,8 % населения было довольно своим жильем, то за пять лет эта доля сократилась до 64,8 %, то есть на 5 %. Тенденция не является стремительной, однако ее можно рассматривать как тревожный симптом, связаны с резким увеличением стоимости жилья в нашей стране.

Ещё более выражены отрицательные тенденции при оценке населением качества воды и воздуха. Так, если в 2001 году качеством воды были удовлетворены 63,8 % респондентов, то в 2006 году эта доля сократилась до 51,7 %, то есть более чем на 10 %. Описанная выше тенденция фиксируется и в оценке качества воздуха. Доля удовлетворенных чистотой воздуха сократилась с 60,2 % до 53,3 %.

Сравнительный анализ данных показывает, что оценки населением двух основных блоков: удовлетворенности на макроуровне, то есть общими условиями и направлением развития государства (например, удовлетворенность развитием политического поля, экономики, различных социальных сфер, таких как медицина, образование и так далее); и удовлетворенности на микроуровне, то есть условиями своей жизнедеятельности (жильем, работой, образованием, качеством воды, воздуха, личным материальным положением и финансовым положением своей семьи, то есть всем тем, что окружает человека в его повседневной жизни и связано непосредственно с ним),

имеют определенные отличия. В первом случае (макроуровень) – эти оценки достаточно высоки и позитивны, во втором (микроуровень) – в отдельных его позициях они противоречивы и характеризуются отсутствием позитивной динамики (за исключением самых важных блоков, связанных с материальным положением людей, где наблюдается ярко выраженная позитивная тенденция). Все это позволяет говорить о наличии так называемого «потенциала оптимизма» у граждан нашей страны. Этот тезис подтверждается следующими аргументами:

1. Наблюдается рост степени удовлетворенности жизнью в целом. Так в 1996 году позитивные оценки по данному параметру давали 32,2% граждан, в 2001 – 53,4%, а в 2006 уже 70,5%.

2. Значительное позитивное изменение мнений населения страны о правильности выбора пути развития зафиксировано в опросах, которые проводились в 1994 и 2006 годах, см. Таблицу 5.

Таблица 5 – Оценка населением направленности развития событий в Беларуси (в %)

Альтернативы	1994 год	2006 год
События развиваются в правильном направлении	20,8	74,2
События развиваются в не правильном направлении	15,3	15,9
Затруднение с ответом	63,9	9,9

3. С определенными допущениями сегодня можно утверждать, что в стране начался процесс формирования «среднего класса». Проведенная группировка данных позволяет получить картину ситуации, характеризующей материальное положение населения страны. Обратимся к таблице 6.

Таблица 6 – Динамика оценок материального положения белорусских семей (в %, по стратификационным группам)

Группы	1998 год	2006 год
«Состоятельные»	4,8	17,6
«Среднего достатка»	19,9	49,1
«Ограниченные в средствах»	75,3	33,3

Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о значительном увеличении (по сравнению с 1998 годом) числа граждан, которые могут быть отнесены к группам «состоятельные» и «среднего достатка». Вместе с тем, естественно, наблюдается значительное (более чем в два раза) уменьшение числа людей, относящих себя к группе «ограниченные в средствах». Можно предположить, что первые две группы приближаются по своему статусу к «среднему классу». Это еще

раз подтверждает правильность определения этапа развития Республики Беларусь сегодня. Данный этап является *«стабилизационным»*.

Очевидно, что ситуация в современной Беларуси остается достаточно благоприятной для проведения серьезных реформ, направленных на дальнейшее повышение качества жизни. По крайней мере, уровень доверия значительной части населения к существующим институтам власти и ее структурам, особенно в сравнении с другими постсоветскими государствами, представляется высоким. Это важнейший социальный ресурс. Конечно, однозначно нельзя утверждать, что данный ресурс является величиной постоянной и не может быть подвержен новым модификациям и изменениям. Дальнейшее развитие Беларуси будет в немалой степени зависеть от того, насколько эффективно и рационально наша страна и ее руководство сумеют распорядиться этим важным социальным ресурсом.

Л.В. Филинская

2.2 Экономическое поведение населения Республики Беларусь в современных условиях

Экономические преобразования в Беларуси представляют собой формирование своеобразной синтетической модели, сочетающей в себе элементы как плановой централизованной, так и конкурентной рыночной экономики. В условиях такой трансформации реализация экономической активности социальных субъектов приводит к формированию специфических типов экономического поведения, а также их многообразию. Это обусловлено тем, что правила рационального выбора (основополагающей составляющей экономического поведения) в условиях рынка и директивной экономики существенно отличаются (прежде всего, степенями экономической свободы, ответственности и риска).

Экономическое поведение определяется как совокупность поступков, действий людей, совершаемых в процессе их экономической деятельности, в производстве, распределении, обмене и потреблении материальных благ и услуг, направленных на субъективную оптимизацию вследствие сопоставления имеющихся ресурсов с возможными выгодами их использования. При этом выгоды могут быть экономическими (т.е. материально ощутимыми – деньги, товары и т.д.) и неэкономическими (психологическими, социальными). В ходе социологического анализа искомого феномена акцент делается на характеристике социально-экономических условий, ситуаций осуществления экономического поведения, социокультурных институтов и социальных субъектов, реализующих свои экономические интересы.

Экономическое поведение можно рассматривать на разных уровнях: макро- и микроэкономики, говорить об экономическом поведении личности, малой и большой социальных групп. Например, на уровне микроэкономики выделяется экономическое поведение потребителя, предпринимателя, наемного работника предприятий различных форм собственности. Макроэкономический уровень предполагает описание особенностей экономического поведения групп, объединений, организаций.

Характер современных рыночных преобразований оказывает противоречивое влияние на экономическое поведение жителей Беларуси. С одной стороны, у людей развиваются такие черты как самостоятельность, инициатива, предприимчивость, способность действовать в условиях конкуренции. Граждане страны, через опыт,

порой негативный, все более осваиваются с рыночными структурами. В обществе становится востребованной свобода, возможность заниматься предпринимательством, работать за границей. На первый план в системе ценностей выдвигаются деловые качества, умение зарабатывать, которые позволяют адаптироваться к новым экономическим условиям.

Представленный в статье анализ экономического поведения населения Республики Беларусь базируется на эмпирических данных двух общенациональных опросов, проведенных Центром социологических и политических исследований БГУ (апрель-май 2007 года, n=1000 человек; сентябрь 2007 года, n=1200 человек); также использована информационная база данных социологических исследований ЦСПИ БГУ (1997 – 2007 гг.).

Результаты социологических исследований показывают, что жители Беларуси в целом положительно оценивают происходящие перемены, см. Таблицы 1 и 2.

Таблица 1 – Оценка экономического положения страны населением Беларуси (в %)

Оценка	1997	1998	1999	2000	2005	2006	2007
Существенно улучшилось	3,7	1,5	1,6	1,5	8,7	4,3	6,6
Немного улучшилось	22,3	21,8	10,1	11,0	37,9	40,2	36,9
Не изменилось	26,3	27,2	17,4	26,1	30,8	43,2	31,0
Немного ухудшилось	20,0	17,5	25,6	25,5	9,8	6,4	13,0
Существенно ухудшилось	17,3	16,3	38,6	29,2	3,4	1,1	4,1
Затруднились ответить	10,4	15,7	6,7	6,7	9,4	4,8	8,4

Таблица 2 – Оценка населением Беларуси личного материального положения (в %)

Оценка	1999	2001	2003	2004	2005	2006	2007
Улучшилось	11,0	19,0	12,2	29,7	36,8	36,7	32,4
Не изменилось	20,5	43,7	37,6	42,5	39,4	44,1	46,5
Ухудшилось	65,6	36,0	49,2	24,9	21,4	14,6	18,4
Затруднились ответить	2,9	1,3	1,0	2,9	2,4	4,6	2,7

Вместе с тем, отвечая на вопросы «Как изменится экономическая ситуация в нашей республике через год?» и «Как изменится Ваше собственное материальное положение через год?», треть респондентов не смогли однозначно оценить вектор изменений экономики страны и личное материальное положение. «Уверенность в завтрашнем дне», как один из показателей стабильности советского общества, сегодня отнюдь не доминирует в общественном сознании.

Главное содержание экономического поведения – построение индивидуальных и групповых стратегий, направленных на

максимизацию выгоды, прежде всего, улучшение материального благополучия домохозяйств. Уровень материального положения – один из главных факторов, предопределяющих социально-экономические условия жизни населения республики. Под влиянием данного фактора формируются представления людей об успешности преобразований в обществе, их настроения в отношении личных перспектив.

Как свидетельствуют результаты опроса, проведенного в сентябре 2007 года, доля граждан, которых можно назвать «богатыми», составляет 1,5%. А доля тех, кого можно отнести к «нищим», составляет 3,7%,

В ходе анализа данных были сформированы три группы, которым мы присвоили следующие условные наименования: «состоятельные» (респонденты отметили позиции «мы не ограничены в средствах» и «семья позволяет себе самые дорогие продукты, денег хватает на вполне обеспеченную жизнь, но мы не можем делать очень дорогие покупки»); «среднего достатка» («можем позволить себе нормально питаться, одеваться, но не можем делать дорогие покупки») и «ограниченные в средствах» («денег хватает на питание, однако покупка других действительно нужных вещей вызывает у нас затруднения»).

В таблице 3 представлено распределение респондентов по трем группам, отличающимся по материальному положению.

Таблица 3 – Динамика материального положения населения Беларуси (в %)

Стратификационные группы	2003 год	2005 год	2007 год (сентябрь)
«Состоятельные»	7,0	14,4	24,7
«Среднего достатка»	25,9	40,8	44,6
«Ограниченные в средствах»	67,1	44,8	30,6

Данные таблицы показывают динамику субъективных оценок материального положения жителей Беларуси за последние 4 года: более чем в три раза выросло число «состоятельных» граждан и более чем в 2 раза сократилось число «ограниченных в средствах».

Среди тех, кому приходится отказываться даже от необходимых продуктов питания, преобладают пожилые люди, пенсионеры, не имеющие возможности подрабатывать.

Трансформация социально-экономической сферы особенно явно прослеживается в способах обеспечения индивидом своей жизнедеятельности. Результаты исследования свидетельствуют о том, что жители страны имеют весьма широкий спектр способов получить доход в том или ином виде и размере.

Произошедшие перемены в возможностях получения доходов неоднозначно воспринимаются в массовом сознании. У определенной части обеспеченных сограждан существуют опасения по поводу, если не реставрации прежней системы распределения, то возникающих прецедентов подобных действий со стороны органов власти. Поэтому по ряду источников дохода мы имеем, скорее всего, заниженные данные.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что заработная плата по основному месту работы для 61,9% опрошенных жителей Беларуси является основным источником дохода. Почти треть наших сограждан (31,9%) назвали пенсии и пособия. Традиционно значимым источником доходов является денежная помощь родственников (17,3%).

В новых условиях меняется внешний характер и внутреннее содержание трудового поведения. Изменения в характере связаны с новыми отношениями по поводу собственности, невозможностью достичь приемлемого уровня материального благополучия за счет работы на одном месте, отсюда, ориентация на вторичную занятость, работу на земельных участках, дачах. В настоящее время 4,0% опрошенных официально получают заработную плату на дополнительной работе, 5,2% имеет заработки от работы без официального оформления (оказание частных услуг, торговля, производство товаров для продажи товаров и т.п.). Получают доходы от продажи продуктов, произведенных в личном подсобном хозяйстве, 6,3% респондентов. Для сельских жителей этот источник доходов особенно значим (на него указали 16,5% опрошенных сельчан), т.к. позволяет отчасти компенсировать невысокую заработную плату. По данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь в октябре 2007 года средняя зарплата у работников промышленности равнялась \$390,6, строительства – \$455,9, транспорта – \$408,5, связи – \$369,6, в то время как у работников сельского хозяйства она составляла всего \$207,8 в эквиваленте.

Доходы от ценных бумаг, банковских вкладов, от продажи недвижимости, имущества и от сдачи в наем жилья получает совсем незначительное число наших сограждан (в сумме 2,8%). Однако можно смело предположить, что по этим формам получения дохода (от ценных бумаг, от продажи недвижимости, сдачи в наем жилья, а также доходы без официального оформления) данные оказались ниже реальных. Помимо нежелания показывать свое истинное материальное положение, следует учитывать, что доходы от вторичной занятости не декларируются для налоговой инспекции. Это тот пласт теневой экономики, в который погружена определенная часть жителей Беларуси.

В настоящее время стратегия трудового поведения абсолютного большинства населения Беларуси (91%) соответствует «формуле» –

«максимальный доход ценой максимальных трудовых затрат». Сторонниками такой жизненной стратегии выступает 95,5% респондентов в возрасте 30-44 лет, 94,7% молодых людей до 29 лет. Ценность интенсивного труда с соответствующей оплатой приобретает все большую значимость в сознании белорусских граждан.

Вместе с тем, следует задуматься над тем, в какой мере стратегия максимизации труда является результатом собственных намерений, отражает направленность воли и сознания индивида (интенциональна по смыслу) и в какой она вызвана воздействием внешних факторов, неблагоприятной ситуации (реактивна по смыслу)? Какое место занимает интенционально-реактивная стратегия трудового поведения в различных социально-демографических группах? Такая постановка вопросов сегодня особенно актуальна и требует специального изучения.

Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что увеличивается число людей, считающих, что материальное благополучие человека зависит не от того, насколько хорошо и справедливо устроено общество, а, прежде всего, от самого человека, его активности, способностей и умения решать свои проблемы самостоятельно, см. Таблицу 4.

Таблица 4 – Распределение ответов на вопрос «Если в ближайшем будущем экономическая ситуация ухудшится, как Вы поступите?», в зависимости от возраста (в %)

Возможные действия	В целом по массиву	18-29 лет	30-44 года	45-59 лет	60 и старше
Буду терпеливо ждать лучших времен	14,3	10,2	8,6	13,2	30,6
Буду самостоятельно искать любой путь улучшения своей жизни	60,0	73,6	66,3	58,6	33,9
Примкну к организации, добывающей смены власти путем выборов	4,7	5,7	6,2	4,6	1,1
Примкну к организации, добывающей смены власти вооруженным путем	0,6	0,4	0,7	1,1	0
Стану участником экономических забастовок	1,3	1,2	2,1	1,1	0,5
Стану участником политических стачек	0,7	1,2	0,7	0,7	0
Поступлю как большинство людей	14,9	8,1	9,3	16,4	30,6
Не знаю	8,7	5,7	10,3	9,6	8,7

Результаты, представленные в таблице, показывают, что выход из сложных ситуаций большинство респондентов не связывают с различными формами радикальных действий: лишь единицы являются сторонниками экономических забастовок (1,3%), политических стачек (0,7%), смены власти вооруженным путем (0,6%). Ограниченность конфликтного потенциала, как инструмента улучшения собственного материального положения и экономической ситуации в стране в целом, кроется в большей привлекательности и конструктивности для «выживания» в нестабильных экономических условиях стратегий компромисса и консенсуса с работодателями, органами власти, а также в выработке индивидуальных способов адаптации в условиях большей (по сравнению с советским периодом) экономической свободы поведения. Люди, которые будут иметь возможность работать и зарабатывать, смогут преодолеть временные трудности. Однако следует учитывать, что и государство в свою очередь могло бы более активно сотрудничать с предпринимателями, создавая взаимовыгодные условия для развития частной собственности, свободы предпринимательства. В данном контексте мы не анализируем внешние факторы, детерминирующие ход развития экономических реформ, например, рост цен на газ, нефть и др.

Изучение закономерностей формирования различных типов экономического поведения с необходимостью предполагает анализ социальных установок населения Беларуси. Социальная установка определяется как фиксированная в социальном опыте личности (группы) предрасположенность воспринимать и оценивать социально-значимые объекты, а также готовность личности (группы) к определенной активности и действиям, ориентированным на социально-значимые объекты. Одним из методов измерения социальных установок является шкала Р. Лайкерта.

В ходе социологического исследования, проведенного в мае 2007 года, респонденты отвечали на вопросы «В какой степени Вы согласны или не согласны с каждым из следующих высказываний, насколько каждое из них подходит лично для Вас?». При анализе варианты ответов «полностью согласен» и «скорее согласен» мы объединили в одну позицию «согласен», а «скорее не согласен» и «полностью не согласен» – в позицию «не согласен».

Таблица 5 – Социальные установки населения Беларуси (в % от числа опрошенных, без учета затруднившихся дать ответ)

Высказывания, характеризующие социальные установки	Согласились с данным высказыванием	Не согласились с данным высказыванием
Я готов устроиться еще на одну работу, чтобы улучшить свое материальное положение	57,6	28,6
Я бы точно уволился с нынешней работы, если бы мне предложили работу с зарплатой на 20% больше, чем на настоящем месте работы	47,5	29,8
Я бы точно уволился с нынешней работы, если бы мою зарплату снизили на 20%	36,1	36,1
Я готов сменить сферу своей деятельности, профессию, если от этого будет зависеть мое материальное благополучие	59,2	23,1
Я готов повышать свои профессиональные знания, навыки (посещать курсы, получать образование и др.), если от этого будет зависеть мое продвижение по службе	64,9	18,2
Я хотел бы открыть свое дело, заняться бизнесом	35,3	45,6
Я полностью контролирую свою жизнь, отвечаю за свои промахи и победы, влияю на происходящее, планирую свое будущее	60,8	26,8
Я готов работать без официального оформления и получать зарплату в «конверте»	35,7	42,7
Я готов пойти на риск, если это сулит большую выгоду	37,7	43,0
Если материальное положение ухудшится, я ничего не буду делать, буду ждать пока ситуация изменится в лучшую сторону сама по себе	17,3	69,6

Как свидетельствуют данные, представленные в таблице, более половины респондентов демонстрируют готовность устроиться еще на одну работу, сменить сферу своей деятельности, профессию, повышать свои профессиональные знания, навыки. Таким образом, еще раз подтверждается сделанный выше вывод, что люди четко осознают, что их материальное благополучие зависит в значительной степени от собственных усилий, собственной активности. Как показывают результаты, 60,8% жителей Беларуси выразили согласие с утверждением о том, что они полностью контролируют свою жизнь, отвечают за свои промахи и победы, влияют на происходящее, планируют свое будущее.

Следует также обратить внимание на анализ социальных установок, связанных с трудовой мобильностью. Конечно же, по двум позициям в данном вопросе мы не можем раскрыть в полной мере механизм, который удерживает людей на рабочем месте или выталкивает их на поиск «лучшей жизни». Можно говорить лишь о тенденциях. Готовность сменить нынешнюю работу в случае предложения нового места работы с большей зарплатой высказали почти половина опрошенных (47,5%), несколько меньше желающих что-то менять оказалось в случае, если бы зарплату на данной работе снизили (36,1%). Причем такое же число опрошенных заявили, что не стали бы ничего менять. Более решительными являются жители Беларуси в возрасте от 18-44 лет, имеющие высшее и среднее специальное образование. Следовательно, у населения республики постепенно формируется представление о мобильности рабочей силы как положительном явлении, средстве, позволяющем конструировать полноценную трудовую жизнь.

Следующий важный аспект анализа связан с характеристикой готовности наших сограждан заняться бизнесом. Результаты исследования (май 2007г.) свидетельствуют, что чуть более трети опрошенных (35,3%) хотели бы открыть свое дело, заняться бизнесом. Наиболее решительно настроены молодые респонденты (18-29 лет): более половины (58,5%) из них видят себя предпринимателями. Установки молодежи на частный сектор, открытие своего дела свидетельствуют о готовности больше трудиться, нести ответственность, проявлять предприимчивость, быть инициативным и активным. С бизнесом обычно связывают рискованные поведения. Каждый второй представитель группы молодежи выразил согласие (полностью согласен и скорее согласен) с утверждением. «Я готов пойти на риск, если это сулит мне большую выгоду». В группе от 30 до 44 лет готовы рисковать 47,4% респондентов, в группе от 45-59 лет – таких оказалось треть (33,9%).

Анализируя социальные установки, мы имеем также возможность зафиксировать тенденции развития девиантных форм экономического поведения. Девиантность в экономическом поведении связана с выходом субъекта по тем или иным причинам за границы законного содержания форм получения экономических средств, потерей относительной стабильности получения дохода, адекватности вознаграждения за труд, а также в связи с отсутствием институализированных новых видов экономической деятельности. В нашем случае мы говорим о девиантном поведении, которое может быть вызвано мотивированным или немотивированным нарушением норм трудового права. Готовность работать без официального оформления и

получать зарплату в «конверте» высказали 40% респондентов в возрасте от 18 до 59 лет. В разных возрастных группах зафиксировано единодушное согласие именно с данным высказыванием, хотя по остальным позициям в выделенных группах наблюдаются существенные различия. Такая ориентация по своей сути выходит за рамки правового поля и свидетельствует о неразвитости правового сознания. Конечно, уровень зарплаты в Беларуси в сравнении с другими европейскими странами остается невысоким, а цены, например, на продукты питания, одежду и жилье уже не отличаются от среднеевропейских, поэтому абсолютно естественно желание населения республики получать дополнительные доходы. Однако пока не все наши граждане понимают, что «зарплата в конверте» не позволяет, например, оформить в банке ипотечный кредит, а, следовательно, решить жилищную проблему.

Как мы уже отмечали, социальная установка – это состояние готовности субъекта к активности в определенной ситуации. Представленные выше цифры показывают лишь готовность к определенным действиям (которая может быть реализована при соответствующих обстоятельствах). Однако уже сегодня наличие заработков от работы без официального оформления признают 5-7% опрошенных жителей Беларуси.

Ориентации на бездействие, «ожидание лучшей жизни» в настоящее время присущи незначительному числу наших сограждан. «Если материальное положение ухудшится, я ничего не буду делать, буду ждать пока ситуация изменится в лучшую сторону сама по себе» – с этим высказыванием согласились чуть более 10% респондентов в возрасте 18-44 лет, 16,8% опрошенных от 45-59 лет. Среди представителей старшей возрастной группы таких оказалось треть.

Таким образом, результаты проведенного анализа, свидетельствуют о том, что изменения в системе ценностных ориентаций, установок и реального экономического поведения носят позитивный характер. Население современной Беларуси активно вырабатывает самостоятельные способы выживания, которые складываются в различные виды стратегий поведения. Доминирующей сегодня является стратегия максимизации труда. В этой связи в настоящее время стоит задача разработки системы мер, направленных на поддержку тех социальных слоев и групп, которые готовы и способны мобилизовать имеющиеся у них ресурсы, чтобы выработать продуктивные модели экономического поведения, обеспечить стабильность и устойчивое социально-экономическое развитие страны.

С.А. Морозова, Д.Г. Ротман

2.3. Современные тенденции потребительского поведения населения Беларуси на книжном рынке страны: социологические заметки

В условиях научно-технического прогресса, преобладания «электронно-виртуальных» форм общения и обмена информацией чтение книг продолжает оставаться важным показателем уровня культуры и морально-этического состояния общества. Именно по этой причине удовлетворение читательских потребностей, всемерная поддержка и стимулирование читательской активности в Беларуси рассматриваются как проблемы, от которых зависит благополучие нации.

Это обуславливает актуальность выявления и анализа особенностей читательского спроса и современных тенденций потребительского поведения населения Беларуси на книжном рынке как части информационного пространства страны. Полноценное научно-практическое исследование проблемы и определение возможностей улучшения ситуации на книжном сегменте рынка требуют эмпирической обоснованности, адекватной надежной социологической информации. Вместе с тем особенности читательского спроса и потребительского поведения в книжном информационном пространстве белорусскими социологами изучены явно недостаточно. Учитывая важность указанных вопросов, Министерство информации Республики Беларусь приняло решение о проведении в 2006 г. полномасштабного исследования ситуации на книжном рынке страны. Выполнение данного решения было поручено специалистам Центра социологических и политических исследований БГУ.

Реализация проекта осуществлялась в два этапа: на первом был проведен экспертный опрос руководителей книжных издательств страны; на втором – массовый опрос населения Беларуси по национальной репрезентативной выборке. В ходе исследования получены эмпирические данные о структуре и основных характеристиках массового читателя, читательских интересах, интенсивности чтения; выявлены современные тенденции потребления книжной продукции; определены особенности потребительского спроса, потребительских предпочтений в отношении книжной продукции, удовлетворенности ценовой политикой различных издательств и параметрами книжной продукции, влияющими на покупательское поведение населения; замерены частота, объем и структура книжных покупок, предпочитаемые каналы получения (приобретения) книг и информации о них и т.д. Контроль качества сбора

социологической информации не выявил нарушений в технологии осуществления научно-исследовательских работ, что позволило сделать вывод о достоверности итоговых данных.

Некоторые результаты исследования приводятся в данной статье.

Книжный рынок как часть информационного пространства страны включает два основных элемента: создателей книг и читателей книг. Каждый из названных элементов является по-своему важным и определяющим. Отправной точкой анализа результатов нашего исследования станут читатели, т.е. реальные потребители книжной продукции.

Отношение к чтению, устойчивый или эпизодический, регулярный или случайный *характер чтения книг* определенным образом влияет на потребительское поведение населения, задавая и объемы, и частоту, и места покупок книжной продукции. Эмпирическим индикатором *интенсивности чтения* стал вопрос инструментария «Как часто Вы читаете книги?». Распределение ответов участников опроса в диапазоне от «ежедневно» до «не читаю вообще» показало, что большинство респондентов читают книги с регулярностью от одного до нескольких раз в неделю (21,5 %) и ежедневно (18,2 %). Два-три раза в месяц обращаются к книге 11,1 % опрошенных, не чаще одного раза в месяц – 10,6 %, раз в три месяца читают книги 6,6 %, раз в полгода – 7,3 %, один раз в год и реже – 9,2 %, а 15,4 % опрошенных не читают книг вообще.

Полученные данные для удобства анализа были сгруппированы по критерию частоты чтения:

- «*активные читатели*» (читают книги с определенной и достаточно высокой степенью частоты и регулярности — от одного до семи дней в неделю) – к этой группе относится значительная часть населения – 39,7%;
- «*умеренные читатели*» (читают книги не менее одного, но не более 3-х раз в месяц) – таких в общем массиве 21,7 %;
- «*пассивные читатели*» (читают книги не более 4-х раз в год) – 23,1 %.

Кто же является наиболее активными читателями книг? Каковы социально-демографические характеристики данной условной группы?

Среди наиболее активных читателей доминируют горожане – 82,1 % против 17,9 % жителей села, женщины – 57,2 % по сравнению с 42,8 % мужчин и молодежь: 39 % 18-29-летних при 21,2 % читателей в возрасте 30-44 года, а также 27,5 % среди 45-59-летних и 12,3 % в возрастной группе старше 60 лет. С высокой долей уверенности к слову «молодежь» можно добавить уточнение «учащаяся». В этой самой активной читательской группе чтение носит инструментальный характер, оно является

необходимой составляющей учебы, самостоятельной работы.

Налицо прямая связь анализируемого показателя с уровнем образования. Наиболее активные и регулярные читатели имеют образование не ниже среднего (31,2 %), а также среднее специальное и высшее (37,8 % и 28,7 % соответственно).

Информационная обеспеченность книжного рынка является значимым фактором, своеобразной «точкой отсчета» в процессе формирования потребительского поведения населения. Интенсивность приобретения книг, качественные характеристики их содержания, определяющие выбор издания, во многом зависят от рекламы книжной продукции и возможностей сети книгораспространения. В процессе исследования выяснялся вопрос *об источниках информации о книжных новинках*.

Полученные данные свидетельствуют, что наиболее активным источником информации о книгах является мнение окружающих: знакомых, родственников, коллег по работе и т.д., что отметили более половины участников опроса (54,1 %). Далее в Топ-3 входят такие коммуникативные каналы как телевидение (22,8 %) и печатные СМИ (22,2 %), а также работники системы книготорговли (15,9 %) и собственно книжная продукция с размещенной в ней рекламой (14,8 %).

Доминирующую роль такого канала передачи книжной рекламы как субъективное мнение окружающих можно объяснить тем, что любой процесс потребления связан с проблемами влияния социальной среды и социальной дифференциации, с культурными практиками целевых групп, а не только с материальными возможностями. В различных сферах сформировались модели так называемого «престижного потребления» по ценностным ориентациям, «по интересам». В процессе потребления создаются социальные связи, характеризующие место потребителя в социальном пространстве. Для определенных групп населения вхождение в некое знаковое сообщество потребителей модных новинок в книжном мире является непременным условием поддержания соответствующей марки, социального статуса. На мнение знакомых о новинках литературы в большей степени ориентируются жители крупных городов (этот источник отметили 62,7 % горожан и 47,7 % сельских жителей), респонденты с высшим образованием (59,5% против 46,2% в группе с начальным/неполным средним образованием), а также женщины (58,9 % при 49,0 % среди мужчин).

В современных условиях достаточно большую роль в обеспечении информативности книжного рынка играет такой канал как Интернет, а также книжные выставки-ярмарки, влияние которых на выбор литературы отметили соответственно 11,7 % и 8,3 % респондентов. В отдельных

социально-статусных группах эти показатели значительно выше. Используют Интернет-ресурсы для получения информации о книгах больше четверти молодых людей в возрасте 18-29 лет, почти четверть минчан и практически каждый пятый из респондентов с высшим образованием, т.е. наиболее активная и стабильная часть читательской аудитории.

Таким образом, для повышения эффективности информационной составляющей книжного рынка необходимо учитывать коммуникативные инструменты социального характера, в т.ч. распространение информации через читателей, так как мнению потребителей зачастую доверяют больше, чем другим источникам. С учетом возрастания числа пользователей Интернет-ресурсов повышается роль последних в презентации, аннотировании, рецензировании и рекламе книжной продукции, брэндинге субъектов издательского поля и книжного рынка. Для актуализации влияния книжных выставок-ярмарок возможно проведение онлайн-репортажей с книжных форумов. Издательствам необходимо применять современные стратегии продвижения книг. Недостаточно используются ими возможности радио, специальных книжных обозрений, бюллетеней и каталогов, в том числе их электронных версий, реальных и виртуальных книжных презентаций, встреч с читателями с авторами, издателями, критиками в книжных магазинах, библиотеках и на выставках.

При изучении ситуации на книжном рынке необходимо определить *структуру используемых населением каналов получения книг в сети книгораспространения*. По полученным нами данным, несколько более половины респондентов (51 %) обычно берут необходимые книги у знакомых, родственников и т. д.; 31,7 % пользуются личной библиотекой и практически столько же участников опроса (31,5 %) покупают книги. Публичные и специальные библиотеки посещают 29,1 % опрошенных, и менее всего (8,6 %) пользуются электронными версиями книг, найденными в Интернете.

Для полноты представлений о ситуации на книжном рынке было необходимо выяснить, *книготорговые структуры какого типа пользуются наибольшим предпочтением у потребителя*, где респонденты чаще всего покупают книги. В реальной практике один и тот же ассортимент выпускаемой белорусскими издательствами книжной продукции одновременно реализуется в различных элементах системы книготорговли. Результаты исследования подтверждают определяющую роль книжных магазинов в системе книгораспространения (70,5 % ответов), приблизительно четверть респондентов покупают книги на книжных рынках и практически столько же – в павильонах, киосках. Услугами частных распространителей пользуются 12,3 % покупателей.

Долевая структура используемых источников приобретения литературы книг в определенной мере различается в разрезе социально-демографических групп. Так, чем выше возраст, ниже уровень образования, меньше размер поселения, ниже уровень материального положения, тем менее активно используется, например, Интернет и публичные библиотеки. Самая высокая доля использования Интернет-ресурсов и библиотек в структуре источников потребления книг в разрезе возрастных групп приходится на молодежь 18-29-лет. Личные библиотеки наиболее активно используют представители старших возрастных групп и групп с высоким уровнем образования и материального положения, а также жители более крупных населенных пунктов. Например, среди тех, кому 60 лет и больше, почти половина (45 %) пользуются книгами из личной библиотеки, а среди 18-29-летних – только четверть (24,6 %). Покупателей книг в самой старшей возрастной группе почти в 3 раза меньше, чем в каждой из трех других. Покупают книги респонденты с высшим (50,3 %), средним (23,9 %) и только 9,6 % с начальным или неполным средним образованием.

Вопрос приобретения литературы зависит от наличия *удобной сети книготорговли*, в связи с чем изучалась удовлетворенность покупателей этим показателем. По мнению 56,4 % покупателей книжной продукции достаточно книжных магазинов и специальных мест для продажи книг там, где они живут или работают. Распределение ответов на этот вопрос городских и сельских жителей демонстрирует закономерность снижения доли положительно оценивающих ситуацию с уменьшением размера поселений. Исследование показало, что для населения актуальны все существующие каналы получения (приобретения) книжной продукции. Система книгораспространения должна в равной мере оптимизировать возможности и публичных, специализированных библиотек, в том числе электронных, и всех элементов структуры книготорговли по удовлетворению разносторонних читательских потребностей.

Значимыми характеристиками ситуации на книжном рынке являются количество и тематика покупаемых книг. В ходе исследования замерялось количество книг, купленных респондентами за последние 12 месяцев. Оказалось, что 468 участников опроса приобрели за этот период 3551 книгу. Больше книжных покупок совершали женщины, респонденты в возрасте от 18 до 44 лет, лица со средним специальным и высшим образованием, столичные жители, респонденты с самым высоким уровнем материального положения.

Покупательскую активность можно проиллюстрировать посредством среднего размера годовой покупки (СРГП). Этот показатель

составил 7,6 книги, что соответствует покупке приблизительно двух книг за три месяца. СРГП в разных социально-демографических группах отличается и зависит от места жительства, возраста и образования.

В процессе исследования выяснялось мнение респондентов о *насыщенности рынка книгами, изданными на белорусском языке*. Следует отметить, что в структуре покупок на долю белорусскоязычных изданий приходится только 3,5 %, что может свидетельствовать как об отсутствии интереса покупателей к книжной продукции на белорусском языке, так и о том, что белорусскоязычная литература недостаточно представлена на рынке. Только 38,8 % опрошенных считают, что книг на белорусском языке на нашем рынке достаточно, 15,7 % респондентов придерживается противоположной оценки этой ситуации, почти половина (45,5 %) затруднились ответить на этот вопрос. Аналогичные тенденции в оценке белорусскоязычного книжного рынка в основном характерны для всех социально-демографических групп населения.

В ходе исследования замерялся такой признак потребительского поведения и спроса, как *характер последней книжной покупки*. Эмпирическим индикатором служил ответ на открытый вопрос: «Какую книгу Вы купили в последний раз?». Позиции полученной шкалы ответов из названий книг, их авторов и тематики фиксируют структуру различных направлений потребительского спроса. Четверть респондентов, покупавших книги за последние 12 месяцев, не смогли вспомнить ни название, ни автора, ни тематику последней купленной книги. В структуре последней книжной покупки 41 % приходится на художественную литературу, в жанровой тематике доминируют детектив (около 16 %), «женский роман» и современная литература (около 7 % каждый из этих видов), а также фантастика и классическая литература (по 4 %). В объем оставшихся 35 % книжных покупок вошли литература для досуга (10,6 %), учебная литература (9,1 %), специальная литература (6,5 %), детская литература (5,3 %) и справочная литература (3,3 %).

Одним из самых влиятельных инструментов формирования и регулирования покупательского поведения на книжном рынке является *ценовая политика книгоиздателя*. В ходе исследования респондентам было предложено определить степень своей удовлетворенности уровнем цен на книжную продукцию отечественных, российских и других зарубежных издательств. Почти половина потребителей в целом удовлетворены ценами на книги отечественных и российских издательств (48,5% и 45,9 % соответственно). Стоимость книг, выпущенных некоторыми зарубежными издательствами, удовлетворяет только четверть потребителей. Значимых различий в удовлетворенности уровнем цен между мужчинами и женщинами не выявлено. Анализ

данных в разрезе других социально-демографических групп показал, что удельный вес тех, кого в целом в большей степени устраивают цены на книжную продукцию, выше среди респондентов молодого и среднего возраста, с высшим образованием, с высоким уровнем материального положения, а также проживающих в городах.

Для привлечения потенциальных читателей книгоиздатели должны иметь представление об их ожиданиях в отношении внешнего оформления книг, их содержания, *соотношения между ценой книги и ее полиграфическим исполнением*. В этой связи для уточнения характера потребительских предпочтений определялось мнение о том, что стимулировало бы покупку одной и той же книги: высокое качество ее исполнения и красочность оформления, несмотря на высокую цену, или более низкая стоимость книги, хотя и менее красочно оформленной, выпущенной на некачественной бумаге и т.д.

Было выявлено, что три различных вида потребительской ориентации в выборе между ценой и качеством: ориентация на высокое качество, ориентация на низкую цену, отсутствие выраженной ориентации на качество или цену – предпочитают приблизительно равные группы респондентов (соответственно 30,2 %; 34,3 % и 35,4 %). В разрезе социально-демографических групп респондентов обнаруживается некоторая дифференциация значимости выбора той или иной направленности. Во-первых, обусловленность покупки книги ее низкой ценой увеличивается с возрастом покупателей. Во-вторых, значимость этого фактора зависит от уровня материальной обеспеченности: естественно, для покупателей с более низким уровнем материального положения цена книги значит несколько больше, чем для респондентов из групп с более высоким достатком. В-третьих, среди сельских жителей почти вдвое больше тех, кто предпочтет низкую цену (42,7 %) высокому качеству книги (28,2 %).

В рамках исследования определялась *структура характеристик книжной продукции, влияющих на покупательское поведение*, отражающих отдельные аспекты мотивации покупки книг. Участникам опроса было предложено оценить ряд параметров с точки зрения важности их роли при выборе книг. Анализ распределения оценок респондентов (по сумме «очень важно» плюс «скорее важно») позволил выстроить рейтинг характеристик книжной продукции по степени их важности для покупателя, в котором лидируют ее доступность по цене (87,9 %), «удобный для чтения шрифт» (78,7 %) и потребность, чтобы книга была написана автором, с книгами которого респонденты уже знакомы, и они им понравились (72,1 %). Далее следуют удобный формат, размер книги (70,3 %), качество издания (63,0 %) и мнение

окружающих о книге (60,4 %). Следующие отмеченные характеристики очень близки по сути и отражают известность издания: книга является новинкой (48,9 %), издана в известной серии (44,0 %), признана наиболее популярной (41,6 %), менее важными оказались доверие издательству, выпустившему книгу (32,2 %), и влияние рекламы издания (27,6 %).

Среди важных для большинства респондентов «физических» параметров книги (шрифт, формат, оформление) доминирует удобный для чтения шрифт, среди показателей известности издания на рынке в большей степени значимо имя автора, нежели серийность, популярность издания и т.д. Покупатель ориентируется на цену, соответствие книги санитарно-гигиеническим требованиям и на имя автора.

Определить более жесткие приоритеты позволил факторный анализ, осуществленный методом «главных компонент». Признаками-переменными для него выступили следующие:

- 1) доступность цены издания,
- 2) пользующееся доверием покупателя издательство,
- 3) красочность оформления, добротность,
- 4) удобность формата книги,
- 5) широкая реклама издания,
- 6) популярность издания,
- 7) издание является «новинкой»,
- 8) издание является частью серии, которую постоянно покупает читатель,
- 9) издание рекомендуют приобрести родственники и знакомые,
- 10) известность автора, хорошее отношение к его книгам потенциального покупателя,
- 11) удобный для чтения шрифт.

В результате анализа было выявлено три ключевых фактора, определяющих выбор покупателя книги, суммарная факторная нагрузка которых составила более 50%:

- «виртуально-позитивный имидж издания» – 35,8%;
- «внешняя привлекательность издания» – 13,5%;
- «ценовая доступность издания» – 9,5%.

Полученный результат свидетельствует о том, что для современного белорусского читателя при выборе и покупке книги главным является наличие устойчивой позитивной информации о ее содержании и авторе. Личный опыт читателя, его отношение к известности писателя может усиливать желание совершить покупку высоко оцениваемой критиками в средствах массовой информации книги. Читатель хочет приобрести интересное для него издание, при этом для большей части людей важно, чтобы оно было красивым. Цена при

этом имеет третьестепенное значение. Факторный анализ показывает достаточно высокий уровень интеллектуально-эстетических запросов граждан нашей страны.

Неотъемлемой частью исследования стало выявление *структуры тематических предпочтений* покупателей книг (в структуре массового чтения доминирует художественная, познавательная и учебная литература), а также определение целевого потребительского спроса респондентов и выяснение мнения населения страны *о насыщенности отечественного рынка литературой различной тематики*. Распределение ответов на вопрос о том, в литературе какой тематики нуждаются читатели страны, показало следующее: 61,5 % нуждаются в художественной литературе; 39,7 % в литературе для досуга и 39,2 % – в специальной литературе; 32,4 % – в справочной, 24,8 % – в учебной и 19,1 % – в детской литературе. В целом тематика, интересующая совокупную аудиторию, во многом совпадает с тематическими направлениями наиболее покупаемых книг. В соответствии с мнением читателей прежде всего необходимо расширять присутствие на рынке разнообразной развивающей и познавательной литературы для детей, специализированных справочных изданий и учебной литературы для вузов. Характерные особенности структуры целевого тематического спроса на книжную продукцию в целом практически совпадают и для покупающих книги, и для получающих их по иным каналам. Естественно, структура чтения обусловлена демографическими, социокультурными и социально-статусными характеристиками индивида. Анализ этих аспектов должен базироваться на результатах специальных исследований целевых читательских групп.

В процессе исследования изучался *уровень брэндовой известности белорусских, российских и других зарубежных издательств*. Эмпирическим индикатором являлся открытый вопрос: «Какие современные издательства (белорусские, российские и другие зарубежные) Вы знаете?» Две трети респондентов (69,4 %) не смогли вспомнить названия белорусских издательств (даже с подсказкой). Общий уровень известности российских издательств еще ниже: их названия не знают 79,6 % респондентов. Показатель известности издательств из других стран составляет только 1,3 %.

Сводный перечень ответов респондентов включает 41 наименование отечественных книгоиздателей (с учетом знания с подсказкой), что составляет одну десятую часть функционирующих в Беларуси издательств и издающих организаций различных форм

собственности. Наиболее известны издательства «Вышэйшая школа», «Мастацкая літаратура» и «Народная Асвета» (каждое из них знает около трети участников опроса), далее следуют издательства «Книжный дом» и «Беларусь» (16,9 % и 14,4 % соответственно), «Тетрасистемс» (9,8%) и «Белый ветер» (9,2 %).

Всем участникам опроса был задан вопрос: «Есть ли у Вас любимое издательство, книги которого Вы предпочитаете покупать?». Только 18% респондентов ответили на этот вопрос положительно. Спектр ответов включал названия 32 белорусских, российских и других иностранных издательств. Для массового покупателя на отечественном книжном рынке пока не имеет значения (или имеет второстепенное значение), какое именно издательство удовлетворит его конкретную потребность.

Издатели правомерно считают, что *серийность книжной продукции* в современных условиях является значимым брэндовым элементом и одним из залогов ее успешного сбыта. При этом только 13,5 % участников опроса смогли вспомнить известные им книжные серии. Всего было указано 64 серии, однако только три из них имеют удельный вес более одного процента: «Иронический детектив» (2,9 %), «Женский роман» (1,4 %) и «Я познаю мир» (1,0 %). Таким образом, серийная книжная продукция должна быть чем-то большим, чем совокупность книг, она должна отражать издательскую программу, идеологию, компетентность, определять место издательства на рынке, создавать ему имидж и среди потенциальных потребителей, и среди торговых партнеров. Результаты исследования позволяют констатировать, что брэндовые составляющие издательской деятельности сегодня еще не играют значимой роли в процессах формирования культуры потребления и потребительского поведения субъектов книжного рынка Беларуси. Для того чтобы повысить уровень известности, издательства должны работать над имиджем, ориентироваться не на себя, а на ожидания и интересы потребителя, читателя.

Для разработки и профилирования успешных издательских программ, определения тиражей книг и каналов их продвижения, для повышения уровня своей известности и популярности книгоиздающие организации должны иметь информацию о целевых группах потребителей, знать их социально-демографические характеристики, поведенческие навыки и ценностные ориентиры. Необходимо изучать отношение целевых групп к чтению (регулярность чтения, его цели), их

тематические интересы, покупательские привычки (где чаще покупают книги, как эти книги или информация о них попадает в поле зрения читателя, какие требования предъявляются к оформлению изданий, какой порядок цен считается приемлемым и т.д.). Для продуктивного общения с потребителями издательства и книготоргующие организации должны обеспечить отражение во всех брендовых составляющих свою идеологию, сделать ее известной и узнаваемой, обозначить ценности своих предложений и проектов и позиционировать достоинства брендов перед читательской аудиторией (потребителями книжной продукции) с учетом потребностей потенциальных покупателей на рынке Беларуси.

Д.Г. Ротман, А.Н. Данилов

2.4 Становление белорусской государственности: динамика перемен и эволюция ценностей

В начале XXI в. все очевиднее становятся новые очертания происходящих постсоветских перемен. Мировой экономической кризис подтверждает на практике глобальную взаимозависимость стран, со всей жесткостью вскрывает проблемы духовного мира человека, кризис доминирующих в мире ценностей. Время кризиса это и время мобилизации всех цивилизационных резервов, это время обращения к своим истокам, стремление найти такой способ разрешения кризисной ситуации, чтобы страна вышла из нее как никогда сплоченной и сильной.

В статье анализируется ценностный мир современного белорусского общества за последние двадцать лет. Отрезок времени в историческом плане небольшой, но сколь много значит он в истории Беларуси. Республика Беларусь стала суверенным государством, впервые появилась возможность самостоятельного развития, законное право проводить свою внутреннюю и внешнюю политику, выработать формы взаимодействия со всем миром. Первые замеры, которые используются в статье, относятся к 1990 г. и 1996 г. За этот период произошли такие события, как распад СССР, обретение собственной государственности, создание президентской республики, первые всенародные выборы Главы государства, это время выработки и реализации политики упрочения суверенитета страны и ее широкого признания в мире. Последние замеры датируются 2008 г. и 2010 г. К анализу приобщены результаты исследований мировых и европейских ценностей,¹ проводившихся по единообразным методикам, подходам к расчетам выборок, обработке информации. В качестве архивов данных и их распространителей выступают «WVS» («Исследование мировых

¹ European Values Study Group and World Values Survey Association. EUROPEAN AND WORLD VALUES SURVEYS FOUR-WAVE INTEGRATED DATA FILE, 1981-2004, v.20060423, 2006. Aggregate File Producers: Análisis Sociológicos Económicos y Políticos (ASEP) and JD Systems (JDS), Madrid, Spain/Tilburg University, Tilburg, The Netherlands. Data Files Suppliers: Analisis Sociologicos Economicos y Politicos (ASEP) and JD Systems (JDS), Madrid, Spain/Tilburg University, Tilburg, The Netherlands/ Zentralarchiv fur Empirische Sozialforschung (ZA), Cologne, Germany:) Aggregate File Distributors: Análisis Sociológicos Económicos y Políticos (ASEP) and JD Systems (JDS), Madrid, Spain/Tilburg University, Tilburg, The Netherlands/Zentralarchiv fur Empirische Sozialforschung (ZA) Cologne, Germany.

ценностей»), «EVS» («Исследование европейские ценностей») и Центральный архив эмпирических социальных исследований («The Central Archive for Empirical Social Research (ZA)») г. Кельна.

Общеизвестно то, что система ценностей выступает важнейшей составляющей как индивидуального, так и общественного сознания. Именно качественная определенность этой системы создает фоновые условия для формирования тех или иных поведенческих установок людей. Базовые ценности в каждом обществе формируются постепенно, в процессе его исторического развития. В конечном итоге сформировавшаяся система ценностей сама начинает оказывать существенное воздействие на социальные, экономические и политические процессы, определяя в целом сущностные характеристики данного общества. Такая система чрезвычайно устойчива. Она практически не подвергается изменениям даже в условиях серьезных социальных катаклизмов. В статье предпринимается попытка установить меру влияния на систему базовых ценностей населения событий связанных со становлением независимого, суверенного белорусского государства.

Небольшая белорусская деревенька Вискули вошла во всемирную историю как место, где 8 декабря 1991 г. руководителями БССР, РСФСР и УССР был подписан акт о денонсации Союза Советских Социалистических Республик. Великая держава, которую либо любили, либо опасались, а порой и просто боялись, признавая при этом ее высокий авторитет, практически все страны планеты Земля, распалась в одночасье. Безусловно, как и все в этом мире, данное событие не было случайным. Рецидивы холодной войны между двумя господствующими в мире системами (социалистической и капиталистической), экономические катаклизмы, усиление националистических настроений на советском пространстве, возрастающие амбиции многочисленных претендентов на «общесоюзный и мелкопоместные престоль», ошибки и непрофессионализм властных элит – все это можно назвать причинами политической катастрофы.

Итак, после распада супердержавы – СССР – образовалось пятнадцать суверенных государств, двенадцать из которых вошли в состав вновь образовавшейся межгосударственной структуры – Содружества независимых государств (СНГ). Разрушение устоявшихся в большой общей стране многолетних экономических и социальных связей не могло не повлиять на состояние молодых и стихийно образовавшихся национальных экономик. Уровень жизни людей резко снизился. Инфляция и безработица стали привычным и постоянным явлением. Бедность, а зачастую и нищета большинства населения, представителей

практически всех социально-демографических групп стали печальной реальностью. Все это происходило на фоне слабости властей, в условиях политической неразберихи.

Становление государств Содружества проходило далеко не одинаково. Результаты, полученные в ходе опросов населения постсоветских стран (Армения, Беларусь, Грузия, Молдова, Россия, Украина) в рамках проекта «Условия жизни, образ жизни и здоровье населения стран СНГ» по уровню жизни, который определялся по критерию «Моей семье никогда не приходилось отказывать себе по причине недостатка средств в самом необходимом», свидетельствуют о далеко не одинаковой оценке своего материального положения и условий жизни гражданами стран-участниц проекта. По всем параметрам замера на момент проведения опроса в 2001 г. лидирует Беларусь. Другие данные, связанные с оценками условий и образа жизни, продемонстрировали те же тенденции.

Таким образом, старт в будущее в 1991–1992 гг. для всех стран, образовавшихся на постсоветском пространстве, осуществился примерно с одинаковых экономических и политических позиций. Хотя становление государств Содружества проходило далеко не одинаково. Анализ результатов многочисленных сравнительных социологических исследований (как международных, так и национальных), позволил разработать логическую модель становления новых независимых государств на посткоммунистическом и, в частности, на постсоветском пространстве. Согласно такой модели молодое государство проходит следующие этапы:

– поисковый этап. На данном этапе формируются государственные структуры управления и новые политические институты, определяются пути становления и развития государства и общества. Для этого этапа характерны социальные катаклизмы; радикальное противостояние политических группировок; неудовлетворенность большинства граждан своей жизнью и т. д. Следует отметить, что поисковый этап может реализовываться в две последовательные стадии: стихийную (серии эмоциональных, до конца не спланированных действий) и упорядоченную (серии эмоционально-рациональных действий без учета их последствий в достаточно далеком будущем).

– стабилизационный этап. Этап усиления авторитета власти и постепенного улучшения жизни граждан. Для данного этапа характерны продуманные действия органов социального управления, прогнозирование последствий принятия общезначимых управленческих решений, постепенный рост уровня безопасности и спокойствия в

обществе, реальное, хотя и постепенное, укрепление демократических институтов.

– устойчивый этап. Этап так называемого устойчивого развития общества и государства. Для данного этапа характерны высокий уровень и качество жизни граждан, их абсолютная уверенность в завтрашнем дне.

Данные наших исследований показывают, что Беларусь определенно находится на стабилизационном этапе своего развития.

Как же развивалась и чем жила Беларусь в период с 1990 по 2010 гг.? С чем подходит страна к своему пусть и маленькому, но значимому юбилею – 20-летию независимости и суверенитета?

Для последующего анализа будут использованы данные социологических исследований, проведенных Белорусской социологической службой «Общественное мнение» и Центром социологических и политических исследований БГУ (руководитель – профессор Д. Г. Ротман).

Начнем с оценок жителями Беларуси уровня своего материального положения. Эти оценки представлены в индексных весах и располагаются в интервале от (-1) до (+1), где первое из двух значений носит максимальную негативную, а второе – максимальную позитивную нагрузку.

В 1991 г. уровень значения оценочного индекса удовлетворенности населения своим материальным положением был равен «-0,92», то есть практически, стремился к минус 1. Эта говорит о тяжелой ситуации в экономике страны, о больших сложностях и проблемах в жизни наших граждан. Не анализируя всего произошедшего в стране за последующие годы, и не оценивая степень позитивности экономических изменений, отметим, что к 2008 г. ситуация кардинально изменилась. Значение индекса удовлетворенности материальным положением резко возросло и

стало равным «+0,02». Безусловно, это не максимальное значение. Однако прогресс в оценках материального положения жителями Беларуси очевиден. Большинство белорусов считает, что жизнь их стала на порядок лучше.

Сказанное подтверждается и данными исследований, инструментарий которых позволял выявить позиции, характеризующие экономические возможности белорусских семей. Для этой цели использовались следующие переменные:

1. «Мы не ограничены в средствах. Семья позволяет себе самые дорогие покупки (автомобиль, квартиру и пр.);»
2. «Денег хватает на вполне обеспеченную жизнь, но мы не можем делать очень дорогие покупки;»

3. «Можем позволить себе хорошо питаться и одеваться, но не можем делать достаточно дорогие покупки (мебель, техника и пр.)»;

4. «Денег хватает только на питание, однако покупка других нужных вещей (одежда, бытовая техника) вызывает у нас затруднение»;

5. «Нам часто приходится отказываться даже от необходимых продуктов питания».

На базе позиций 1 и 2 была сконструирована группа, которая обозначена как «состоятельные». Позиция 3 соответствует группе «среднего достатка». Позиции 4 и 5 объединили людей в группу «ограниченные в средствах». Результаты стратификации по названным критериям представлены в Таблице 1.

Таблица 1 - Динамика оценок материального положения белорусских семей (по стратификационным группам, в %)

Стратификационные группы	1992 г.	2008 г.	2009	2010
«Состоятельные»	0,01	20,60	14,5	19,3
«Среднего достатка»	2,40	45,60	47,7	49,0
«Ограниченные в средствах»	97,59	33,80	37,8	31,7

Совершенно очевиден тот факт, что экономическая ситуация в белорусском обществе существенно изменилась. Эти изменения не только характеризуются устойчивостью, позитивной направленностью и стабильностью, они свидетельствуют о правильности избранного народом Беларуси экономического и политического курса. Даже мировой финансовый кризис, безусловно сказавшийся на материальном положении населения страны, только на год притормозил и немножко снизил достигнутые ранее показатели. Уже к середине 2010 года докризисная ситуация с оценкой материального положения белорусских семей, удовлетворенность населения качеством жизни, положением в различных областях жизнедеятельности общества, а также уровень политической и социальной напряженности были фактически восстановлены.

Сказанное выше подтверждается оценками жителей Беларуси качества жизни как на макро-, так и на микро уровнях (Таблица 2).

Таблица 2 – Динамика оценок удовлетворенности населения различными характеристиками качества жизни (в индексных весах)

Оцениваемые параметры	1992 г.	2010 г.
Своим жильем	+0,09	+0,34
Качеством питьевой воды	+0,01	+0,12
Чистотой воздуха	+0,07	+0,12
Подачей электричества	+0,65	+0,69
Уровнем безопасности на улице	+0,02	+0,42
Работой общественного транспорта	-0,12	+0,14
Своей работой, учебой	+0,20	+0,51
Своим образованием	+0,11	+0,37
Условиями труда	+0,01	+0,20
Своим доходом	-0,96	-0,16
Финансовым положением семьи	-0,86	-0,19
Уровнем медицинского обслуживания	-0,22	+0,02
Жизнью в целом	-0,36	+0,26
Средняя оценка	-0,10	+0,21

И здесь прогресс очевиден. Прожективная оценка жизни в целом выросла за 17 лет во много раз. Также позитивно оценивается населением и положение в различных областях жизнедеятельности общества (Таблица 3).

Таблица 3 – Оценка населением положения в различных областях жизнедеятельности общества (в индексных весах)

Сферы жизнедеятельности	1992 г.	2008 г.	2009г.	2010г.
Внешняя политика	-0,12	+0,24	+0,24	+0,2
Экономические реформы	-0,68	+0,31	-0,2	+0,04
Законодательство и охрана правопорядка	-0,21	+0,08	+0,05	+0,1
Укрепление обороны страны	-0,24	+0,30	+0,21	+0,23
Социальное обеспечение	-0,46	-0,16	-0,2	-0,03
Соблюдение прав человека	-0,15	+0,01	-0,03	+0,03
Культура, наука, образование	-0,42	+0,01	+0,013	+0,15

Приведенные результаты замеров 1992 г. и 2010 г. еще раз подтверждают объективность выводов о позитивных тенденциях в развитии страны и доказывают правильность разработанной нами схемы поэтапного становления и развития новых независимых государств, образовавшихся на постсоветском пространстве.

Проводимые в мониторинговом режиме исследования фиксируют позитивные изменения не только в экономической сфере. Из таблицы 3 видно, что постепенно стала расти оценка, характеризующая уровень соблюдения прав человека в стране.

Поступательное развитие экономики, переход к стабильности и устойчивости в развитии общества и государства оказывают влияние на политические процессы. Хотя будет правильным говорить, что здесь имеет место взаимовлияние: как экономики на политику, так и политических процессов на уровень экономического развития. Сегодня в стране уровень доверия властным институтам достаточно высок. В таблице 4 приводятся данные, характеризующие соотношение степеней доверия власти и оппозиции за весь период становления независимого белорусского государства.

Рост доверия властным структурам в стране очевиден. Ситуация начала девяностых годов, когда низкие оценки своей деятельности со стороны электората получали и представители властных структур, и оппозиционные образования, привела к победе на первых выборах Президента страны молодого независимого политика. Именно он сумел в дальнейшем обеспечить и стабилизацию политической ситуации, и экономический рост.

Таблица 4 – Динамика изменения показателя политической напряженности (в индексах)

Год опроса	Индексы доверия власти	Индексы доверия оппозиции
1991	-0,68	-0,75
1993	-0,54	-0,59
1994	-0,61	-0,76
1996	+0,02	-0,52
1997	+0,01	-0,39
1998	+0,02	-0,41
1999	+0,03	-0,42
2000	+0,03	-0,42
2001	+0,02	-0,44
2003	+0,12	-0,46
2004	+0,03	-0,40
2005	+0,10	-0,47
2006	+0,16	-0,51
2007	+0,23	-0,53
2008	+0,21	-0,76
2009	+0,23	-0,76
2010	+0,24	-0,76

Стабильность в стране неукоснительно сохраняется, что способствует устойчивости властных структур. Об этом свидетельствует и динамика изменения показателя уровня социальной напряженности («ПУСН»), отслеживаемая в наших исследованиях на протяжении многих лет (Таблица 5).

Таблица 5 – Динамика изменения ПУСН (в %)

Год опроса	ПУСН
1991	41,3
1993	52,1
1994	31,4
1996	28,5
1997	17,0
1998	14,5
1999	14,8
2000	9,1
2001	15,7
2003	14,6
2004	13,3
2005	5,9
2006	0,4
2007	4,7
2008	8,4
2009	16,8
2010	2,3

Итак, приведенные данные социологических исследований позволяют с достаточной долей уверенности сделать вывод о том, что поступательное развитие Республики Беларусь является объективной реальностью. Гарантией такого развития, в первую очередь, стала политика направленная на обеспечение стабильности в обществе, а также эволюционный характер экономических, социальных и политических преобразований.

Мы проанализировали ситуацию в Беларуси, которая выступила фоном формирования и становления нового ценностного сознания народа в современных условиях.

Система ценностей есть эмпирически выявляемый, существенный элемент социальной организации общества. Элементы социальной среды, в отношении которых фокусируются устремления индивидов и групп, переходя в категорию «ценность социальная», становятся регуляторами поведения в силу того, что принятие решений в

социальных ситуациях соотносится в большей или меньшей степени с господствующей системой ценностей.

Очень важно проследить изменение базовых ценностей, которые имеют конкретное предметное содержание и во многом выступают основой типологизации сознания и поведения людей, позволяют составить представление об интеллектуальном богатстве и духовном мире человека (Таблица 6).

Таблица 6 – Динамика изменения базовых ценностей населения (в %)

Семья	1990	1996	2000	2008
очень важно	76,9	84,5	78,5	81,7
скорее важно	19,7	13,3	18,4	16,4
скорее не важно	2,9	2,0	1,8	1,2
совсем не важно	0,5	0,2	1,3	0,7
Друзья и знакомые	1990	1996	2000	2008
очень важно	36,5	31,7	27,0	32,8
скорее важно	43,9	50,8	52,3	54,4
скорее не важно	18,6	15,4	17,5	11,7
совсем не важно	1,0	2,1	3,2	1,0
Досуг	1990	1996	2000	2008
очень важно	36,7	29,8	25,3	25,0
скорее важно	38,4	46,0	42,3	52,6
скорее не важно	22,6	20,3	24,7	20,2
совсем не важно	2,4	3,9	7,7	2,3
Политика	1990	1996	2000	2008
очень важно	14,0	10,0	5,8	6,3
скорее важно	23,1	31,4	23,7	31,0
скорее не важно	50,1	35,9	44,3	43,2
совсем не важно	12,8	22,7	26,2	19,6
Работа	1990	1996	2000	2008
очень важно	54,8	48,0	48,6	53,3
скорее важно	29,4	37,7	35,3	36,1
скорее не важно	13,9	10,7	10,6	5,7
совсем не важно	1,8	3,6	5,5	4,9
Религия	1990	1996	2000	2008
очень важно	12,3	21,8	12,2	13,6
скорее важно	17,9	33,8	33,5	41,0
скорее не важно	44,4	27,5	32,0	30,9
совсем не важно	25,4	16,8	22,3	14,5

В кризисные периоды изменение затрагивают не столько содержание, сколько структуру базовых ценностей, т.е. их иерархические соотношения друг с другом в индивидуальном, групповом и общественном сознании: одни ценности получают более высокий статус или ранг, другие становятся менее значимыми. Этот тезис подтвердился лишь в некоторой степени. Представленные в Таблице 6 данные позволяют сделать важный, пусть и предварительный вывод, подтверждающий тезис приведенный авторами в начале данной статьи: даже существенные изменения социальной, экономической и политической ситуации в трансформирующемся государстве не оказывают радикального воздействия на процесс изменения базовых ценностей населения. Из приведенных шести ценностей за почти двадцатилетний период времени только две (политика и религия) изменились в оценках населения.

Попытаемся определить степень и направленность трансформации ценностей в различных возрастных группах населения. Для реализации названной задачи в процессе подготовки данных к анализу были сформированы три возрастные группы: 1. «группа молодых людей» - 18 – 22 лет; 2. «группа людей среднего возраста» - 38 – 42 лет; 3. «группа пожилых людей» - 58 – 62 лет. Таким образом, каждая из групп представляет одно из поколений жителей нашей страны. При этом возникает возможность не только сопоставления ценностных предпочтений среди равных по возрасту во временном разрезе, но и отслеживания возможных трансформаций ценностей в процессе изменения возраста и перехода из одной поколенческой страты в другую. Здесь можно говорить о так называемом виртуальном лонгитюдном исследовании.

Итак, группа 1 – 1990 год и группа 1 – 2008 год. Обратимся к данным, приведенным в Таблице 7.

Таблица 7 – Динамика изменения базовых ценностей в возрастных группах от 18 до 22 лет (в индексах)

Базовые ценности	1990 год	2008 год
Семья	0,72	0,86
Друзья и знакомые	0,67	0,66
Досуг	0,45	0,50
Политика	-0,33	-0,23
Работа	0,32	0,62
Религия	-0,49	-0,12

Примечание – Оценки в таблицах 9 - 13 представлены в индексных весах и располагаются в интервале от (-1) до (+1), где первое из двух значений носит максимальную негативную, а второе – максимальную позитивную нагрузку.

Сравнение ценностных приоритетов молодежи воспитанной в Советском Союзе (1990 год) и в суверенной Беларуси (2008 год) дает возможность констатировать:

- наблюдается определенный рост степени важности такой ценности как «семья»;
- постепенно изменяется в положительную сторону отношение к «политике»;
- претерпевает изменение отношение к такой ценности как «религия». Здесь также наблюдается позитивная тенденция»;
- «революционно» изменилось отношение к «работе» как к базовой ценности. Мера позитивности резко поднялась вверх. Здесь, скорее всего, сказывается развитие рыночных тенденций в экономике страны.

Итак, молодежь современная, по сравнению со своими сверстниками становится с одной стороны прагматичной, с другой – духовной (изменение отношения к религии).

В определенной степени, та же тенденция наблюдается и в данных, характеризующих изменение ценностных предпочтений у сегодняшних «сороколетних» по сравнению с тем, какими были эти предпочтения у них двадцать лет назад. Обратимся к таблице 8.

Таблица 8 – Динамика изменения базовых ценностей в возрастных группах от 18 до 22 лет и от 38 до 42 лет (в индексах)

Базовые ценности	1990 год	2008 год
Семья	0,72	0,90
Друзья и знакомые	0,67	0,53
Досуг	0,45	0,39
Политика	-0,33	-0,13
Работа	0,32	0,75
Религия	-0,49	0,07

Приведенные данные свидетельствуют о том, что:

- растет позитивное отношение к семье;
- снижается негативная оценка такой ценности как «политика»;
- наблюдается резкое изменение оценки важности религиозных ценностей;
- значительно возросло понимание важности «работы» в системе базовых ценностей.

Отмечая схожесть тенденций в двух рассмотренных группах, нельзя не заметить, что в группе 2. (молодые люди 1990 – люди среднего возраста 2008) все выделенные параметры более радикальны, изменение тенденций выражается значительно ярче.

Несколько иная картина наблюдается при сравнении двух групп среднего возраста: 38 – 40 лет в 1990 году и 38 – 40 лет в 2008 году. Обратимся к таблице 9.

Таблица 9 – Динамика изменения базовых ценностей в возрастных группах от 38 до 42 лет (в индексах)

Базовые ценности	1990 год	2008 год
Семья	0,90	0,90
Друзья и знакомые	0,55	0,53
Досуг	0,42	0,39
Политика	-0,05	-0,13
Работа	0,70	0,75
Религия	-0,28	0,07

Приведенные в таблице данные позволяют утверждать то, что реальные и ощутимые изменения наблюдаются в оценках важности для людей такой ценности как «религия». Таким образом, можно констатировать: в этом сравнительном блоке изменение ценностных предпочтений минимально.

Следующий вопрос, который может быть поставлен: изменились ли с возрастом за последние двадцать лет ценности жителей нашей страны, которым в 1990 было 38 – 42 года? Обратимся к Таблице 10.

Таблица 10 – Динамика изменения базовых ценностей в возрастных группах от 38 до 42 лет и от 58 до 62 лет (в индексах)

Базовые ценности	1990 год	2008 год
Семья	0,90	0,89
Друзья и знакомые	0,55	0,35
Досуг	0,42	0,22
Политика	-0,05	-0,25
Работа	0,70	0,48
Религия	-0,28	0,25

Индексные веса каждой из базовых ценностей, приведенные в таблице 12 отражают несколько иную, отличающуюся от показателей предыдущих таблиц (9 – 11) тенденцию. Здесь наблюдается определенное изменение оценки важности такой ценности, как «работа». Если средневозрастная группа 1990 года в большинстве своем считала работу очень важной ценностью, то, став старше почти на двадцать лет, представители этого поколения уже в 2008 году резко снизили планку оценки важности этого параметра. Возможно, жизнь пожилых людей стала лучше? Ответ на этот вопрос достаточно сложен. По крайней мере, в рамках данного анализа.

В этом сравнительном блоке заметно падение с возрастом значимости базовых ценностей «друзья и знакомые», а также «досуг». Возможно, возраст человека влияет на уровень его заинтересованности в общении и развлечениях.

Как и в других сравнительных группах, стремительно растет степень важности для людей религиозных ценностей и снижается интерес к ценностям политическим.

И, наконец, последняя Таблица 11, в которой сравниваются позиции двух групп пожилых людей, представляющих 1990 и 2008 годы.

Таблица 11 – Динамика изменения базовых ценностей в возрастных группах от 58 до 62 лет (в индексах)

Базовые ценности	1990 год	2008 год
Семья	0,88	0,89
Друзья и знакомые	0,33	0,35
Досуг	0,41	0,22
Политика	-0,01	-0,25
Работа	0,74	0,48
Религия	0,05	0,25

Пожилые люди прошлого века и века нынешнего практически одинаково высоко оценивают важность семейных ценностей и социальных связей. Как и в предыдущей сравнительной группе, важность работы пожилыми людьми 2008 года оценивается ниже, чем их сверстниками в 1990 году. Возможно, проблема обеспечения рабочими местами в 1990 была более актуальной. В остальных позициях тенденции в оценках важности базовых ценностей вполне сопоставимы с такими же тенденциями при сравнении представителей других возрастных групп.

В целом можно сказать, что тенденции к определенной трансформации ценностей более четко прослеживаются при анализе позиций отдельных возрастных групп, рассмотренных в исследованном временном диапазоне. Вместе с тем, очевидно, что утверждения исследователей аксиологических проблем об устойчивости базовых ценностей и их высоком иммунитете к серьезным потрясениям, можно считать правильными. Продолжительность процессов способных повлиять на изменение отношения людей к базовым ценностям и, тем более, трансформация самих базовых ценностей, судя по всему, по времени большие, чем жизнь нескольких поколений. В тоже время ценности не могут изменяться искусственно, по чьей – то воле или любым другим субъективным способом.

Л.Г. Новикова, С.А. Морозова

2.5 Динамика религиозности населения и межконфессиональных отношений в Беларуси: с рабочего стола социолога

Радикальная социально-экономическая и геополитическая трансформация, связанная с распадом СССР, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. повлекла за собой ряд существенных изменений в социокультурной сфере жизни социума. Одним из показателей принципиальной «смены вех» в идеологических ориентирах экс-советских государств явилось изменение отношения к религии на всех уровнях – от повседневного-обыденного, житейского до государственного. Религия оказалась в ряду духовных приоритетов, религиозные организации и движения получили возможность легитимизации и интеграции в социокультурные и социально-политические процессы, что было обусловлено и особенностями развития транзитивного общества, и сменой советской идеологии, и разрушением идеологической монополии марксизма, и либерализацией науки, и обретением суверенитета нашим государством. На этом трансформационном этапе завершился период искусственного разрыва исторически сложившихся религиозных традиций, и начались процессы религиозного возрождения, характеризующиеся ремобилизацией религиозных ценностей в массовом сознании населения Беларуси, укреплением роли и места религиозного фактора в жизни личности и общества, повышением уровня национального самосознания и этноконфессиональных, межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений.

Проявление «религиозного бума» вызвало активный интерес в гуманитарном научном сообществе. Если говорить о социологии, то в 1990-е гг. осуществлялись масштабные исследования, позволившие впервые выявить реальный уровень религиозности населения, его конфессиональную самоидентификацию, особенности культовых практик, социокультурных установок и т.д., т.е. описать количественные характеристики изучаемого явления.

Вместе с тем содержательная интерпретация полученных тогда результатов показала, что «религиозное возрождение» представляло собой не только возвращение к традиционному христианству, к «духовным истокам», но и появление и распространение новых типов сознания, несомненно, связанных с религией, но мировоззренчески неопределенных и весьма эклектичных, аморфных, со слабо очерченными границами.

Выявленный феномен поставил перед исследователями, как минимум, два важных методологических вопроса. Во-первых, было неясно, с чем именно мы имели дело: с некими переходными формами (и тогда основная задача состоит в изучении динамики и направленности этого «перехода», а также факторов, его определяющих) – или с феноменом постмодернистской полистилистической культуры, исключающей жесткие идейные системы с их однозначным пониманием мира. В последнем случае речь может идти о становлении новых, нетрадиционных форм религиозности в постсекулярном социуме, изучать которые (и это второй вопрос) одними только привычными для нас позитивистскими методами, вообще говоря, бесперспективно. Дело в том, что эти методы изначально основаны на принципах объективности, беспристрастности и дистанцированности исследователя по отношению к объекту исследования. Но примененные к сфере духа, миру человеческой субъективности, они вызывают серьезные методологические затруднения, поскольку вынуждают конституировать религиозное сознание согласно структуре сознания обыденного, принципиально отличного, по сути, от религиозного. Один из выходов видится в значительном расширении методологии исследований и, в частности, в обращении к феноменологической социологии П. Бергера.

Вместе с тем сказанное не отменяет необходимости продолжения исследований в рамках сложившейся позитивистской практики, которая позволяет фиксировать динамику и направленность изменений в сфере массового религиозного и «прорелигиозного» сознания, а так же оценивать их масштаб и специфику проявления в различных социальных группах.

В постсоветской Беларуси первое социологическое исследование, проведенное по национальной репрезентативной выборке и посвященное проблемам религиозности, было осуществлено Центром социологических и политических исследований БГУ при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в 1998-1999 г.г. Его результаты активно обсуждались на страницах журнала «Социология» в 1998-2001 гг., в т.ч. в статьях Новиковой Л.Г. «Религиозный бум» в Беларуси: миф или реальность?» (1999, № 2) и «Адаптация населения к условиям жизни в нестабильном социуме и религиозность» (2001, № 2). Однако более ранние сравнительные данные (1994 г.) нельзя было в полной мере назвать репрезентативными. В начале XXI в. исследования были продолжены, и сегодня у нас есть возможности зафиксировать и обсудить те изменения в уровне религиозности, конфессиональной идентификации и специфике верований населения Республики Беларусь, которые произошли за 8 лет (с 1998 по 2006 гг.).

Основным эмпирическим материалом, помимо указанного, будут служить результаты еще двух опросов: специального исследования «Конфессиональная идентификация населения Беларуси», проведенного Центром социологических и политических исследований и географическим факультетом БГУ в 2006 г. (1500 человек в 70 точках), а также мониторингового замера 2004 г., проведенного Институтом социологии НАН Беларуси (1900 человек в 70 точках), однако необходимо отметить, что мониторинг был посвящен широкому кругу социальных проблем, среди которых религия занимала достаточно скромное место).

Рассмотрим, каковы особенности динамики религиозности населения Республики Беларусь. Отметим, что в данной статье мы сознательно отвлекаемся от теоретико-методологических сложностей; связанных с поиском определения самого понятия «религия», и в качестве основного будем использовать термин «религиозность», под которым в социологии понимается мера воздействия религии на сознание и поведение индивидов и групп. В отличие от «религии», категория «религиозности» обладает операциональными определениями, т.е. может быть соотнесена с социальным объектом.

Традиционно в «минимум определения» религиозности индивида включают три признака: наличие религиозной веры, принадлежность к определенной конфессии (по критериям самоидентификации), а также культовые практики.

По первому признаку в рамках методики, предложенной еще в 1994 г., выделяются четыре основных мировоззренческих типа:

- 1) *религиозный*, характерный для верующих в Бога;
- 2) *квазирелигиозный*, объединяющий людей, которые верят не в Бога, а в сверхъестественные силы (мистику, оккультизм и т.д.);
- 3) *колеблющийся*, объединяющий людей с неоформленным, размытым отношением к религиозной вере (у них отсутствует как вера, так и неверие);
- 4) *нерелигиозный*, характерный для тех, кто однозначно идентифицирует себя как неверующего.

Религиозный бум конца 1980-х – начала 1990-х гг. заключался, прежде всего, в быстром росте численности группы верующих (или людей, считающих себя таковыми). Во второй половине 1990-х гг. стало вроде бы ясно, что доля верующих в структуре населения близка к «точке насыщения» и в общем уже не меняется, составляя примерно 50 % от числа респондентов.

Однако сравнительный анализ данных, полученных уже в новом тысячелетии, показывает, что на самом деле в анализируемые 8 лет продолжался плавный количественный рост этой группы, см. Таблицу 1.

Таблица 1 – Динамика показателей религиозной самоидентификации населения Республики Беларусь, в %

Тип мировоззрения	1998	2004	2006
Религиозный	47,5	52,5	58,9
Квазирелигиозный	8,1	4,2	4,9
Колеблющийся	31,2	34,2	23,9
Нерелигиозный	13,2	7,8	12,3

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что если в 2004 г. по сравнению с 1998 г. незначительный рост числа верующих произошел за счет поклонников оккультизма и «атеистов», то в 2005-2006 гг. основным источником пополнения группы верующих стали носители колеблющегося сознания (численные колебания двух других групп не выходят за границы статистической погрешности). Причем эта тенденция сохранилась во всех образовательных и возрастных группах, за исключением самой старшей, так как после 60 лет мировоззрение людей принимает устойчивый характер и уже не подвержено заметным изменениям. В целом следует констатировать, что начиная с 2004 г. возраст и образование в меньшей степени, чем раньше, влияют на уровень религиозности, хотя и дифференцируется ими: в 2006 г. в качестве верующих идентифицировали себя 50-55 % лиц в возрасте от 18 до 45 лет и 62-70 % в более старших возрастных группах. Что касается уровня образования, то по данным мониторинга 2004 г. установлена его связь с типом мировоззрения, см. Таблицу 2.

Таблица 2 – Связь между типом мировоззрения и уровнем образования, в %

Образование	Тип мировоззрения/			
	Религиозный	Квазирелигиозный	Колеблющийся	Нерелигиозный
Начальное, неполное среднее	31,9	13,1	20,7	20,3
Среднее	26,0	22,6	26,7	35,9
Среднее специальное	29,6	41,7	36,5	26,8
Высшее	12,4	22,7	16,1	17,0

Простой анализ результатов по модальным значениям признаков показывает, что уровень образования является сильным дифференцирующим фактором, влияющим на тип мировоззрения. Прежде всего, просматриваются две почти «зеркальные» группы: верующие, имеющие самый низкий уровень образования (около трети здесь не получили общего среднего образования), и носители квазирелигиозного сознания, из которых почти каждый четвертый имеет высшее образование и более 40 % – среднее специальное. У

колеблющихся и неверующих доли лиц, имеющих самый высокий и самый низкий уровень образования, не различаются. Здесь «зеркальное» отражение характерно для групп респондентов с общим средним и средним специальным образованием: среди носителей аморфного, неопределенного сознания соотношение численности лиц с указанными уровнями образования составляет 27:36, а среди неверующих, наоборот, 36:27. Иными словами, среднее образование является своеобразной линией раздела: респонденты со средним специальным образованием чаще являются носителями колеблющегося сознания, а с общим средним — неверующими. Вместе с тем, сравнительный анализ половозрастных характеристик выделенных мировоззренческих групп показывает, что наиболее стабильны группы носителей религиозного и колеблющегося сознания: за 8 лет у них не произошло сколько-нибудь заметных изменений в демографической структуре, см. Таблицу 3.

Таблица 3 – Динамика половозрастных характеристик основных мировоззренческих групп, в %

Характеристики	Верующие		Квазиверующие		Колеблющиеся		Неверующие	
	1998	2006	1998	2006	1998	2006	1998	2006
Пол:								
Мужской	32,8	33,7	45,2	32,4	53,7	58,5	69,4	74,0
Женский	67,2	66,3	54,8	67,6	46,3	41,5	30,6	26,0
Возраст:								
До 30 лет	27,3	23,1	46,5	35,1	32,5	32,3	31,3	31,5
31-45 лет	24,6	23,3	22,5	36,5	33,5	28,1	33,6	21,2
46-60 лет	24,9	27,3	18,0	17,6	24,0	24,5	17,2	26,1
Старше 60 лет	23,2	26,3	13,0	10,8	10,0	15,0	17,9	21,2

Зато среди поклонников оккультизма и неверующих выросла доля лиц зрелого и старшего возрастов: в первом случае за счет уменьшения числа молодежи выросла средняя возрастная группа (31-45 лет); во втором – увеличилась численность лиц зрелого возраста (46-60 лет) за счет уменьшения доли 30-45 летних. Кроме того, в группе квазиверующих произошли интересные гендерные изменения. Если раньше наблюдалась обратно пропорциональная связь между типом мировоззрения и полом респондентов: чем ниже уровень религиозности группы, тем выше в ней доля мужчин, – то результаты опроса 2006 г. эту тенденцию не подтвердили. Среди носителей квазирелигиозного сознания доля мужчин сократилась на 13 пунктов, в силу чего выровнялись гендерные структуры верующих и квазиверующих. Зато колеблющиеся и «атеисты», похоже, становятся все более «маскулинными».

Что касается конфессиональной самоидентификации, то независимо от уровня индивидуальной религиозности большинство населения Беларуси считает себя православными, причем начиная с 2004 г., эта идентичность усиливается: если в 1998г. с православием отождествляли себя 62,8 % опрошенных, в 2004 г. 70,4 %, то в 2006г. – 72,6 %. Рост идентичности осуществляется в основном за счет уменьшения численности лиц, ранее не соотносивших себя ни с какой конфессией, причем в группах носителей в нерелигиозного сознания, см. Таблицу 4.

Таблица 4 – Динамика конфессиональной самоидентификации в различных мировоззренческих группах, в %

Относите ли Вы себя к какой-либо конфессии?	Верующие		Квазиверующие		Колеблющиеся		Неверующие	
	1998	2006	1998	2006	1998	2006	1998	2006
К православию	77,4	81,7	58,3	74,3	61,8	72,7	14,9	28,3
К католичеству	14,8	11,9	6,0	8,1	7,8	7,5	0,7	0,5
К христианству в целом	2,5	1,5	11,9	4,1	9,0	1,9	5,2	2,2
К другим	1,6	2,4	1,5	4,0	0,6	1,5	0,8	–
Ни к какой	3,7	2,5	22,6	9,5	20,8	16,4	78,4	69,0

Итак, как и следовало ожидать, конфессиональная самоидентификация верующих за 8 лет в целом не изменилась (колебания варьируют в границах статистической погрешности), т.е. группы прихожан православной и католической церкви устойчиво воспроизводятся во времени, рекрутируя из года в год примерно одинаковое количество сторонников. Очевиден рост православной самоидентификации во всех внерелигиозных группах: у носителей квазирелигиозного сознания – на 16 %, у колеблющихся – на 11 % и даже у неверующих – на 13 % (в данном случае речь идет не о собственно религиозной, а скорее о культурной идентификации, когда посредством религии человек отождествляет себя с той культурной средой, которая исторически формировалась данной религией). В то же время никаких изменений относительно других конфессий в массовом сознании не произошло.

Третьим признаком, определяющим религиозность, является, как уже говорилось, наличие культовых практик, эмпирическими индикаторами которых выступают регулярность посещения богослужений, а также уровень знакомства с Библией и знания текстов молитв. Разумеется, в данном случае обсуждается религиозное поведение только группы верующих, а именно православных и католиков (по другим конфессиям сравнительные данные отсутствуют, поскольку в силу их малочисленности они не набираются в «массовых» опросах в

статистически достоверном количестве), которые весьма различаются между собой по данному показателю. Однако прежде, чем перейти к анализу динамики и специфики культового поведения респондентов, рассмотрим, как изменились за 8 лет эти две группы по своим социально-демографическим признакам, см. Таблицу 5.

Таблица 5 – Динамика социально-демографических признаков православных и католиков, в %

	Православные		Католики	
	1998	2006	1998	2006
Пол:				
Мужской	29,2	32,0	32,7	41,0
Женский	78,8	68,0	67,3	59,0
Возраст:				
До 30 лет	22,5	23,3	26,0	21,0
31-45 лет	22,5	21,8	22,7	33,3
46-60 лет	26,2	28,4	28,7	23,8
Старше 60 лет	28,8	26,5	22,7	21,9
Образование:				
Начальное, неполное среднее	37,4	12,3	26,7	7,6
Среднее, среднее специальное	44,8	71,9	34,0	72,3
Высшее, неполное высшее	17,4	15,8	37,3	17,1

Данные, представленные в таблице 5, свидетельствуют, что по половозрастным показателям среди православных никаких изменений не произошло. Среди католиков существенно выросла доля мужчин в возрасте 31-45 лет (за счет предыдущей и последующей генерационных групп). Существенные изменения претерпела образовательная структура обеих групп. Во-первых, сократилась доля лиц с низким уровнем образования (видимо, уходят из жизни старики военных поколений) и одновременно значимо выросла численность респондентов со средним и средним специальным образованием. Во-вторых, если раньше среди католиков было меньше лиц с неполным средним и больше с высшим образованием, чем среди православных, то сейчас по показателю высокого уровня образования обе группы выровнялись. Рассмотрим, как эти изменения отразились на церковной дисциплине и культовых практиках верующих, см. Таблицу 6.

Таблица 6 – Динамика частоты посещения богослужений православными и католиками, в %

Посещаете ли Вы богослужения?	Православные		Католики	
	1998	2006	1998	2006
Да, постоянно	19,5	18,0	44,7	50,5
Да, изредка	65,5	65,2	54,0	42,9
Не посещаю	14,3	16,8	1,3	6,6

Представленные данные показывают, что более низкий по сравнению с католиками уровень церковной дисциплины православных верующих сохраняется. В течение 8 лет практически не изменились доли вообще не посещающих храм, посещающих его изредка и регулярно. У католиков картина несколько иная. На фоне значительно более высокого уровня посещаемости костела, видно, что за прошедшие годы они несколько изменили свое культовое поведение: одновременно выросли и доли тех, кто ходит в церковь регулярно, и тех, кто не ходит туда вовсе. Возможно, это связано с изменениями в социально-демографической структуре верующих этой конфессии: с одной стороны, уменьшение доли высокообразованных людей (не склонных строго соблюдать церковные требования) ведет к росту дисциплины; с другой, увеличение доли мужчин – к ее снижению.

Перейдем к анализу особенностей динамики межконфессиональных отношений в Беларуси. По данным опросов эти отношения носят вполне благополучный характер, особенно между верующими ведущих христианских конфессий, православной и католической, с которыми идентифицируют себя более половины (55 %) взрослого населения страны и подавляющее большинство верующих (93,6 %). Более того, сравнительные результаты опросов 1998 и 2006 г.г. свидетельствуют о том, что уровень веротерпимости в белорусском обществе существенно вырос. Так, доля тех, кто не испытывает неприязни ни к каким религиям и верованиям, увеличилась среди верующих с 58 % до 76 %; среди носителей квазирелигиозного сознания – с 49 % до 76 %; среди колеблющихся – с 64 % до 83 %; среди неверующих – с 68 % до 84 %.

Возможно, это связано со спецификой рассматриваемого хронологического периода: это время резкого обострения отношений между христианской и исламской цивилизацией, роста международного (читай: опять же исламского) терроризма и т.д. Причем линия размежевания все чаще с глобальных актов и событий (бомбежка Нью-Йорка 11.09.2000 г. или «тлеющая» война на Северном Кавказе в России) перемещается во вполне благополучные города мирной и богатой

Европы, где проблемы этносоциального расслоения принимают форму межрелигиозного противостояния. В этих условиях можно ожидать активизации чувства «общехристианской сплоченности», когда перед ростом внешней угрозы уходят на второй план какие-либо межконфессиональные разногласия и взаимонепонимания. Люди начинают более высоко ценить те стабильные отношения, которые реально сложились между религиозными конфессиями в нашей стране. Отношение населения к конкретным религиозным общинам, существующим в Беларуси, весьма дифференцированно и мало подвержено изменениям во времени, см. Таблицу 7.

Таблица 7 – Динамика изменения отношения населения к различным конфессиям, в %

Церкви, религиозные общины	Положительное		Отрицательное		Безразличное		Ничего о ней не знаю	
	1998	2006	1998	2006	1998	2006	1998	2006
Православная	87,0	90,5	0,6	0,9	10,4	8,5	2,0	9,1
Римско-католическая	57,4	59,1	4,1	3,5	28,0	31,3	10,5	6,1
Греко-католическая церковь (унииаты)	12,5	27,6	5,8	4,7	30,8	39,0	50,8	28,5
Евангельские христиане-баптисты (ЕХБ)	8,8	10,1	24,1	24,2	39,2	40,9	27,8	24,8
Христиане веры евангельской (пятидесятники)	4,8	8,9	16,7	10,7	31,2	34,9	47,2	45,4
Адвентисты седьмого дня	3,9	4,5	14,3	22,3	22,3	27,2	63,1	53,2
Свидетели Иеговы	3,4	4,4	21,4	22,8	22,8	27,7	57,1	46,4
Ислам	13,5	19,1	11,6	12,5	40,0	41,3	34,8	27,1

В таблице представлены наиболее крупные конфессии, которые были включены в обе анкеты 1998 и 2006 гг. Как следует из представленных данных, наибольшей стабильностью отличается отношение респондентов к православной и римско-католической церквям, а также к ЕХБ – исторически достаточно укорененной у нас христианской общине. Безусловные симпатии населения (при минимальном числе негативных и безразличных оценок) – на стороне православной церкви; более половины опрошенных позитивно относятся к католикам. В отношении баптистов и исламистов в чувствах респондентов доминирует безразличие, а что касается протестантских общин, то о них у относительного большинства просто нет информации.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на некоторые изменения, которые произошли в оценках отдельных конфессий за анализируемый период. Значимо уменьшилась доля граждан, не информированных прежде об исламе (на 8 %), адвентистах седьмого дня (на 10 %), свидетелях Иеговы (на 11%) и особенно об униатах (на 22 %).

Также можно предположить, что отношение к той или иной конфессии должно значимо дифференцироваться конфессиональной принадлежностью респондентов. Рассмотрим это на примере верующих – православных и католиков. Для большей наглядности данные представлены в индексах контрастности (ИК), полученных как разность между долями положительных и отрицательных ответов, см. Таблицу 8.

Таблица 8 – Динамика сравнительных оценок отношения к различным конфессиям у верующих православных и католиков, в ИК

Церкви, религиозные общины	Православные		Католики	
	1998	2006	1998	2006
Православная	+99	+99	+85	+90
Римско-католическая	+55	+60	+98	+99
Греко-католическая церковь (униаты)	+5	+25	+20	+55
Евангельские христиане-баптисты (ЕХБ)	-18	-17	-18	-25
Христиане веры евангельской (пятидесятники)	-16	-3	-15	-5
Адвентисты седьмого дня	-8	-11	-14	-15
Свидетели Иеговы	-16	-18	-24	-21
Ислам	+6	+9	-2	+18

Данные, представленные в таблице, позволяют сделать выводы о том, что наибольшую взаимную симпатию православные и католики испытывают друг к другу, причем уровень ее остается неизменным. Доля католиков, которые положительно относятся к православию, и в 1998 г., и в 2006 г. существенно выше доли православных, положительно относящихся к римско-католической церкви (ИК= +90 против ИК= +60) на фоне высокого уровня безразличия православных к католикам: 1 % против 28 %.

На третьем месте по уровню симпатий находится униатская церковь, причем очевидно, что прихожанам римско-католической церкви греко-католики гораздо ближе, чем православным, хотя существенный рост положительного отношения к униатам обнаружили и те, и другие. Однако природа этого феномена у них, видимо, несколько различна. Так, у православных за исследуемый период на 20 % (с 50 % до 30 %) уменьшилась доля ничего не знающих об этой конфессии и одновременно на 16,5 % вырос

уровень симпатий (с 13 % до 29,5 %) и на 10 % – безразличия к униатам (с 26 % до 36 %). У католиков информированность об этой конфессии увеличилась в три раза (в 2006 г. только 10 % из них не знают, кто такие униаты) и существенно уменьшилась доля безразличных (с 33 до 21 %) за счет роста положительных оценок к греко-католикам: с 25 % в 1998 году до 62 % в 2006. Значительно меньше симпатий у православных и католиков вызывает ислам, хотя отношение к нему к 2006 г. немного улучшилось – у православных незначительно, у католиков чуть больше и исключительно за счет уменьшения (на 9 %) доли тех, кто ранее об этой конфессии «ничего не знал».

Наибольший негативизм у «традиционных» христиан вызывают протестантские общины (в порядке увеличения отрицательных значений ИК): пятидесятники, адвентисты седьмого дня, баптисты и свидетели Иеговы. За 1998-2006 гг. и у православных и католиков осталось неизменным отношение к адвентистам седьмого дня и свидетелям Иеговы (хотя, надо сказать, что католики проявляют больше нетерпимости к протестантам, чем православные) и несколько улучшилось к пятидесятникам. Католики, кроме того, стали чаще давать негативные оценки баптистам. В целом данные показали, что дистанцирование в межконфессиональных отношениях носит абсолютно мирный характер.

Подводя итоги отметим, что в течение 8 лет (1998-2006 гг.) наблюдался незначительный, но неуклонный рост доли верующих в структуре населения Республики Беларусь. Причем если с 1998 г. по 2004 г. верующими становились лица из числа «атеистов» и носителей квазирелигиозного сознания, то в период с 2004 по 2006 г. – в основном из числа колеблющихся. По сравнению с 1998 г. религиозность теперь плавно «разлита» по всем социально-демографическим группам общества за счет того, что она опережающими темпами росла в младших возрастных группах и у лиц с высоким уровнем образования.

Независимо от личного отношения к религиозной вере три четверти населения страны устойчиво отождествляет себя с православием, 6-8 % – с католицизмом, около 1 % – с протестантизмом. Вместе с тем следует учитывать, что наряду с верующими христианами в каждой из этих групп присутствуют люди, не являющиеся собственно верующими, но посредством конфессиональной самоидентификации отождествляющие себя с соответствующей культурной средой (таких примерно треть среди православных и четверть среди католиков). Следует отметить, что за последние годы среди носителей внерелигиозных типов сознания (квазиверующих, колеблющихся, неверующих) существенно выросло культурное влияние православия. Одновременно в этот период в белорусском обществе значимо вырос

уровень веротерпимости: доля тех, кто отрицательно отвечает на вопрос о наличии религий, к которым испытывает неприязнь, увеличилось с 60 до 80 %.

Вместе с тем динамика отношения к конкретным конфессиям носит дифференцированный характер и связана с уровнем информированности о них. Так, у респондентов вырос уровень информированности об униатстве и исламе, и доля положительных оценок этих религий тоже выросла. Одновременно рост информированности об адвентистах седьмого дня и свидетелях Иеговы ведет к увеличению безразличия и негативизма по отношению к ним. При сравнении между собой двух основных конфессиональных групп наблюдается несколько иная динамика: рост позитивного отношения к униатам и мусульманам значительно более заметен у католиков по сравнению с православными. На фоне общего не очень хорошего отношения «традиционных» христиан к протестантам любого толка, в обеих группах остались неизменными оценки адвентистов и свидетелей Иеговы и повысились оценки пятидесятников. При этом с если православные чаще не информированы и безразличны к другим ветвям христианства, то католики в большей степени нетерпимы к протестантам.

В заключение повторим, что характерное для современной эпохи разрушение жестких идеологических систем, способствуя размыванию устоев традиционной религиозности, вызывает в массовом сознании противоположную тенденцию, а именно потребность обрести какую-то устойчивость в потоке стремительных перемен. В ходе взаимодействия этих разнонаправленных процессов формируются новые, мало исследованные пока типы мировоззрения с расплывчатыми границами и эклектическими взглядами. Задачей социологии сегодня как раз и является изучение, с одной стороны, этих форм и механизмов взаимодействия религии и общества в контексте радикальных сдвигов, которые происходят в мире XXI в.

И.В. Левицкая

2.6 «Преступления без жертв»: статус порока в общественной морали

Современное общество развивается динамично и порой противоречиво. Быстрая и частая, нередко коренная смена условий жизнедеятельности приводит к исчезновению формальных границ между дозволенным и запретным, к формированию новой ценностно-нормативной основы социума. Такая ситуация, с одной стороны, активизирует появление совершенно новых форм, которым еще не дано однозначной социальной оценки, с другой, – способствует формированию лояльного отношения к формам поведения и социальным явлениям, считавшимся когда-то запретными. В свою очередь, это приводит к дезориентации в социальном пространстве и может повлечь за собой «утрату биографии» (Л.Г. Ионин), «утрату чувства идентичности» (Э.Г. Эриксон), дисгармонию между потребностями и возможностью их удовлетворения и, как следствие, к росту числа социальных девиаций.

Феномен поведенческих и социальных девиаций сложен для интерпретации в силу неопределенности как общего понимания, так и его критериев. В современных условиях не утрачивает своей актуальности тезис Н. Смелзера о том, что, «поскольку критерии определения девиантного поведения неоднозначны и часто вызывают разногласия, трудно точно установить, какие типы поведения следует считать девиантными» [6, с. 198]. В современной науке общепризнанным является лишь то, что понятие «девиация» (отклонение) имеет смысл только в связи с понятием «норма». Так, например, Н.А. Барановский девиантное поведение определяет как понятие, которое «охватывает все формы нарушений моральных, правовых и других социальных норм...» [1, с. 6], Я.И. Гишинский – как «поведение, нарушающее социальные нормы...» [5, с. 24], Н. Смелзер – как «отклонение от групповой нормы...» [6, с. 203].

Сложность, однако, заключается в том, что, являясь ключевым в определении сущности девиантного поведения, понятие «социальная норма» само не имеет однозначного семантического объяснения. Еще Э. Дюркгейм в своей работе «Норма и патология» выделил следующие значения понятия:

– норма есть нечто наиболее распространенное, типичное для данного общества;

- норма – это характеристика социального факта, способствующего оптимальному функционированию общества;
- норма – это предписание поступать определенным образом.

Обозначив важнейшие признаки социальной нормы, Э. Дюркгейм затронул гносеологический аспект проблемы формирования и функционирования нормативной структуры, определив тем самым необходимость совмещения различных подходов к его анализу. С одной стороны, социальные нормы возникают как адекватное отражение социальных отношений и выражают потребности общества. С другой – эффективность нормы определяется признанием необходимости ее существования большинством членов общества. В то же время общественное сознание, выражая ценностные приоритеты определенной общности, часто бывает нестабильным и противоречивым, ведь социальной ценностью может быть наделен любой объект (реальный или воображаемый), если он рассматривается группой как важное условие существования. Таким образом, содержательно социальная норма включает как объективные, так и субъективные компоненты. Объективная компонента социальной нормы выражается в наличии четкого предписания поступать определенным образом, что дает индивидам возможность предвидеть действия других участников общественных отношений и соответственным образом строить свое поведение. Субъективная компонента выражается в том, что отражение действительности может быть не только адекватным, но также непреднамеренно или сознательно искаженным.

Форма воплощения социальной нормы как вторичного социального образования может варьироваться от модели взаимодействий на уровне социальной системы до конкретного предписания поступать определенным образом в заданной ситуации. На уровне индивидуального поведения норма дает возможность соотносить свое поведение с ожиданиями других людей, на уровне социума – упорядочивает и систематизирует общественную жизнь.

Динамический аспект функционирования социальной нормы характеризуется тем, что стабильность как одно из важнейших условий ее эффективности определяет свойство нормы задавать критерий отнесения того или иного явления к разряду полезных, желательных. Однако сама нормативная система общества изменяется под воздействием внешних и внутренних процессов. Многие нормы перестают выполнять свои функции, сами своим существованием создавая противоречия. И в этом случае только отклонение от нормы, выработка новых стандартов дает возможность разрешить создавшееся противоречие. Такая ситуация способствует тому, что постепенно новый

образец поведения становится нормой, а образец, бывший когда-то нормой, становится отклонением. Таким образом, способность нормы трансформироваться в свою противоположность (девиацию) является одним из механизмов самоорганизации и развития общества.

Обозначенная противоречивость социальной нормы, а также сформулированный ранее тезис о том, что «девиация» имеет смысл только в связи с понятием «норма», определяют необходимость в разработке концептов «социальная норма» и «девиация» в их соотношении друг с другом.

Определяя социально-нормативное поведение как наиболее распространенное, соответствующее так называемой «средней линии», которой придерживается большинство членов общества, в ранг основного признака социальной нормы мы возводим типичность определенных форм поведения. Логика исследования при таком понимании нормы предполагает необходимость количественного измерения свойств исследуемого объекта и установление соответствующих средних показателей. Рассматривая норму как нечто наиболее приспособленное, отвечающее условиям окружающей среды, нельзя в то же время не отметить, что нередко сами патологические процессы и болезни – это всего лишь особенности, побочные эффекты адаптационных процессов. Приспособление, адаптация может реализоваться в форме деструктивной по своей сущности. Как писал Э. Фромм в своей работе «Человек для себя», «человек может адаптироваться к рабству, к культуре, проникнутой всеобщим недоверием и враждебностью, к культурным условиям, требующим подавления сексуальных влечений... Человек может адаптироваться почти к любой культурной системе, ... но он не может изменить свою природу» [8, с. 29-30]. Обозначенные особенности статистически-адаптационного подхода к определению социальной нормы формируют контуры понятия девиантное поведение и позволяют определить его как поведение, не соответствующее ожиданиям. Для определения поведения в качестве девиантного необходимо, во-первых, наличие некой верифицируемой ситуации, которая может быть определена и масштабы которой могут быть измерены, во-вторых, – осознание данного условия как угрожающего неким ценностям.

С подходом описательных критериев социальной нормы, который базируется на представлении об общественной опасности или безопасности поведения человека, соотносится понимание девиации как нарушения, ущемления прав и свобод других людей. В соответствии с данным подходом к девиантному относят любое поведение, которое явно или потенциально является опасным для общества. Упор делается на

социально одобряемых стандартах поведения, бесконфликтности, конформизме, подчинении личных интересов общественным. При анализе отклоняющегося поведения с таких позиций внимание акцентируется на внешних формах адаптации, а индивидуально-личностная гармоничность игнорируется.

Определение действия как девиантного предполагает наличие в обществе некоторого нормативного консенсуса – фундаментального согласия по базисным ценностям. Однако современное общество не обладает культурным единством и ценностным консенсусом, для него характерен широкий плюрализм ценностей и норм. Данные исследования «Европейские ценности» (2008 г., N=1500 чел.) свидетельствуют о том, что более 70 % жителей Беларуси не разделяют мир на «белое и черное», а признают существование оттенков и полутонов, придающим своеобразие любому поступку, см. Таблицу 1.

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: «Здесь представлены утверждения, которые люди иногда высказывают, обсуждая проблему Добра и Зла. Какое из них наиболее близко к вашей точке зрения?», в %

Суждения-альтернативы	Распределение ответов
Существует четкая граница между тем, что есть Добро и Зло. Это относится к каждому человеку и любым обстоятельствам	22,9
Существует четкая граница между тем, что есть Добро и Зло. Однако отклонение от этих критериев иногда оправдывается особыми обстоятельствами	31,5
Никогда не может быть абсолютно четкой границы между тем, что есть Добро и что есть Зло. Это полностью зависит от конкретных обстоятельств	39,5
Нет ответа, не знаю	6,1

В такой ситуации различие между нормой и девиацией становится неопределенным, все более локальным, групповым, а социальная реакция на девиацию носит не всеобщий, а социально ограниченный характер. В этой связи важным становится вопрос о том, кто в обществе определяет девиацию, «наклеивает ярлык» девиантности. Одним из первых в такой перспективе проблему социальных девиаций рассмотрел Г. Беккер [4]. И эта идея нашла впоследствии множество сторонников. Как отмечает З. Бауман, «проблема состоит в том, что навешивание ярлыка ... зависит не столько от самой природы действий, сколько от симпатий и антипатий тех, кто печатает такие ярлыки», и если

бы не эти ярлыки, то преступника иной раз можно было бы спутать с жертвой [2, с. 260].

Девияция в таком случае есть социальная конструкция, представляющая собой описание нарушений, определяемых в некоей системе как опасные. Эта конструкция имеет смысл лишь в контексте определенных социально-исторических условий. Любая норма относительна и открыта для придания ей различных смыслов. Так, например, запрет убийства не носит абсолютного характера и может быть санкционирован обществом (например, убийство в ходе военных действий или приведение в исполнение смертного приговора). Граница между зонами социально-нормативного и социально-девиантного поведения (полного и ограниченного поведения) определяется не столько содержанием действия, сколько объектом, на который оно направлено: убийство «своего» – это «преступление», а это же действие, совершенное по отношению к врагу, – «героизм». Преступника от героя отличает не само действие, а местонахождение в гражданском пространстве.

Девииантным становится такое поведение, которое в обществе находят оскорбительным (обидным, неприятным) и которое в случае обнаружения вызывает или может вызывать неодобрение, наказание или враждебность по отношению к субъектам такого поведения. Девииантное поведение – это зона ограниченного поведения. Ее граница конструируется через определение «девиации», то есть такого нарушения норм, которое является основанием для перевода субъекта действия из зоны полного в зону ограниченного поведения, где отсутствует целый комплекс стандартных прав и присутствует большой набор дополнительных обязательств.

Несмотря на то что каждый из подходов к пониманию сущности нормы имеет свои особенности, сравнительный анализ позволяет синтезировать их и предложить следующую дефиницию понятия «социальная норма». Социальная норма – это адекватная условиям социокультурной среды, широко распространенная, общественно одобряемая или допустимая мера оценки взглядов, суждений и форм поведения, в соответствии с которой задаются границы допустимого в поведении личности, социальной группы или организации в конкретных социально-исторических условиях.

В данном определении находят свое отражение основные принципы и присутствуют компоненты выделенных ранее подходов. Адаптационный компонент отражает объективность возникновения и функционирования социальной нормы. Статистический – ее принятие в качестве образца поведения большинством членов социальной группы. Компоненты подходов «принятия позитивных и негативных критериев» –

ее подкрепление институционализированными требованиями, предписаниями, пожеланиями и ожиданиями соответствующего поведения.

Социальная норма в таком контексте воплощает в себе модель взаимодействий, которая дает возможность индивидам предвидеть действия других участников общественных отношений и соответственным образом строить свое поведение, тем самым максимально реализовать свой внутренний потенциал.

Понятие «социальная норма» тесно связано с представлением о феномене «ценность». Ценность как свойство предмета или явления присуща ему не от природы, не в силу его внутренней структуры, а потому, что он является носителем определенных социальных отношений. Социальной ценностью может обладать любой объект – реальный или воображаемый, если он рассматривается группой или отдельными лицами как важное условие существования. Социальная ценность – понятие, означающее социокультурную значимость определенных явлений общественной жизни. Социальная ценность наделяется особым значением в индивидуальном и общественном сознании. В сущности ценности можно выделить два момента: связь с индивидом как оценивающим субъектом, и санкционирование ценности обществом или группой (при выполнении этого условия ценность трансформируется в норму). Социальное конструирование нормы есть результат социального взаимодействия, а функционирование той или иной социальной нормы всегда выражает ценностные приоритеты определенной общности.

Процесс трансформации социальных ценностей в личностные осуществляется через практическую включенность субъекта в социальные отношения, в специфическую микросреду – социальную группу. С одной стороны, она является опосредующим звеном включения субъекта в коллективную деятельность, в процесс усвоения и реализации ценностей конкретного общества, т.е. обеспечивает функции регуляции социального поведения личности в соответствии с ценностями и целями развития общества и функционирования социальных групп. С другой стороны, – представляет субъектам возможности социальной адаптации.

Ценности ориентируют социальные субъекты в пространстве. Однако прежде, чем приобрести все признаки, качества и свойства ценности, любой материальный или идеальный объект должен быть подвергнут оценке в индивидуальном или общественном сознании на предмет его полезности или опасности. Оценка означает выбор – принять или отвергнуть данный предмет в качестве ценности. Когда выбор сделан, на его основе осуществляется соответствующая деятельность. Таким образом, ценность имеет двойственный характер: с одной

стороны, объективный (она организует и направляет деятельность), с другой – субъективный (содержит в себе смыслы и значения, являющиеся порождением сознания). Оценки одного и того же явления могут быть различными, поскольку они отражают ценностные приоритеты разных социальных субъектов. И если какой-то образец взаимодействия рассматривается социальной общностью как нежелательный или потенциально опасный, то соответствующее поведение будет расцениваться как девиантное.

Принимая во внимание сказанное выше, попытаемся выявить принципиальные различия существующих трактовок понятия «девиантное поведение» и разграничить подходы к семантическому объяснению данной категории:

а) интерпретация девиантного поведения как поведения, не соответствующего ожиданиям вследствие нарушения определенных норм и правил, предполагает в качестве главенствующего признака нормативности рассматривать адаптивность;

б) подход, при котором девиация понимается как социальный конструкт, предполагает наличие четко обозначенных негативных критериев (разрешено то, что не запрещено), разработанных доминирующей группой и отражающих структуру и содержание власти;

в) трактовка девиации как ущемления, нарушения прав и свобод других людей (запрещено то, что не разрешено) базируется на представлении об общественной безопасности и социально одобряемых стандартах.

Сложность, однако, заключается в том, что выделенные подходы – лишь теоретические конструкты, которые в реальной жизни на уровне индивидуального и массового сознания переплетаются и смешиваются, формируя весьма противоречивые стереотипы восприятия того или иного явления.

Ниже представлены результаты кроссвременного сравнительного анализа данных исследования «Европейские ценности», проведенного в Беларуси в 1990, 2000 и 2008 годах, характеризующие общественное мнение жителей Беларуси относительно таких аспектов нашей жизни, которые традиционно признавались нарушениями нравственности или пороками. Сбор информации проводился методом индивидуального интервью лицом к лицу с респондентом. Объем выборочной совокупности в 1990 году составил 1015 единиц; в 2000 году – 1000 единиц; в 2008 году – 1500 единиц (что обеспечивает допустимый 5% уровень ошибки при степени уверенности 0,95).

Алкогольное потребление. Понимая девиацию как ущемление и нарушение прав и свобод других людей, и руководствуясь

представлением об угрозе общественной безопасности, злоупотребление алкоголем традиционно выносится за рамки дозволенного и признается формой девиантного поведения. Однако, принимая во внимание существующие питейные традиции, понимание девиации как чего-то нетипичного, мешающего адаптации, несколько усложняет ситуацию, размывая представление о дозволенности употребления алкогольных напитков.

Так, например, употребление алкоголя в Беларуси имеет тенденцию к увеличению. По данным Министерства здравоохранения Республики Беларусь, объем потребления спиртных напитков в 1995 году составлял 6,7 литра абсолютного алкоголя на душу населения, в 2005 году – 9,36 литра, в 2006 году – 10,6 литра, а в 2007 году составил 11,6 литра абсолютного алкоголя на душу населения (с учетом детей, стариков и убежденных трезвенников). При этом по критериям Всемирной организации здравоохранения считается, что критическим является показатель потребления выше 5 литров алкоголя на душу населения в год.

Факты свидетельствуют о том, что процесс алкоголизации населения Беларуси приобретает угрожающий масштабы. В период с 2004 по 2008 годы число лиц, страдающих хроническим алкоголизмом и состоящих на диспансерном учете в специализированных организациях системы Министерства здравоохранения Республики Беларусь, возросло со 121 880 до 177 188 человек (из них примерно 15 % – женщины). За 2008 год заболеваемость алкоголизмом в стране увеличилась еще на 5,1%. Причем эти цифры отражают лишь количество людей, состоящих на учете. Реальное же число алкоголиков и лиц, страдающих от этих проблем, значительно больше. Ведь рядом с хронически пьющим человеком находятся его родные и близкие (супруги, дети, родители пьющего). Они также живут с данной проблемой и, по мнению специалистов, являются не только жертвами болезни своих близких, но и пассивными алкоголиками, или созависимыми. Созависимость характеризуется оправдательной позицией в отношении человека, страдающего зависимостью, и отражает сильную поглощенность, высокую степень зависимости от другого человека, и при этом – снижение уровня заботы о себе.

В целом же результаты исследования «Европейские ценности» характеризуют отношение населения Беларуси к людям, страдающим алкоголизмом, как крайне негативное. Причем с течением времени негативизм в восприятии данной группы остается относительно стабильным и широко распространенным, см. Таблицу 2.

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос «Назовите те группы, кого бы Вы не хотели видеть своими соседями?», в %

Упомянуты в числе групп, с которыми не хотели бы соседствовать	1990 год	2000 год	2008 год
Алкоголики	84,2	83,2	80,6

Казалось бы, отвращение, демонстрируемое по отношению к пьющим людям, должно согласовываться с отношением к источнику данной проблемы – к употреблению алкоголя, однако касательно данной проблемы в повседневной практике осознанные намерения людей противоречат их реальному поведению. По результатам международного сравнительного исследования «Образ жизни, условия жизни и здоровье», проведенного в 2001-2003 годах (N=2000 чел.), 17 % жителей Беларуси употребляют алкоголь 2-3 раза в неделю и чаще, 18 % – примерно раз в неделю, 20 % раз в месяц, 24 % раз в 2-3 месяца и реже. Совсем не употребляют алкогольные напитки 21 % взрослого населения нашей страны.

По данным выборочного обследования домашних хозяйств, расходы на покупку алкогольных напитков за последнее десятилетие несколько снизились и в 2009 году в среднем составляли 2,2 % всех потребительских расходов семьи, см. Таблицу 3.

Таблица 3 – Расходы на покупку алкогольных напитков в структуре потребительских расходов домашних хозяйств, в % [7, с. 150]

Потребительские расходы	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009
Покупка алкогольных напитков	3,3	3,5	2,5	2,4	2,3	2,3	2,2

В то же время производство алкогольных напитков в Беларуси растет, см. Таблицу 4.

Таблица 4 – Производство алкогольных напитков, млн. дал. [7, с. 354]

Алкогольные напитки	1990	1995	2000	2004	2005	2006	2007	2008	2009
В абсолютном алкоголе	5,6	7,2	8,8	8,0	9,1	9,8	11,0	11,5	11,3
В натуральном выражении:									
– водка и ликеро-водочные изделия	8,8	14,8	10,8	7,3	8,7	10,7	12,6	14,4	14,7
– виноградное вино (включая напитки)	6,6	0,3	0,7	1,6	1,6	1,2	2,0	2,6	2,1
– плодое вино	0,1	5,1	23,7	26,6	22,2	20,8	22,0	20,7	19,1
– шампанское	0,6	0,7	0,8	0,9	1,0	1,0	1,0	1,1	1,3
– коньяк	0,2	0,1	0,1	0,04	0,04	0,04	0,1	0,2	0,2
– пиво	32,8	15,2	23,7	22,7	27,1	33,2	35,6	35,4	33,7

Таким образом, сегодня приходится констатировать, что в массовом сознании и бытовой культуре населения сформирован устойчивый социально-психологический стереотип: потребление алкоголя рассматривается как бытовая социально-культурная норма, традиция или даже обязательный ритуал. А на институциональном уровне существующие традиции и ритуалы успешно поддерживаются.

Отклонения в сфере сексуального поведения, морали и нравственности. Социальный аспект сексуального поведения связан с тем, что представления о сексуальности и отношение к сексуальному удовольствию затрагивают не только уровень индивидуального сознания и поведения, но выходят на уровень ценностно-нормативного регулирования жизни общества. Отношение к отклонениям в сфере полоролевого поведения и идентичности отражают возможность их участия в регуляции поведения.

Современная система нормативного регулирования сферы сексуального поведения характеризуется тем, что сексуальность освобождается от чувств, институтов и функций [3, с.14-19]. Наличие любви или узы брака не воспринимаются как обязательные условия сексуальных контактов, а репродуктивная функция сексуального поведения перестала быть доминирующей. Результаты исследования, представленные на рисунке 1, свидетельствуют о негативном восприятии в общественном сознании таких форм нетрадиционного сексуального поведения как гомосексуализм (сексуальные отношения, основанные на нарушении полоролевого поведения и идентичности) и проституция (сексуальные отношения, которые носят безличный, отчужденный и возмездный, платный характер).

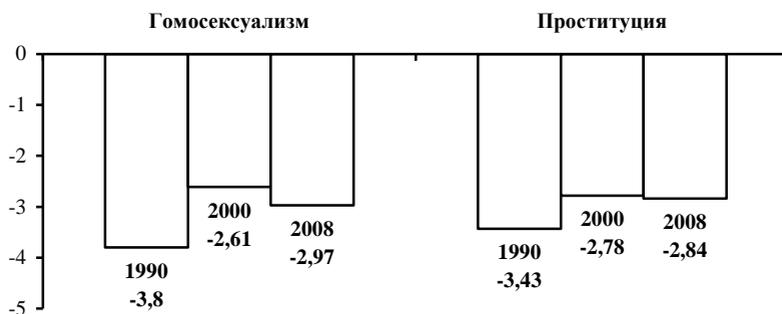

Рисунок 1 – Индекс допустимости гомосексуализма и проституции, в баллах по шкале [-5; 5]

Безусловно, данные формы сексуального поведения расцениваются как «вызов» общественной морали. Кроме того, в общественном сознании они связывается с ростом числа заболеваний, передающихся половым путем, и рассматриваются как потенциально опасные.

Во второй половине 1990-х годов в Беларуси был отмечен подъем заболеваемости венерическими болезнями [7, с. 225]. При этом эпидемиологи, специалисты Всемирной организации здравоохранения прогнозируют в ближайшие годы очередную волну венерических заболеваний.

В принципе все болезни массовое сознание делит на две категории: те, которые «обваливаются» на человека сами, являются результатом случайности и не связаны с его образом жизни, и те, появлению которых человек способствует своим поведением. ВИЧ-инфекция относится к «пограничным» болезням, которые, с одной стороны, могут быть результатом стечения обстоятельств, а с другой, – следствием определенного образа жизни. Поэтому отношение к этой болезни достаточно противоречиво. Проведенное исследование позволило зафиксировать тенденцию к формированию более лояльного отношения со стороны окружающих к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией и к людям, больным СПИДом, см. Таблицу 5.

Таблица 5 – Распределение ответов на вопрос «Назовите те группы, кого бы Вы не хотели видеть своими соседями?», в %

Группы, которые были упомянуты в качестве тех, с которыми бы не хотели соседствовать	1990 год	2000 год	2008 год
Гомосексуалисты	81,5	63,3	61,9
Люди, больные СПИДом	74,9	57,5	49,4

Однако, несмотря на потенциальную опасность, связанную с раскрепощением населения в области сексуального поведения, существующие социальные стереотипы привносят свою специфику в оценку случайных сексуальных связей и супружеских измен. Такие действия, то ли в силу того, что они носят «бескорыстный» характер или вписываются в рамки традиционной сексуальной ориентации, население хотя и оценивает отрицательно, но все же относится более терпимо, см. Рисунок 2.

Рисунок 2 – Индекс допустимости случайных сексуальных связей и супружеских измен, в баллах по шкале [-5; 5]

Данные исследования показывают, что за восемь лет отношение к случайным сексуальным связям хоть и незначительно, но все же стало более нетерпимым. В то же время отношение к супружеской неверности стало более лояльным.

На этом фоне вполне понятной выглядит ситуация, характеризующая уровень разводимости жителей Беларуси, и отношение общества к разводам.

По данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь, пик разводимости в нашей стране пришелся на 2000 год, когда число разводов составило 43,5 тысяч. Минимальное количество разводов зарегистрировано в 2004 году – 29 133. С 2004 года в Беларуси вновь отмечается рост числа разводов. В 2009 году было расторгнуто 35 056 браков. Данные о числе разводов представлены на рисунке 3.

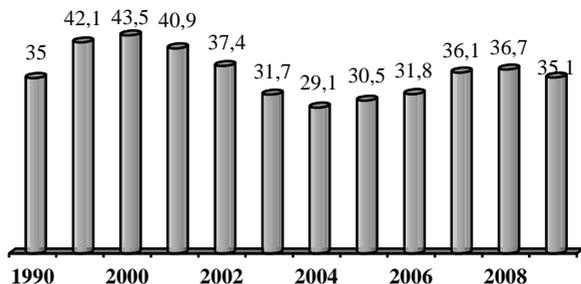

Рисунок 3 – Число разводов в Республике Беларусь (в тысячах) [7, с.56]

Данные исследование «Европейские ценности» свидетельствуют, что развод для жителей Беларуси перестал быть чем-то запретным и осуждаемым, см. Рисунок 4.

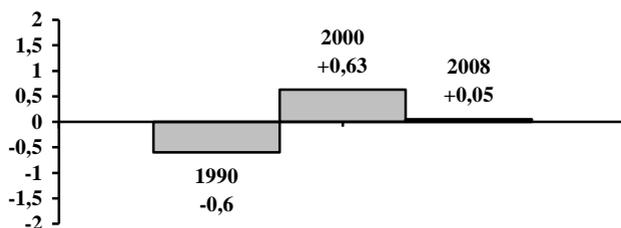

Рисунок 4 – Индекс допустимости разводов, в баллах по шкале [-5; 5]

Рост числа разводов и лояльное отношение со стороны общества к расторжению брака косвенно свидетельствует о снижении ценности традиционной семьи и семейно-брачных отношений.

Ценность человеческой жизни. Лишение человека жизни далеко не всегда признается обществом неприемлемым. Как показывают результаты исследования, к таким «санкционированным формам лишения жизни» как смертная казнь, эвтаназия и аборт, а также к самоубийствам наше общество относится неоднозначно.

Право на смерть. Показатели суицидального поведения являются важным индикатором социального благополучия / неблагополучия. В Беларуси уровень самоубийств остается стабильно высоким. Так, в 2009 года в Беларуси число умерших в результате суицида составило 2 743 человека, см. Рисунок 5.

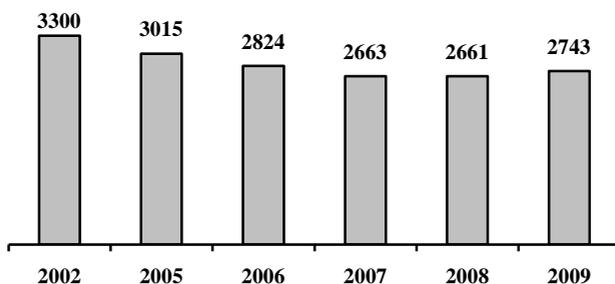

Рисунок 5 – Число умерших в результате суицида, в абсолютных [7, с.69]

При этом по данным ВОЗ, если число самоубийств превышает 20 человек на 100 тысяч населения, то это уже высокая суицидальная

активность, а 30 суицидов на 100 тысяч населения считается критическим уровнем. В нашей стране в 2009 году этот показатель составил 28,9 случаев на 100 тыс. населения, см. Рисунок 6.

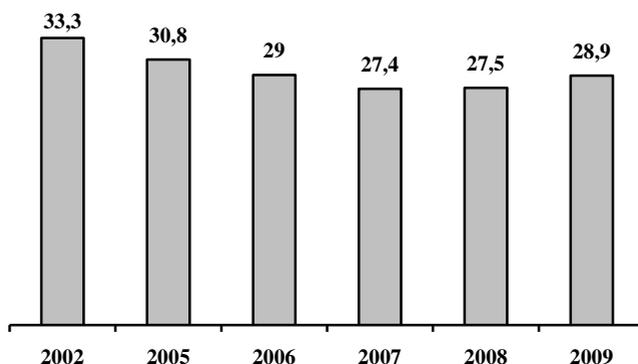

Рисунок 6 – Коэффициент смертности (число умерших в результате суицида на 100 000 человек населения) [7, с. 71]

Аборты. В Беларуси аборты разрешены законодательством; установлены критерии и сроки прерывания беременности по желанию женщины (до 12 недель беременности), по медико-социальным (до 22 недель беременности) и медико-генетическим показаниям. Среди наиболее распространенных причин, побуждающих женщину прервать беременность, можно назвать сексуальную безграмотность и возникновение сложной жизненной ситуации (изнасилование, невозможность продолжать беременность в связи с возникшей болезнью, со смертью мужа или с разводом, при отсутствии социальных условий для воспитания ребенка).

По данным учреждений системы Минздрава, в 2009 году в Беларуси было сделано 36,0 тысяч абортов. Это самый низкий показатель с 1990 года, когда число абортов составило 260,8 тысяч (или 183,0 аборта на 100 родов) [7, с. 220].

Несмотря на наличие устойчивой тенденции к снижению количества абортов, этот показатель социальной патологии по-прежнему остается высок. В 2009 году в Беларуси на каждые 100 родов пришлось 33,2 аборта, см. Рисунок 7.

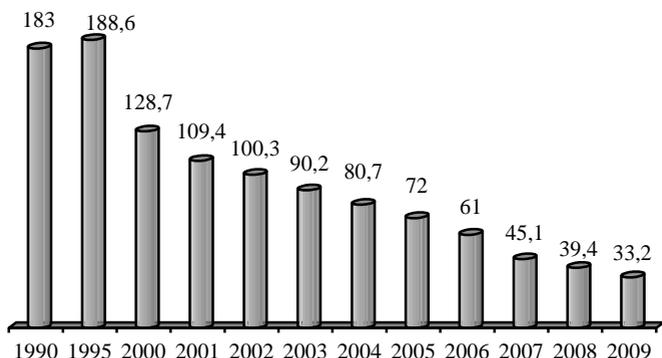

Рисунок 7 – Число абортів на 100 родов

Данные исследования показывают, что на когнитивном уровне ценность человеческой жизни в целом возрастает. За двадцать лет (с 1990 года) общественное мнение жителей Беларуси к абортам и самоубийствам стало более негативным. Однако отношение к такому явлению как эвтаназия (удовлетворение просьбы человека, страдающего неизлечимым заболеванием и испытывающего невыносимые страдания, о прекращении его жизни в безболезненной или минимально болезненной форме) в общественном сознании еще не сформировано и граничит с нейтральным, см. Рисунок 8.

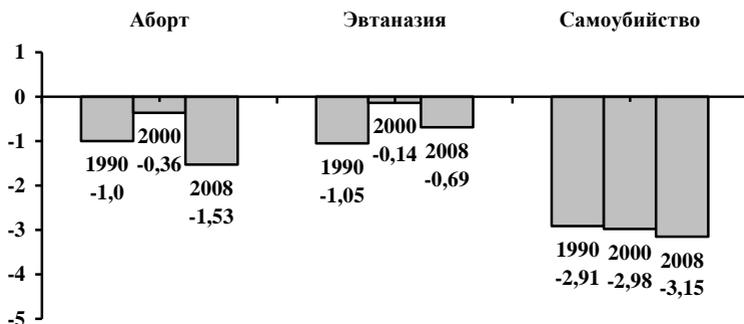

Рисунок 8 – Индекс допустимости аборта, эвтаназии и самоубийства, в баллах по шкале [-5; 5]

В реальной жизни нашу практическую деятельность в значительной степени организует не только наша собственная оценка, но и рекомендации нашего социального окружения относительно того, что

признавать ценностью. В результате сравнения одного социального явления с другими формируется представление, а затем – формулируется суждение о полезности или опасности того, что оценивается. Таким образом, оценка есть основание выбора, а выбор ведет к действию.

Перед нами сегодня открыто множество вариантов дальнейшего развития. Но какое будущее мы выберем, зависит от той системы ценностей, которую мы принимаем сегодня и транслируем в завтрашний день. Результаты исследования «Европейские ценности» позволяют нам взглянуть на себя со стороны, а значит понять, кто мы есть, и куда мы движемся.

Представленные выше данные характеризуют отношение жителей Беларуси к ряду социальных явлений, которые традиционно признавались социальной патологией. Кроссвременное сравнение позволяет зафиксировать некоторые изменения, происходящие в общественном сознании жителей Беларуси. Однако дать оценку этим изменениям нам еще предстоит.

Список использованных источников

1. Барановский, Н.А. Социальные и личностные детерминанты отклоняющегося поведения / Н.А. Барановский. – АН Беларуси, Институт социологии. – Минск. – 1993. – 142 с.
2. Бауман, З. Индивидуализированное общество. Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева / З.Бауман. – М.: Логос. – 2002. – 390 с.
3. Бежен А. Рационализация и демократизация сексуальности // Социология сексуальности: Антология / Под ред. С.И. Голода. – СПб., 1997. – С.14-19.
4. Беккер, Г. Девиантность как следствие «наклеивания ярлыков» / Г. Беккер // Контексты современности-II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: Хрестоматия / Сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. 2-е изд., доп. и перераб. – Казань: Изд-во Казанского ун-та. – 2001. – С. 145-150.
5. Гилинский, Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я.И. Гилинский. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс». – 2004. – 520 с.
6. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер. – М.: Феникс. – 1994.– 688 с.
7. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2010 / редкол.: В.И. Зиновский [и др.]. – Мн., 2010. – 582 с.
8. Фромм, Э. Человек для себя. Пер. с англ. / Э. Фромм. – Мн.: Коллегиум. – 1992. – 253 с.

ГЛАВА 3

ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Л.В. Филинская, А.К. Воднева, Л.А. Соглаева, Н.П. Веремева

3.1 Причины супружеских конфликтов в современной семье

Насилие в семье является распространенным явлением во всем мире. На четвертой Всемирной конференции ООН по положению женщин (Пекин, 4-15 сентября 1995г.) оно признано проблемой в большинстве стран. Осознание широты масштабов домашнего насилия привело к пониманию необходимости изучения причин, динамики, последствий этого негативного явления.

В сентябре-ноябре 2008 года Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета провел исследование по оценке ситуации в области домашнего насилия в Республике Беларусь. Исследование проведено при поддержке тематической группы ООН по вопросам гендерного равенства. Сбор информации осуществлялся методом анкетного опроса. В ходе исследования были опрошены 488 мужчин и 512 женщин в возрасте от 18 до 60 лет, имеющих опыт семейной жизни в официально зарегистрированном или гражданском браке. Для данного исследования применялась многоступенчатая комбинированная выборка. Объем выборочной совокупности размещался пропорционально численности населения по территории Республики Беларусь. Всего в выборку были включены 54 населенных пункта.

При изучении мотивов, частоты, последствий насилия в семье мы исходим из той позиции, что насилию предшествуют семейные конфликты, которые отличаются остротой, глубиной, носят хронический характер и могут длиться от нескольких месяцев до нескольких лет. В этой связи для объяснения природы домашнего насилия представляется необходимым изучение поводов, содержания, частоты конфликтов в семье. На основании выявленных причин конфронтации супругов, их частоты и формы проявления можно с высокой долей вероятности утверждать о возможном переходе противостояния супругов/брачных партнеров к насильственным действиям.

О благополучии или, напротив, неблагополучии брачного союза можно судить по выбранной респондентами характеристике

взаимоотношений, сложившихся между супругами. Как показал опрос, большинство опрошенных мужчин (78,5 %) и женщин (70,9 %) характеризуют свои отношения с супругом (брачным партнером) как теплые и доброжелательные. Соответственно, 18,2 % мужчин и 20,9 % женщин – как сдержанно-равнодушные, 3,3 % и 8,2 % – как напряженные и даже неприязненные, см. Рисунок 1.

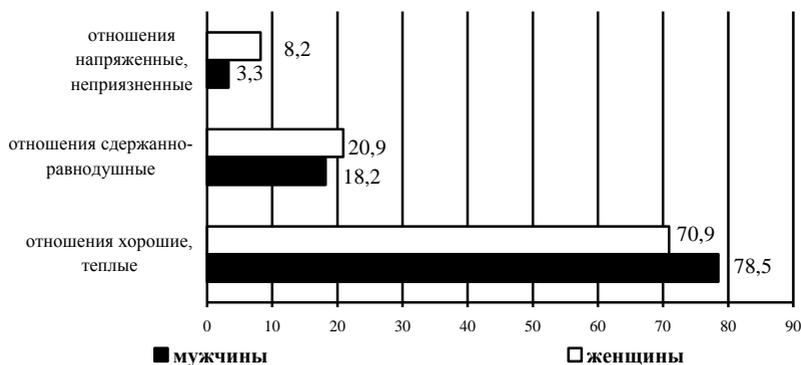

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос: «Как Вы можете в целом охарактеризовать отношения с Вашим мужем/партнером, женой/партнершей?», в %

Сравнительный анализ характера супружеских взаимоотношений в разрезе групп с различным материальным положением, образованием, местом проживания и возрастом респондентов выявил существенные расхождения между ними.

Распределение опрошенных мужчин и женщин на группы по материальной обеспеченности осуществлялось на основании их самооенок. К малообеспеченным были отнесены те респонденты, которые для определения своего материального положения выбрали позицию «Нам часто приходится отказываться от необходимых продуктов питания» либо «Денег хватает на питание, однако покупка других действительно нужных вещей (одежда, лекарства и пр.) вызывает у нас затруднение». Группу среднеобеспеченных респондентов составили те, кто, по их ответам, может позволить себе нормально питаться, одеваться, но не может делать дорогие покупки (мебель, техника и пр.). В группу обеспеченных вошли респонденты, которые не ограничены в средствах, а также те, которым денег хватает на вполне обеспеченную жизнь, но они не могут делать очень дорогие покупки (недвижимость, дорогие автомобили и пр.).

Тех, кто оценивает отношения со своим брачным партнером как напряженные, более всего оказалось среди малообеспеченных респондентов – 13,2 % мужчин и 24,1 % женщин; в обеспеченных семьях охарактеризовали свои супружеские (партнерские) отношения как напряженные всего лишь 1,6 % мужчин и 3,1 % женщин. Максимальное число респондентов, характеризующих отрицательно свои отношения с бывшим брачным партнером, представлено в группе разведенных мужчин и женщин – 12,8% и 28,4% (среди респондентов, состоящих в зарегистрированном браке – 1,9% и 4,3%).

Восприятие и оценка супругами (брачными партнерами) своих взаимоотношений зависит от многих составляющих, в том числе от того, насколько человек удовлетворен либо неудовлетворен различными сторонами семейной жизнью. Как показал опрос, от 6 до 25 % мужчин и женщин не удовлетворены теми или иными сторонами своей семейной жизни. Обращает на себя внимание тот факт, что женщин, недовольных своей семейной жизнью, больше, чем мужчин. Как отмечают женщины, 21,3 % из них не имеют возможности отдохнуть в семье после трудового дня (среди мужчин не имеют такой возможности – 10,8 %). Обстановка в семье не позволяет каждой четвертой женщине реализовать собственные интересы и увлечения, интеллектуально расти, духовно обогащаться (среди мужчин таковых 17,5 %). Около 20 % женщин не могут реализовать в семье свои эмоциональные потребности: чувствовать себя любимой, защищенной, нужной близким людям, удовлетворить потребность в доверительном общении (среди мужчин – до 14 %). Более 15 % женщин и более 10 % мужчин указали, что обстановка в семье не позволяет (не позволяла) им удовлетворить сексуальные потребности. Очевидно, для всех тех, кто не удовлетворен теми или иными сторонами семейной жизни, семья является источником проблем и стрессов, которые создают конфликтную ситуацию в семье и предпосылки для ссор и скандалов.

С целью выявления причин и частоты возникновения конфликтов у мужчин и женщин со своими брачными партнерами, им предлагалось ответить на вопрос: «Как часто у Вас с мужем/партнером, женой/партнершей возникают конфликты по тем или иным поводам?». Для замера частоты конфликтов была использована шкала «почти ежедневно», «несколько раз в неделю», «несколько раз в месяц», «несколько раз в год». Можно признать, что конфликты, возникающие с периодичностью не реже одного раза в месяц, носят хронический характер, а потому в ходе анализа мы посчитали корректным объединить варианты ответов «почти

ежедневно», «несколько раз в неделю», «несколько раз в месяц» для выделения группы тех респондентов, в семьях которых регулярно происходят конфликты.

Мужчины и женщины обозначили одну и ту же иерархию причин супружеских конфликтов. Причем процентные веса также близки по значению, особенно по таким позициям как нерациональное расходование денег, задержки на работе после окончания рабочего дня, несправедливое распределение семейных обязанностей, вмешательство родителей. Основными причинами конфликтности в семье являются: финансовые трудности и неблагоприятные жилищные условия.

Для нормального развития семейных отношений супругам необходимо иметь общее жизненное пространство и средства к существованию. Как оказалось, конфликты по поводу неблагоприятных жилищных условий с периодичностью несколько раз в месяц и чаще возникают в 10-15 % семей (в целом по массиву). В молодых семьях (возраст супругов от 18 до 29 лет) ссоры по жилищным проблемам возникают чаще – в 21,6 % семей, по ответам женщин, и в 16,8 %, по ответам мужчин.

Более 15 % женщин и мужчин считают причиной супружеских конфликтов вмешательство родителей в их семейную жизнь. Вполне понятно, что проблема взаимоотношений родителей и детей наиболее актуальна для молодых супругов (возраст 18-29 лет). Конфликты по данному поводу возникают в каждой пятой семье. Большая часть молодых семей после регистрации брака не имеет своего жилья и вынуждена жить вместе с родителями. Наладить отношения в расширенной семье удастся не всем: старшее поколение в своем стремлении помочь молодым порой делает это недостаточно тактично, молодым в свою очередь не хватает жизненного опыта прислушаться к советам родителей. Вмешательство родителей понимается ими как «навязанный» образ жизни, ущемление их интересов, отсюда невысказанные обиды, которые, накапливаясь, вызывают раздражение, срывы по пустякам.

Из ответов мужчин и женщин видно, что финансовые проблемы становятся поводом для семейных конфликтов в каждой третьей семье, по мнению женщин, и в каждой четвертой, по мнению мужчин. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что 37,3 % опрошенных женщин и практически столько же мужчин в качестве причины конфликтов называют нерациональное расходование денег. Неумение рационально распределять семейный бюджет, соизмерять свои потребности с доходами, пренебрежение потребностями отдельных

членов семьи ведут к неудовлетворенности, затяжным конфликтам и неизбежным ссорам.

Наибольшее число конфликтов (по ответам 40,4 % мужчин и 45,9 % женщин) возникает по поводу несправедливого распределения семейных обязанностей. Проблема распределения семейных обязанностей, как правило, связана с проблемой главенства и лидерства в семье. Рассмотрим, каких позиций придерживаются мужчины и женщины по данному вопросу, см. Рисунок 2.

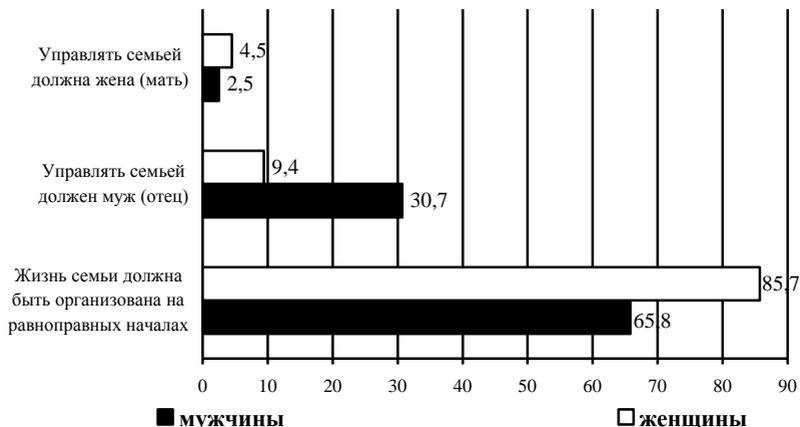

Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос: «Как должна быть организована жизнь в семье?» (в %)

При ответе на вопрос «Как должна быть организована жизнь в семье?», женщины в большинстве своем (85,7 %) придерживаются демократической позиции: жизнь семьи должна быть организована на равноправных началах. Мужчин, разделяющих подобный взгляд, меньше – 65,8 %. Напротив, среди тех, кто считает, что управлять семьей должен муж (отец), его мнение должно быть определяющим, – 9,4 % женщин и 30,7 % мужчин.

Взгляды молодых женщин и мужчин (18-29 лет) на то, как должна быть организована жизнь семьи, расходятся еще значительно. Большинство молодых жен (86,2%) ориентировано на равноправные отношения. Среди молодых мужчин данную позицию разделяют 60,4 %. И, напротив, каждый третий молодой муж (35,7 %) оставляет за собой право управлять семьей, т. е. принимать окончательное решение по жизненно важным для семьи вопросам. Среди молодых женщин, согласных с этим суждением, только 10,5 %. Отсюда можно сделать

вывод: несовпадение взглядов мужчин и женщин на ролевое поведение мужа и жены может стать источником серьезных семейных конфликтов.

Во многих семьях наиболее острой остается проблема сочетания семьи и работы. Конфликты по поводу задержки на работе супруга (реже супруги), возникают с периодичностью несколько раз в месяц и чаще в каждой третьей семье. Ориентация на профессиональные достижения, материальное благополучие нередко приходит в противоречие с семейными обязанностями: супруги все меньше времени уделяют семье, общению с близкими людьми, ограничивают свое участие в семейном досуге, в воспитании детей.

Разногласия между супругами по вопросам воспитания детей и по поводу проведения супругами свободного времени вне семьи также возникают примерно в каждой третьей семье с той же частотой, что и разногласия по поводу задержек на работе. В результате, в отношениях супругов нарастает напряженность, способная привести к супружескому конфликту.

Одна из причин конфронтации супругов, по мнению опрошенных, это пьянство. Злоупотребление алкоголем как причину супружеских конфликтов, происходящих несколько раз в месяц и чаще, отмечают 22,1 % мужчин и 28,6 % женщин. Из них ежедневно конфликтуют по поводу злоупотребления спиртными напитками 3,7 % мужчин и 4,9 % женщин. Несколько раз в год возникают конфликты по этому поводу в 29,1 % семей, по признанию женщин, и в 24,6 % – по признанию мужчин.

На грубое и жестокое обращение одного из супругов в отношении другого супруга (брачного партнера) как причину семейных конфликтов указывают 10,5 % женщин и 5,7% мужчин. У них конфликты по данному поводу происходили несколько раз в месяц и чаще. Еще 13,5 % женщин и 11,5 % отметили, что конфликты по поводу грубого обращения с ними брачного партнера возникали несколько раз в год.

По результатам опроса, значительная часть респондентов в качестве повода для супружеских конфликтов указали ревность. При этом 16,6 % мужчин и 20,9 % женщин соряются по данному поводу не реже нескольких раз в месяц, треть – несколько раз в год, чуть более 3 % – ежедневно. Хотелось бы обратить внимание на следующее: конфликты по поводу супружеской измены возникают гораздо реже и в меньшем числе семей: с периодичностью несколько раз в месяц – в 4,9 % семей (по признанию мужчин) и в 7,9 % (по признанию женщин). Нарушение супружеской верности или измена воспринимается потерпевшим супругом как предательство и сопровождается чувством разочарования, обиды, унижения, оскорбленного самолюбия. Именно поэтому под

влиянием чувства ревности страдающая сторона зачастую прибегает к насильственным действиям.

Конфликты по поводу отсутствия гармонии в интимных отношениях отмечают порядка 30% опрошенных. Но систематический характер (несколько раз в месяц и чаще) они имели место у 12,3 % супружеских пар, по ответам женщин, и в 6,3 %, по ответам мужчин.

Как показали результаты опроса, 35,4 % женщин и 26,0 % мужчин связывают возникновение конфликтов с различиями привычек, увлечений, особенностей характера супругов. Это вполне понятно, так как каждый из вступающих в брак имеет свою систему нравственных принципов, ценностей, отношений, несет на себе слишком много индивидуального и неповторимого в характере, в воспитании, в привычках, в стиле поведения. Перед супругами на протяжении всей их совместной жизни постоянно возникают задачи взаимного согласования своего поведения с брачными ожиданиями друг друга, выработки единого отношения к решению множества семейных проблем. Это нелегко. Ведь именно при выработке общих решений и происходит столкновение взглядов, потребностей, характеров, привычек, которые перерастают в ссору, а нередко и в скандал.

Итак, там, где есть различия, есть и разногласия. Следовательно, супружеская жизнь без конфликтов – это иллюзия. Однако конфликты могут решаться по-разному: конструктивно (через диалог, в поисках компромисса, взаимных уступок), способствуя укреплению и развитию супружеских отношений, и разрушительно (с взаимными оскорблениями, унижениями, принуждением), выливаясь в ссоры, скандалы и даже драки. Судя по ответам респондентов, не многим из них, всего 10-13 %, удается разрешить семейные проблемы без ссор и скандалов. В большинстве же семей выяснение отношений протекает бурно: с руганью (по ответам мужчин в 73,6 % семей, по ответам женщин, – в 73,8 %), взаимными оскорблениями (по ответам мужчин, в 11,1 % семей, по ответам женщин, – в 18,8 %), угрозами (в 15,5 % и 37,6 % соответственно), рукоприкладством (в 2,3 % и 3,9 %).

Затяжные конфликты, сопровождающиеся ссорами и скандалами, ведут к дезорганизации супружеской жизни, накоплению отрицательных эмоций у каждого из супругов, нередко выливающимися в физическое насилие. Ссоры с актами физической агрессии чаще отмечают малообеспеченные респонденты: 8,8 % малообеспеченных мужчин против 0,5 % – обеспеченных, 10,2 % малообеспеченных женщин против 1,5 % – обеспеченных. Среди разведенных респондентов значительно большее число подвергались физическим формам воздействия во время ссоры со стороны своих брачных партнеров, чем

среди респондентов, состоящих в браке. Так, в группе разведенных мужчин – 12,8 % (состоящих в браке – 0,9 %), в группе разведенных женщин, соответственно, 13,6 % (состоящих в браке – 2,4 %).

С высокой долей вероятности можно утверждать: по состоянию конфликтности к группе повышенного риска можно отнести примерно 10-15 процентов брачных партнеров, у которых конфронтация достигла высокого уровня напряженности и которые способны перейти от вербальных угроз и оскорблений к физическому насилию.

Следует учитывать, что большое влияние на стереотипы семейного поведения оказывает родительская семья. К сожалению, многие люди имеют не самый удачный опыт семейной жизни в родительской семье. В частности, по результатам опроса, 17,8 % женщин и 16,9 % мужчин воспитывались либо в неполной семье, либо с отчимом, либо в семье бабушек, других родственников, либо в государственном воспитательном учреждении интернатного типа. Почти каждый четвертый опрошенный (23,2 % женщин и 23,2 % мужчин) воспитывался в семье, где отношения носили сдержанно-равнодушный характер, а 6,1 % женщин и 3,7 % мужчин выросли в атмосфере семейного неблагополучия, ссор и скандалов. Более четверти опрошенных женщин (27,9 %) и четверть опрошенных мужчин (24,8 %) были свидетелями родительских ссор с применением физической силы.

Сами подвергались физическому насилию в детстве 14,1 % мужчин и 12,5 % женщин. Превращение современных брачных союзов в источник стрессов связано в значительной мере с неудовлетворенностью потребностей супругов (брачных партнеров) в материальном обеспечении, в любви, сочувствии, заботе, доверительном общении, гармоничных интимных отношениях, а также с отсутствием возможностей реализации карьерных притязаний, интересов и увлечений каждым из супругов.

Наряду с этим, причиной супружеских конфликтов может стать расхождение взглядов мужчин и женщин на распределение семейных обязанностей и ролевое поведение в семье, нежелание идти на компромисс при согласовании своего поведения с брачными ожиданиями друг друга, неумение рационально организовать свой быт, неучастие в домашних делах и в воспитании детей. К этому следует добавить бытовое пьянство, невоспитанность, проявляющиеся во взаимных унижениях, оскорблениях, грубости, стремлении не устранив, а усилить конфликт.

Л.В. Филинская, А.К. Воднева, Л.А. Соглаева, Н.П. Веремева

3.2 Проблема домашнего насилия в Беларуси

Статья подготовлена на основе данных исследования по оценке ситуации в области домашнего насилия в Республике Беларусь, проведенного Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета. В ходе исследования были опрошены 1000 респондентов в возрасте от 18 до 60 лет, имеющих опыт семейной жизни в официально зарегистрированном или гражданском браке. Для данного исследования применялась многоступенчатая комбинированная выборка.

Насилие в семье проявляется в различных формах – от эмоционального и морального давления до применения физической силы. В международных правовых актах выделяют следующие виды насилия в семье: психологическое, экономическое, физическое, сексуальное. Для определения масштабов семейного насилия необходимым условием является выяснение уровня осведомленности мужчин и женщин о домашнем насилии, представлений о том, какие действия следует квалифицировать как насильственные. В обыденном сознании утвердилась упрощенная точка зрения, что насилие в семье сводится только к физическим и сексуальным насильственным действиям – подавляющее большинство мужчин и женщин хорошо распознают физическое и сексуальное насилие.

Что касается различных форм экономического насилия, то только около половины респондентов считают «экономические санкции» по отношению к брачным партнерам проявлением насилия.

Довольно «пестро» выглядит оценка действий психологического характера: если угрозы, запугивания и ограничение личной свободы оценивают как насилие более половины респондентов в каждой из групп (и мужчины, и женщины), то вмешательство в личную жизнь, вербальные оскорбления, такие, как брань, ругательство, считает насилием лишь около трети опрошенных. Еще более лояльное отношение участники опроса демонстрируют по отношению к таким действиям брачных партнеров, как непристойные шутки, замечания и ревность.

Установлена тесная связь между уровнем образования, материального положения и умением идентифицировать насилие в разных его проявлениях: респонденты с более высоким уровнем образования и материального положения чаще распознают все виды насилия. Особенно очевиден контраст при определении таких форм

психологического насилия, как брань, ругательства и угрозы, запугивания.

Знания о домашнем насилии, понимание сути явления и умение идентифицировать ситуации домашнего насилия во многом определяют и отношение населения к данной проблеме. Абсолютное большинство имеющих опыт брачных отношений считают недопустимыми такие формы насилия, как избиение, побои, принуждение к употреблению алкоголя и наркотиков. Что касается такой формы физического насилия, как «толкание, щипки, таскание за волосы», то 13,5 % мужчин и 14,3 % женщин допускают подобное поведение по отношению к мужчинам и 16,0 % мужчин и 9,1 % женщин считают приемлемыми такие действия по отношению к женщинам.

Такие действия, как вмешательство в личную жизнь, вербальные оскорбления (брань, ругательства), непристойные шутки, замечания и ревность большинство респондентов не считают проявлениями насилия: более 60 % мужчин и около 55 % женщин допускают в семейной жизни ревность, почти половина (49,0 %) мужчин и 41,4 % женщин – брань, непристойные шутки, оскорбления, ругательства, вмешательство в личную жизнь партнеров.

Обращает на себя внимание тот факт, что респонденты по-разному оценивают возможность применения по отношению к женщинам и мужчинам такого действия, как запрет на работу/учебу. Так, если по отношению к мужчинам такую меру считают допустимой 14,6 % мужчин и 16,6 % женщин, то по отношению к женщинам такие действия «оправдывают» четверть (25,2 %) опрошенных мужчин и 20,5 % женщин. Настораживает и тот факт, что около 8 % респондентов-мужчин не отрицают возможности принуждения брачного партнера к половой связи против их воли.

Наиболее перспективным направлением изучения семейного насилия следует признать подход гендерной симметрии в мотивах, поводах и уровне насилия в отношениях между партнерами. Одна из основных задач проведенного социологического исследования – выявление уровня насилия и факторов риска в возникновении различных видов насилия в современных семьях. В качестве зависимых переменных в исследовании выступают, во-первых, воспринимаемый мужчинами и женщинами уровень насилия над ними со стороны жены/партнерши и мужа/партнера, во-вторых, факт осуществления их собственных насильственных действий в отношении партнеров. Независимыми переменными послужили возраст, уровень образования мужчин и женщин, уровень материального благосостояния семьи, место жительства, семейный статус.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что насилие в семье является серьезной социальной проблемой: 84,0 % женщин и 80,1 % мужчин переживали насилие в той или иной форме. Наиболее распространенными насильственными действиями и в отношении мужчин, и в отношении женщин являются: брань, ругательства (61,3 % мужчин и 64,2 % женщин указали на данную форму психологического насилия); ревность (58,6 % мужчин и 57,8 % женщин), непристойные шутки, замечания (39,2 % мужчин и 45,7 % женщин), вмешательство в личную жизнь (38,3 % мужчин и 37,5 % женщин), угрозы, запугивания (30,5 % мужчин и 26,3 % женщин).

Лишь изредка участники опроса говорили о принуждении к употреблению наркотиков и алкоголя, к совершению действий сексуального характера, которые являются оскорбительными или унижительными. Степень виктимизации мужчин и женщин по указанным формам насилия практически совпадает.

Значимые различия между распределением ответов мужчин и женщин зафиксированы по следующим позициям: подвергались избиению, побоям 6,5 % мужчин и 11,3 % женщин, принуждались к половой связи 5,7 % мужчин и 12,7 % женщин, отказ в деньгах для приобретения жизненно важных вещей испытывали 7,8 % мужчин и 17,2 % женщин.

Результаты исследования позволяют выделить социально-демографические характеристики женщин, которые оказываются наиболее уязвимыми перед семейным насилием. К группе риска можно отнести женщин в возрасте от 30 до 49 лет. Женщины этого возраста чаще других подвергаются таким формам насилия, как толкание, щипки, таскание за волосы, брань, ругательства, угрозы, запугивания, непристойные шутки, замечания. Женщины в возрасте от 30 до 39 лет чаще других испытывают избиение, побои; молодые женщины (18-29 лет) больше всего подвергаются таким формам психологического насилия, как ревность и вмешательство в личную жизнь.

Фиксируется определенная связь между уровнем образования и тем, в каких формах осуществляется насилие: женщины с высшим образованием реже подвергаются физическому насилию (избиение, побои, толкание, щипки, таскание за волосы), в то же время именно представительниц данной группы чаще ограничивают в их стремлении реализовывать себя в работе и учебе. Женщины со средним и неполным средним образованием чаще переживают легкие формы физического насилия (толкание, щипки, таскание за волосы), принуждение к употреблению алкоголя, угрозы, запугивания и отказ в деньгах.

Установлена тесная связь между материальным положением и переживаемыми формами насилия. Женщины из группы малообеспеченных значительно чаще испытывают по отношению к себе все формы насилия. По отдельным позициям различия между группами весьма существенное: так, избиение, побои испытало 5,1 % обеспеченных женщин и в шесть раз больше представительниц группы малообеспеченных (31,5 %). На толкание, щипки, таскание за волосы указали 11,8 % обеспеченных респондентов и 36,1 % женщин из группы с низким уровнем дохода. Об угрозах, запугиваниях в свой адрес говорили 22,6 % респондентов из группы обеспеченных и 41,7 % – из группы малообеспеченных, о принуждении к половой связи против их воли заявили 8,2 % из группы обеспеченных и 26,9 % малообеспеченных. Принуждение к употреблению алкоголя испытывали по отношению к себе около 2 % женщин из групп обеспеченных и среднеобеспеченных и 13,0 % – малообеспеченных. По сравнению с группой обеспеченных женщины с низким уровнем дохода почти в три раза чаще испытывали по отношению к себе запрет встречаться с родственниками и отказ в деньгах.

Результаты исследования позволяют также выделить социально-демографические характеристики мужчин, которые оказываются наиболее уязвимыми перед семейным насилием.

Наиболее высокий уровень виктимизации характерен для мужчин в возрасте 18-29 лет. Они чаще, чем мужчины других возрастных групп, испытывают такие формы насилия, как ревность, толкание, щипки, таскание за волосы, принуждение к употреблению алкоголя и к половой связи, запрет на встречи с родственниками, друзьями, на работу, учебу.

Фиксируется определенная связь между уровнем образования и переживаемым насилием: чаще всего испытывают практически все формы насилия мужчины со средним и неполным средним образованием.

Как и у женщин, у мужчин выявлена тесная связь между материальным положением и переживаемым насилием. Мужчины из группы малообеспеченных значительно чаще испытывают по отношению к себе практически все формы насилия. Особенно значимые различия фиксируются по таким формам насилия, как избиение, побои (3,6 % обеспеченных мужчин и 13,3 % малообеспеченных), толкание, щипки, таскание за волосы (16,7 % и 26,4 %), брань, ругательства (54,7 % и 76,5 %), угрозы, запугивания (20,9 % и 48,5 %), запрет встречаться с родственниками, друзьями (14,1 % и 30,9 %), отказ в деньгах (7,3 % и 16,2 % соответственно). Только такую форму насилия, как ревность, чаще испытывают по отношению к себе среднеобеспеченные и обеспеченные мужчины.

Результаты исследования показывают, что только психологическое насилие проявляется в «чистом виде». Все остальные виды насилия (физическое, сексуальное, экономическое) практически всегда переживаются в комплексе с другими и протекают на фоне психологического. В целом по массиву 38,7 % женщин и 29,9 % мужчин указали на то, что испытали различные варианты комплексного насилия (в сочетании различных видов). Самые распространенные сочетания форм насилия – психологическое и физическое, затем следует психологическое и экономическое. Всем видам насилия (психологическому, физическому, экономическому и сексуальному) подвергались 5,1 % женщин и 1,8 % мужчин. Результаты корреляционного анализа показали, что из тех женщин, кто подвергся физическому насилию, практически все (99,2 %) переживали и психологическое насилие, 43,5 % испытывали также экономическое и 33,1 % – сексуальное насилие. Из тех женщин, кто подвергся сексуальному насилию, также почти все (98,5 %) указали на то, что к ним применяли психологическое насилие, 52,2 % – экономическое, 61,2 % – физическое.

В ходе анализа была установлена определенная связь между пережитым в детстве физическим насилием и подверженностью насилию в собственной семье. В детстве подвергались физическому насилию 14,1 % мужчин и 12,5 % женщин. Чаще всего наказание исходило от отца (на это указали 72,5 % мужчин и 53,1 % женщин от числа подвергавшихся физическому насилию в детстве). От матери испытали насилие 36,2 % мужчин и 45,3 % женщин (от числа подвергавшихся физическому насилию в детстве). Необходимо также отметить, что среди тех женщин, которые в детстве пережили физические насильственные действия, подвергались физическому насилию со стороны своих брачных партнеров 37,5 % респонденток, сексуальному – 21,9 %, а среди тех, кто не испытывал в детстве физических наказаний, эти цифры заметно ниже (соответственно, 22,4% и 11,7%).

Прослеживается связь виктимизации женщины с ее прошлым опытом домашнего насилия: так, среди респонденток, наблюдавших сцены насилия в родительской семье, 32,9% подвергались физическим формам насилия со стороны брачных партнеров (против 18,1% респонденток, которые не были свидетелями родительских ссор и скандалов); 17,5% – сексуальному насилию (против 9,7%, не видевших сцен насилия между родителями), соответственно, экономическому – 30,1% (против 18,4%).

Каждая четвертая женщина, имеющая детей, подвергалась физическому насилию, 14,2 % той же категории женщин подвергались

сексуальному насилию, 22,4% – экономическому насилию. Особую тревогу вызывает тот факт, что дети в семьях, где женщины подвергались физическому насилию, могли быть свидетелями таких событий. Таким образом, возрастает вероятность передачи насильственных моделей поведения от родителей к детям.

Важную информацию о проблемах домашнего насилия дает анализ моделей поведения жертв внутрисемейной агрессии. Результаты исследования фиксируют специфику восприятия проблем насилия: мужчины менее болезненно реагируют на оскорбительное, грубое, жестокое обращение со стороны жены/партнерши, они значительно чаще готовы простить (на это указали 41,4% мужчин и 17,6% женщин) и терпеть (37,7% и 26,4 % соответственно). Посттравматическое состояние женщин характеризуется более непримиримой позицией, они значительно реже готовы прощать жестокость и грубость, терпеть оскорбления. У женщин насилие сильнее, чем у мужчин, провоцирует ответные насильственные действия: среди них почти в два раза больше тех, кто в ответ на жестокое обращение стремится дать сдачи (подобная реакция характерна для 37,6 % женщин и 19,5% мужчин), они чаще испытывают желание отомстить (24,6 % и 16,7% соответственно).

Акты насилия стали привычным поведенческим стереотипом во многих семьях: 67,9 % мужчин и 31,7 % женщин отметили, что после того, как по отношению к ним были совершены насильственные действия, ничего не изменилось в их отношениях с партнером, то есть грубость, жестокость воспринимаются как норма семейного бытия. Реакция женщин на насильственные действия проявляется более выразительно. Они значительно чаще мужчин указывают, что после перенесенного насилия произошла деформация отношений: появились ненависть, страх, утратилось доверие к партнеру. У мужчин реже отмечаются такие регрессивные сдвиги в отношениях, как ненависть, потеря доверия, страх, они более терпимы в оценках партнерш.

Результаты исследования фиксируют новые тенденции социального поведения женщин: толерантность уже не является типичной моделью женского поведения. Женщины не скрывают, что им приходится вести себя агрессивно в отношении своих мужей/партнеров. Естественно, что у женщин преобладают пассивные или «непрямые» методы выражения агрессии. Две трети опрошенных женщин признались, что бранят партнеров, ругаются с ними, более половины (51,8 %) опрошенных указали на проявление ревности по отношению к своему партнеру, 30,3 % непристойно шутили, делали замечания, пятая часть женщин угрожали и запугивали своих мужей. Данные виды вербального насилия осуществляют и мужчины.

О применяемом физическом насилии заявили более 20 % мужчин и женщин: избивали своих партнеров 4,5 % женщин и 4,1 % мужчин, толкали, щипали, таскали за волосы 17,8 % женщин и 14,5 % мужчин. В совершаемом сексуальном насилии призналось незначительное число женщин (1,4 %), в то время, как 7,0 % мужчин указали, что принуждали свою жену/партнершу к половой связи против ее воли.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что уровень испытываемого насилия (уровень виктимизации) и у мужчин, и у женщин выше, чем уровень осуществляемого насилия, см. Таблицу 1.

Таблица 1 – Уровень испытываемого и осуществляемого насилия, в %

	мужчины		женщины	
	Испытывают	Осуществляют	Испытывают	Осуществляют
Психологическое	79,7	77,3	83,2	80,3
Физическое	22,1	16,4	24,2	19,9
Экономическое	12,5	11,5	22,5	6,4
Сексуальное	5,7	7,0	13,0	1,6

Исходя из полученных данных «испытываю насилие – осуществляю насилие» были рассчитаны индексы виктимизации для каждого вида насилия.

Индекс виктимизации рассчитывался по формуле (1):

$$I_g = \frac{N_u - N_o}{N_u + N_o} \quad (1),$$

где I_g – индекс виктимизации, N_u – число респондентов, указавших, что с той или иной частотой испытывают различные виды насилия, N_o – число респондентов, признавших, что они осуществляют те или иные виды насилия по отношению к своим партнерам.

Индекс виктимизации может располагаться в интервале от -1 до +1.

Если I_g приближается к нулю, то можно утверждать, что респондент проявляет насилие по отношению к брачному партнеру в той же степени, как и партнер по отношению к нему (выражаясь физическими терминами, «сила действия равна силе противодействия»).

Если I_g имеет положительное значение, то это свидетельствует о высоком уровне виктимизации, то есть респондент в большей степени чувствует себя жертвой.

Если I_e имеет отрицательное значение, то это говорит о признании респондентом того, что он выступает в роли насильника по отношению к своему брачному партнеру.

Ниже в таблице 2 представлены индексы виктимизации, рассчитанные по каждой из форм насилия для мужчин и женщин.

Таблица 2 – Уровень виктимизации, в индексах

	мужчины	женщины
Психологическое	+ 0,08	+ 0,09
Физическое	+ 0,19	+ 0,20
Экономическое	+ 0,06	+ 0,58
Сексуальное	- 0,12	+ 0,76

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о том, что уровень виктимизации мужчин и женщин практически совпадает, если речь идет о психологическом и физическом насилии. Причем если говорить о психологическом насилии, то I_e приближается к нулю, что свидетельствует о том, что партнеры не только испытывают, но и сами практически в той же степени проявляют различные формы психологического насилия.

Говоря о физическом насилии, респонденты в большей степени чувствуют себя жертвами, чем инициаторами насильственных действий.

Показатели индексов виктимизации у мужчин и женщин применительно к различным видам экономического насилия значительно расходятся. Для женщин характерен высокий уровень виктимизации, они чаще чувствуют себя жертвами экономического насилия со стороны брачных партнеров. Для мужской группы респондентов I_e приближается к нулю, что свидетельствует о том, что они в равной степени выступают и жертвами, и инициаторами экономических санкций против своих партнеров.

Еще более существенные различия в уровне виктимизации мужчин и женщин наблюдаются, когда речь идет о сексуальном насилии. Если в женской группе I_e приближается к единице, что означает осознание женщинами себя жертвой, то в мужской группе I_e имеет отрицательное значение, то есть мужчины сами признаются, что в данной области выступают в роли инициаторов насильственных действий против своих партнеров.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что женщины проявляют агрессию, насилие в семейных отношениях почти в такой же степени, как и мужчины.

Определение истоков и причин домашнего насилия представляется значимым аспектом изучения данной проблемы. По мнению подавляющего большинства участников опроса (причем в этом единодушны и мужчины, и женщины), основной причиной, провоцирующей домашнее насилие, является пьянство. Так ответили более 70 % респондентов из обеих групп. Около 40 % опрошенных мужчин и женщин придерживаются той точки зрения, что причиной семейного насилия является агрессивность. Участники опроса также называли в качестве причин семейного насилия желание самоутвердиться за счет другого, продемонстрировать собственную власть (на эту причину указали 36,9 % женщин и 29,9 % мужчин), отсутствие культуры общения, неумение разрешать конфликты мирным путем (около трети опрошенных в каждой из групп), уверенность насильника в своей безнаказанности (примерно четверть респондентов в обеих группах). Значительная часть респондентов (33,6 % мужчин и 28,3 % женщин) считают, что причиной семейного насилия являются психические отклонения.

Менее многочисленная, однако, значимая группа опрошенных называет причинами домашнего насилия такие явления, как поведение самой жертвы насилия, равнодушие окружающих к случаям домашнего насилия, а также обилие сцен насилия в средствах массовой информации.

Результаты исследования показывают, что в общественном сознании домашнее насилие до сих пор остается внутренним делом семьи. Пережив физическое и сексуальное насилие, только 6,0 % мужчин и 46,8 % женщин обращаются за помощью. Таким образом, большинство мужчин и женщин ориентированы, прежде всего, на самостоятельное решение своих проблем.

Женщины активнее мужчин ищут поддержку у других, диапазон их обращений за помощью достаточно широк – органы милиции, родители, родственники, друзья, соседи. Необходимо отметить особую роль ближайшего социального окружения в оказании помощи жертвам насилия: многие из них находили прибежище у родственников, друзей, соседей.

Данные исследования показывают, что в кризисных ситуациях отсутствует практика обращений в учреждения, организации и к специалистам. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости создания более эффективной системы реагирования и профилактики физического и сексуального насилия, принятия неотложных мер, направленных на улучшение оказания помощи жертвам семейного насилия.

Какие меры для противодействия домашнему насилию, по мнению населения, являются наиболее эффективными? Подавляющее большинство мужчин (64,5 %) и женщин (70,9 %) считают наиболее эффективной такую радикальную меру, как прекращение отношений с человеком, который проявляет насилие в семье. Более половины участников опроса считают, что действенным в ситуациях семейного насилия является обращение в правоохранительные органы. В качестве эффективных мер около четверти опрошенных выделяет такие, как привлечение к решению проблемы родственников, друзей, знакомых; временная изоляция насильника; обращение в специальные социальные службы по оказанию помощи жертвам насилия. В связи с этим представляется необходимым создавать специализированные службы социально-психологической помощи семьям, в которых распространены конфликты и насилие, и совершенствовать формы работы и доступность уже существующих служб. Помимо психологической помощи такие службы могут оказывать и социальную помощь: например, решение социально-бытовых проблем, вопросов по поводу проживания, обучения, оказания материальной помощи.

Анализ результатов показывает, что оценки ситуации насилия в семье достаточно противоречивы. В целом данные исследования отражают специфику субъективного восприятия проблем насилия в семье – эмоционально насыщенную, не всегда логичную, но позволяющую выявить реальную ситуацию в семейных отношениях.

Л.В. Филинская, А.К. Воднева, Л.А. Соглаева

3.3 Приемная семья как форма воспитания детей-сирот

Организация и функционирование приемной семьи определены Положением о приемной семье, утвержденным Постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 1678 от 28.10.1999. Граждане (супруги или отдельные граждане), желающие взять на воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, именуются приемными родителями, ребенок (дети), передаваемый на воспитание приемным родителям, именуется приемным ребенком (детьми), а такая семья – приемной семьей. Приемная семья образуется на основании договора о передаче ребенка (детей) на воспитание в семью и трудового договора. Договор о передаче ребенка (детей) на воспитание в семью заключается между органом опеки и попечительства и приемным родителем, а трудовой договор – между управлением (отделом) образования местного исполнительного и распорядительного органа и приемным родителем. В соответствии с Положением о приемной семье приемные родители обязаны воспитывать ребенка, заботиться о его здоровье, нравственном и физическом развитии, создавать необходимые условия для получения им образования, готовить его к самостоятельной жизни.

Приемная семья представляет наиболее естественную среду для проживания и воспитания детей. Приемные дети проживают в обычной квартире либо доме, посещают общеобразовательную школу, детский сад, общаются с соседями, посещают своих сверстников. Отличие приемной семьи от традиционной, где дети и родители связаны кровнородственными узами, заключается в том, что приемная семья – профессиональная семья, которая воспитывает ребенка (детей) по поручению государства, и содержание которых оплачивает государство.

С момента возникновения института приемной семьи в Беларуси прошло 10 лет. За этот период приемная семья приобрела большой опыт по социально-психологической реабилитации и социальной адаптации детей, оставшихся без родителей. Благодаря ее появлению 8780 детей-сирот получили возможность воспитываться в условиях семьи.

В сентябре – ноябре 2009 г. Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета при поддержке Детского Фонда ООН (ЮНИСЕФ) провел исследование по изучению особенностей становления и функционирования приемной семьи в Республике Беларусь. Сбор

информации осуществлялся методом индивидуального интервью «лицом к лицу» по месту жительства.

Было опрошено 350 приемных родителей и 344 приемных ребенка в возрасте от 12 до 15 лет в шести областях Беларуси и г. Минске. Для данного исследования применялась многоступенчатая комбинированная выборка. Всего в выборку было включено 107 городских/сельских населенных пунктов.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что для большинства приемных семей Беларуси характерна благоприятная воспитывающая атмосфера. Более 90 % опрошенных приемных родителей и детей указывают на то, что детям в семье комфортно, они чувствуют защиту и заботу, имеют возможности для отдыха, интеллектуального и духовного развития. В приемной семье всегда учитывается мнение детей при решении вопросов, касающихся их интересов, прав, желаний.

Анализ результатов исследования показал: приемные родители стали близкими и родными людьми приемным детям, дети доверяют им, советуются с ними, что является главным условием успешности семейного воспитания. О степени близости, установившейся между приемными родителями и приемными детьми, можно судить на основании того, насколько дети доверяют своим приемным родителям. По ответам 73,3% приемных родителей, их приемные дети почти всегда рассказывают им о том, что их тревожит, 24,0 % указали, что не всегда и не обо всем, но все же делятся своими проблемами и переживаниями с приемными родителями. Только 2,7 % приемных родителей отметили, что их приемные дети почти ничего им не рассказывают о себе. Утвердительных ответов на аналогичный вопрос среди приемных детей несколько меньше, но большая часть из них (62,0 %) отметила, что рассказывают своим приемным родителям почти все и всегда. Именно с приемными родителями приемные дети обсуждают свои планы на будущее (на это указало 81,6 % опрошенных подростков), обращаются за помощью, если попадают в трудную ситуацию (89,2 %).

В ходе опроса изучались те воспитательные меры, с помощью которых приемные родители пытаются скорректировать поведение детей, подготовить их к самостоятельной жизни. Приемные родители стараются привить приемным детям навыки личной гигиены и трудовые навыки, учат рационально тратить деньги, помогают приобрести опыт общения в семье и с окружающими людьми.

Все дети-подростки (родные и приемные) привлекаются к домашней работе. Работа по дому дает детям много полезных навыков, которые пригодятся в дальнейшем при ведении собственного домашнего

хозяйства. Участие детей в выполнении домашних работ представлено в Таблице 1.

Таблица 1 – Распределение утвердительных ответов на вопрос об участии родных и приемных детей из приемных семей в выполнении домашних работ, в %

Виды домашних работ	По ответам приемных родителей		По ответам приемных детей	
	Участие родных детей	Участие приемных детей	Участие родных детей	Участие приемных детей
Приготовление пищи	87,3	79,6	86,7	69,9
Мытье посуды	88,2	91,5	89,5	87,0
Уборка квартиры	97,3	96,4	92,4	94,3
Стирка белья	45,5	52,6	50,5	44,9
Покупка продуктов, мелких предметов быта	91,8	92,1	92,4	92,4
Работа на приусадебном (дачном) участке	85,5	84,8	83,8	81,6
Ремонт бытовых приборов, мебели, квартиры	47,3	38,6	47,6	32,0

Приемные родители учат приемных детей рационально расходовать деньги. С этой целью 92,1 % приемных родителей доверяют детям самостоятельно покупать некоторые продукты, мелкие бытовые вещи, дают детям карманные деньги и при этом всегда контролируют их расходование (76,9 %); 15,5 % приемных родителей не контролируют расходование приемными детьми карманных денег, а 7,6 % – не дают их детям.

Воспитательная деятельность приемных родителей предполагает обеспечение приемным детям определенного распорядка дня и осуществление контроля времяпрепровождения подростка. По ответам приемных родителей, 88,8 % из них всегда знают, где бывают и что делают приемные дети в свободное от уроков время. Почти каждый десятый (9,7 %) ответил, что не всегда знает, где и с кем их приемные дети проводят свое свободное время, 1,2 % – по большей части не знают о характере и месте времяпрепровождения своих приемных сына или дочери. Судя по ответам детей, 82,9 % родителей всегда знают, где и с кем они (дети) проводят свободное время, 12,0 % – не всегда знают о месте пребывания приемных детей в свободное время, 3,2 % – чаще не знают.

В большинстве обследованных приемных семей в качестве мер воспитательного воздействия по отношению к приемным детям родители применяют методы поощрения: хвалят за хорошие поступки, стараются

поддержать, ободрить при неудачах. В этих семьях принято делать ребенку подарки, приятные сюрпризы обсуждать возникающие проблемы и осуществлять совместный поиск их решения, см. Таблицу 2.

Таблица 2 – Распределение ответов приемных родителей на вопрос о воспитательных мерах, наиболее часто применяемых ими по отношению к детям, в %

Меры воспитательного воздействия	Применяются к родным детям	Применяются к приемным детям
«Читаю мораль»	59,3	69,3
Хвалю за успехи, ободряю при неудачах	73,5	87,5
Обсуждаю их поведение как с взрослыми	66,2	76,6
В качестве поощрения делаю подарки, приятные сюрпризы	46,5	57,1
Разговариваю на повышенных тонах, ругаю	34,5	40,4
В качестве наказания запрещаю встречаться с друзьями, не пускаю гулять	24,4	35,9
В качестве наказания не разговариваю с ребенком, подчеркнуто не обращаю внимания на него	6,9	11,6
Запрещаю играть на компьютере	0,4	0,9
Лишаю какого-либо удовольствия	0,7	0,6
Обижаюсь	0,4	0,3
Разговариваю по душам	0,4	0,6

В ходе опроса приемным детям также было предложено ответить на вопрос о применяемых к ним воспитательных мерах, указав наряду с методами воспитания и частоту их применения. Результаты ответов представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Распределение ответов приемных детей на вопрос: «Как часто приемные родители поступают по отношению к тебе следующим образом?», в %

Меры воспитательного воздействия	Частота применения		
	Часто	Иногда	Никогда
Читают тебе «мораль»	20,6	62,7	15,8
Хвалят за успехи, ободряют при неудачах	78,8	18,7	1,6
Разговаривают на повышенных тонах, ругают	4,4	57,9	34,2
Делают тебе подарки, приятные сюрпризы	63,9	31,3	2,5
Запрещают тебе встречаться с друзьями, не пускают гулять	4,7	23,4	68,0
Обсуждают твоё поведение как с взрослым	58,5	29,4	8,2
Не обращают на тебя внимания, не разговаривают	2,2	6,3	85,8

Если сравнить ответы приемных родителей и приемных детей на вопрос о воспитательных мерах, то можно увидеть их идентичность, а именно: в ответах тех и других преобладают меры поощрения. В то же время, 69,3 % приемных родителей применяют такой метод воспитания, как «чтение морали». Треть приемных родителей (35,9 %) в качестве наказания запрещают приемным детям встречаться с друзьями, не пускают их гулять, 11,6 % – не разговаривают с ребенком, подчеркнуто не обращают на него внимания. По собственному признанию приемных родителей, 40,4 % из них в конфликтных ситуациях нередко разговаривают с детьми на повышенных тонах, ругают их. Более трети опрошенных приемных родителей (36,5%) отметили, что в исключительных обстоятельствах им приходилось прибегать к физическим наказаниям приемных детей. Следует отметить, что 2,0 % опрошенных приемных родителей указали на частое применение физических наказаний и по отношению к своим родным детям, 45,4 % выбрали ответ «наказываем, но в исключительных случаях».

Отмечая наличие в приемной семье принудительных методов воспитания, очень важно понять природу наказания. Поводом для возмущения, недовольства приемных родителей приемными детьми выступают довольно веские причины: неудовлетворительное поведение детей, невыполнение или несвоевременное выполнение ими своих домашних обязанностей, плохие оценки, грубость в общении с родителями, вредные привычки (курение, употребление спиртного и др.). В этих и других принципиальных вопросах родители имеют право рассердиться на ребенка и для большего воспитательного эффекта воздействовать на него через наказание, если все другие доступные средства исчерпаны. Главное, чтобы ребенок не ощущал в наказании унижительного к себе отношения. Если приемный ребенок не имеет никаких оснований усомниться в добром к себе отношении со стороны приемных родителей, если эта уверенность подкрепляется постоянными проявлениями родительской любви и заботы, то наказание, даже телесное, не воспринимается как посягательство на личность и достоинство и быстро забывается. Как следует из ответов приемных детей, большинство из них (76,1 %) считают наказания заслуженными и лишь 18,9 % опрошенных подростков признают наказание не всегда оправданным.

Выбор тех или иных воспитательных мер обусловлен педагогической позицией приемных родителей. Так, 8,2 % приемных родителей считают, что приемные дети требуют более строгих дисциплинарных мер, чем родные дети. Несколько большее число (10,0%), напротив, полагают, что к приемным детям следует относиться более

мягко и снисходительно. По мнению подавляющего большинства приемных родителей (81,2 %), приемные дети не требуют каких-то особых мер воспитательного воздействия в отличие от родных. Какое мнение из трех представленных является правильным? Возможно, большинства, из которого следует, что приемных детей надо воспитывать как родных. Но, видимо, следует признать, что при воспитании приемных детей нельзя полагаться лишь на опыт воспитания родных детей. Сами приемные родители (более 70,0 %) указали на то, что им пришлось столкнуться с серьезными проблемами в процессе воспитания приемных детей. Трудности воспитания в основном связаны с неблагополучной наследственностью, замкнутостью, агрессивностью этих детей, с тем, что у этих детей наблюдается отставание в интеллектуальном развитии, недоверие к взрослым. Среди приемных детей имели место случаи воровства. По ответам приемных родителей, каждый десятый (11,1%) приемный ребенок был замечен в воровстве, чуть меньше (8,5 %) – в употреблении спиртных напитков.

Следовательно, чтобы процесс реабилитации и адаптации каждого приемного ребенка проходил успешно, приемные родители должны выполнять свои обязанности воспитателя профессионально, основываясь на знаниях педагогики, психологии, медицины. Приемные родители должны быть готовы принять ребенка таким, каков он есть, понять его, спрогнозировать его поведение, определить принципы, методы, средства его коррекции.

Как показали результаты опроса, приемные родители ответственны и терпеливы в преодолении всех тех проблем, с которыми дети приходят в их семью. Практически все опрошенные родители отмечают сейчас у своих детей такие качества как дружелюбие, жизнерадостность, общительность, доброту, уверенность в себе, многие дети отказались от вредных привычек, успешно осваивают школьную программу. В их поведении отсутствуют какие-либо серьезные негативные отклонения. Приемные дети, как и все их сверстники, мечтают о том, чтобы встретить настоящую любовь (23,7 %), создать счастливую семью (54,4 %), иметь собственную квартиру, дом (45,3 %). Почти половина (46,8 %) подростков из приемных семей хотели бы получить высшее образование, примерно столько же (45,6 %) – приобрести хорошую специальность, стать мастером своего дела. Каждый четвертый (24,4 %) мечтает о богатстве, каждый десятый (11,1 %) – уехать жить за границу. Как видно, в структуре жизненных ценностей приемных детей преобладают ориентации на счастливую семью, высшее образование, приобретение хорошей специальности.

Приемная семья – профессиональная замещающая семья, в которую устраивают детей, в том числе, и на время работы социальных служб с биологической семьей. В случае исправления родителей и восстановления их в правах дети могут вернуться в свою биологическую семью. Исходя из этого, Положение о приемной семье предусматривает право ребенка, воспитывающегося в приемной семье, на общение с биологическими родителями, кровными братьями, сестрами, другими родственниками. По результатам опроса, 45,9 % приемных родителей общаются с теми или иными родственниками приемных детей, 54,1 % – не общаются, из них 6,4 % – по причине отсутствия у ребенка родственников. Общение приемных родителей с родственниками осуществляется преимущественно по телефону либо в доме приемных родителей. Чуть менее 10 % приемных родителей, из тех, кто общается с родственниками приемных детей, состоят с ними в переписке.

Следует отметить, что среди приемных детей несколько большее число указали на общение с кровными родственниками – 56,0 %. Основной формой общения детей с родственниками, в том числе и с родными отцами и матерями, является разговор по телефону и встречи в доме приемных родителей. Приемные родители в своем большинстве (91,2 %) не скрывают от приемных детей правду о причинах, по которым те не живут в родной семье. Но обсуждают с детьми эту тему менее чем в половине приемных семей. При ответе на вопрос «Обсуждаешь ли ты с приемными родителями причины, по которым не живешь в родной семье?» утвердительный ответ дали 45,6 % детей, отрицательный – 53,8 %. Возможно, таким образом родители пытаются защитить детей от воспоминаний о пережитых в родительском доме обидах, разочарованиях, несчастьях. Тем не менее, вряд ли подобная позиция является правильной с точки зрения подготовки приемных детей к будущей семейной жизни. Не следует игнорировать отрицательный семейный опыт детей, а, отталкиваясь от него, подводить их к пониманию причин неблагополучия в семьях и показывать возможные позитивные способы решения семейных проблем.

О благожелательной эмоционально-психологической атмосфере в большинстве приемных семей свидетельствует мнение интервьюеров, которое сложилось у них о семье в результате посещения и общения с приемными родителями и приемными детьми. Три четверти участвующих в опросе интервьюеров отметили, что для большинства приемных семей характерна атмосфера привязанности, доверия, любви, в семье сложились теплые отношения между приемными родителями и детьми. Ниже приведены некоторые высказывания интервьюеров

относительно атмосферы в семьях, которые они посетили во время проведения опроса:

«родители действительно искренне и доброжелательно воспитывают этих детей (причем дети с психофизическими отклонениями, из семей алкоголиков. дети внимательны и послушны»; *«по поведению матери видно, что она любит приемных детей, они ей близки, дороги и она к ним очень привязана»;* *«приемная мама очень гордится своими детьми, дети счастливы, веселы, доброжелательны, но немного остерегаются незнакомых, так как боятся, что их заберут из семьи»;* *«создалось впечатление, что дети все родные, невозможно отличить, кто есть кто, год назад приемная мать потеряла мужа, но детей не отдала, дети очень боятся, что их отдадут обратно, так как попали из другой приемной семьи, где их очень обижали»;* *«родители любят всех детей, приемная и родная дочь очень похожи, очень дружны, встретила на улице – идут, как две сестрички»;* *«дети с нарушением психики, но отдать их обратно мать не хочет, так привязалась за пять лет, считает их своими, дети хотят, чтобы их официально усыновили»;* *«ребенок обеспечен всем необходимым – компьютер, отдельная комната с идеальным евроремонтом, комфортные условия жизни, ребенок наделяется необыкновенным вниманием со стороны всей семьи».*

Итак, по результатам исследования можно сделать вывод о том, что в основной массе приемных семей складывается благополучная воспитывающая ситуация. В своей воспитательной деятельности большинство приемных родителей опираются на методы поощрения, проявляют постоянный интерес к жизни приемных детей, их потребностям и проблемам. Сама благожелательная семейная атмосфера, забота, внимание и уважение к детям, общее участие взрослых и детей в труде, домашних делах помогают приемным детям успешно адаптироваться в семью и ближайшее социальное окружение.

ГЛАВА 4

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ К УСЛОВИЯМ ЖИЗНИ В НЕСТАБИЛЬНОМ СОЦИУМЕ

А.К. Воднева

4.1 Насилие детей и подростков как фактор виктимизации и криминализации несовершеннолетних

Рост насильственной преступности среди несовершеннолетних ставит в ряду первоочередных задач изучение факторов, вызывающих их агрессивное поведение. Можно предположить, что одну из групп таких факторов составляет специфика воспитания, а именно – «воспитание насилием».

Проверка данной гипотезы предполагает включение в выборочную совокупность подростков-правонарушителей и законопослушных подростков. Сравнительный анализ специфики воспитания этих категорий подростков позволит подтвердить или опровергнуть выдвинутую гипотезу.

Группа подростков-правонарушителей представлена несовершеннолетними, отбывающими наказание в воспитательно-трудовых учреждениях для несовершеннолетних.

Группа законопослушных подростков – старшеклассниками общеобразовательных школ без отклонений в поведении. Эту группу можно считать контрольной.

Помимо названных категорий в выборочную совокупность была включена группа студентов-первокурсников, которая была обозначена как эталонная.

Все группы подростков были представлены равным числом – по 100 респондентов в каждой, возраст респондентов – от 15 до 17 лет.

Помимо подростков опрашивались учителя общеобразовательных школ и родители старшеклассников. Включенность взрослых в качестве респондентов позволила выявить точки зрения на проблему насилия детей и подростков всех основных субъектов воспитательного процесса: несовершеннолетних, родителей, учителей.

В юридическом энциклопедическом словаре понятие «насилие» определяется как «воздействие одного человека на другого, нарушающее гарантированное Конституцией право гражданина на личную неприкосновенность (в физическом и духовном смысле)» (1). В самом

широком смысле к насилию можно отнести любое травматическое, стрессовое действие. Насилие по отношению к детям проявляется в различных формах – от эмоционального и морального шантажа до применения физической силы.

Физическое насилие выражается в форме избиения, ударов по лицу, тряски, толчков, пинков, заключений в запертом помещении.

Моральное насилие – в унижении достоинства ребенка, словесном оскорблении, брани, угрозах в его адрес, демонстрации неприязни к нему, а также в игнорировании интересов ребенка или неоказании ему необходимой помощи.

Психическое насилие – в запугивании детей с целью беспрекословного подчинения их своей воле.

Сексуальное насилие – в использовании детей в прямых сексуальных контактах или вовлечение в действия, при которых насильник получает сексуальное удовлетворение.

Насилие в отношении детей и подростков довольно распространенное явление нашей жизни и начинается оно, как правило, в семье. Об участившихся случаях жестокого обращения с детьми в семьях свидетельствует рост числа детей, спасающихся бегством из дома, увеличение суицидов среди детей и подростков, а также распространение таких негативных явлений как алкоголизация и наркотизация детей и подростков, детская и подростковая преступность (2).

Результаты нашего исследования также свидетельствуют о применении тех или иных форм насилия к детям со стороны родителей, см. Таблицу 1.

Таблица 1 – Применение насилия со стороны родителей к подросткам из различных групп (в %)

Форма насилия	Группа подростков					
	Правонарушители		Контрольная		Эталонная	
	Отец	Мать	Отец	Мать	Отец	Мать
Оскорбления, брань	14,0	4,4	2,0	1,8	2,3	2,3
Угрозы, запугивания	6,7	2,0	1,0	0,0	1,2	1,2
Физические действия	8,9	1,1	3,9	1,8	1,8	1,8

Оскорблениям, угрозам, физическим наказаниям подвергаются дети из всех выделенных нами групп, но чаще всего это фиксируется в семьях несовершеннолетних правонарушителей. Насилие преимущественно исходит от отцов. Так, испытали на себе физическое насилие со стороны отца 8,9 % подростков-правонарушителей, 3,9 %

подростков из контрольной группы и 1,8 % подростков из эталонной группы. Соответственно, оскорбления, брань – 14,0 %, 2,0 % и 2,3 %.

Необходимо отметить, что, несмотря на увеличение случаев насилия в семье по отношению к детям, формы его крайнего проявления не носят массовый характер и не являются нормой для большинства семей. В настоящее время нужно выделить такую проблему, как авторитарный стиль воспитания, в соответствии с которым принудительное воздействие на детей, в том числе и телесное, традиционно воспринимается и взрослыми, и детьми как воспитательная мера. Видимо, по этой причине на вопрос, обращенный к подросткам, «Случалось ли, что тебя наказывали(ют) физически?» утвердительный ответ дало значительно большее число из них, чем при ответе на вопрос о применяемых формах насилия, см. Таблицы 1 и 2:

Таблица 2 – Периодичность физических наказаний детей в семье (в %)

Периодичность физических наказаний	Группа подростков		
	Правонарушители	Контрольная	Эталонная
Да, за всякий проступок, даже неумышленный	5,2	6,9	2,9
Да, но в исключительных случаях	53,2	40,2	47,1
Нет, никогда не наказывают(ли)	41,6	49,0	47,4

Опрошенные родители также не отрицают применения к своим детям физических наказаний. Причины, по которым родители наказывают детей, имеют различную природу. Это может быть вызвано низким уровнем (отсутствием) педагогической культуры родителей, психологическими стрессами, хронической нехваткой времени, патологическими изменениями в психике родителей, их деградацией. Принудительное воспитание может быть обусловлено и особенностями поведения детей, провоцирующими родительский гнев, а может – усвоенными стереотипами воспитания в родительской семье и затем перенесенными в собственную семью.

Как правило, большинство наказаний выпадает на долю детей-подростков в возрасте от 14 до 17 лет. Не являются исключением и опрошенные несовершеннолетние. Специфика подросткового возраста и его сложность заключаются в перестройке отношений с родителями. В подростковом (раннем юношеском) возрасте у молодых людей появляется обостренное чувство собственного достоинства, потребность получить самостоятельность, независимость в суждениях и действиях, стремление освободиться от чрезмерной опеки дома и в школе. Многие родители воспринимают изменения, происходящие с детьми, как непослушание, недисциплинированность, дерзость, вызывающее

поведение. Вполне понятно, что некоторое отдаление детей-подростков от родителей, в определенной мере их бесконтрольность, вызывают серьезные опасения у отцов и матерей. Но даже если родители исходят из самых лучших побуждений, но при этом подвергают детей унижениям и оскорблениям, результат получается, как правило, не тот, который они ожидали. Подтверждением тому могут служить данные опроса. По ответам родителей, обычная реакция подростка на наказание – обида (59,2%), агрессивность, грубость (16,9%), прекращение общения (16,9%), просьба о прощении (22,5%), желание загладить свою вину (21,1%). Как видно, после перенесенных наказаний дети испытывают страх, обиду, которые выливаются в открытый протест, агрессию по отношению к родителями. Неудивительно, что на вопрос: «А Вы допускали по отношению к отцу, матери оскорбительные выражения, упреки и т.п.?» – 40,0% подростков дали утвердительный ответ.

Важно отметить, что авторитарные подходы к воспитанию детей в семье не зависят от образования, социального статуса родителей, величины доходов семьи. Так, в данном исследовании имели родителей с высшим образованием 20% правонарушителей, 40% старшеклассников контрольной группы и 41,0% студентов. Испытывали принудительные методы воспитания со стороны родителей в каждой группе не менее 2/3 несовершеннолетних.

Таким образом, анализ результатов опроса подростков позволил установить, что нарушения прав детей в семье, выраженные в вербальном оскорблении их личности, запугивании, унижении, физическом наказании, имеют место в современной семье. В то же время, сделать вывод о прямой зависимости девиантного поведения несовершеннолетних от насильственного характера их воспитания в семье нельзя, так как результаты исследования не фиксируют значительных различий в применении принудительных мер воздействия к детям в семьях подростков-правонарушителей и законопослушных подростков, см. Таблицы 1, 2. Можно предположить, что деформация личности ребенка обусловлена не только тем, что его наказывают, но и тем, какова природа наказания: частота травмирующего воздействия, контекст, в котором оно осуществляется, восприятие наказания самим ребенком. Если ребенок ощущает в наказании унижающее отношение к себе, его реакция однозначно будет агрессивной. Если же ребенок не имеет никаких оснований усомниться в любви родителей, если эта уверенность подкрепляется постоянными примерами проявления родительской любви и доброты, то наказание, даже телесное, не воспринимается как посягательство на личность и достоинство и быстро забывается. Косвенно высказанную мысль подтверждают ответы

подростков на вопрос: «Как можно охарактеризовать твои отношения с родителями?», см. Таблицу 3.

Таблица 3 – Характер отношений детей с родителями?» (в %)

Характер отношений	Группа подростков					
	Правонарушители		Контрольная		Эталонная	
	отцом	матерью	отцом	матерью	отцом	матерью
Отношения хорошие, всегда приходим к взаимопониманию	44,0	82,0	51,0	67,6	45,6	70,2
Отношения удовлетворительные	12,0	8,0	27,5	25,5	31,6	22,2
Мы часто ссоримся, оскорбляем друг друга	16,0	4,0	4,9	0,0	2,3	2,3
Мы не интересуем друг друга	10,0	4,0	0,0	0,0	6,4	0,6

Данные таблицы дают некоторое представление о взаимоотношениях родителей и детей-подростков. Нетрудно заметить, что каждый четвертый подросток-правонарушитель находился с отцом в состоянии конфронтации либо взаимного безразличия. К тому же, как отмечают 10,0% из них, от отца исходило постоянное выражение недовольства сыном, 8,9% – испытывали со стороны отцов пренебрежительное отношение к себе. Именно отсутствие глубоких эмоционально-духовных контактов с отцами, большую потребность в которых испытывают мальчики-подростки, зачастую вынуждает их искать авторитетного взрослого на стороне, – утверждает российский ученый Соколова Е. Т., – в том числе, и в криминальной среде (3). Кроме того, дети и подростки, по мнению психологов, в силу своих возрастных особенностей оказываются наиболее восприимчивыми к неблагоприятному воздействию семейной микросреды. Их неспособность преодолеть травмирующую ситуацию и связанные с ней негативные переживания внешне нередко трансформируются в асоциальное, делинквентное поведение (4).

В ходе исследования изучались мотивы наказания детей. По ответам подростков, всех их обычно наказывали за дурные поступки. Однако если родители подростков контрольной и эталонной групп наказывали своих детей за грубость, недисциплинированность, снижение успеваемости, то родители подростков-правонарушителей – за

нарушение норм, установленных в семье, за невыполнение родительских распоряжений либо просто «срывали» на ребенке зло. Иными словами, первые ориентировались на успехи и достижения своих детей, вторые – на подчинение детей, хотя бы и через унижение их личности.

В результате проведенного анализа была выявлена и такая особенность семей подростков-правонарушителей как недостаток внимания со стороны родителей к развитию (интеллектуальному, эстетическому, нравственному) своих детей. Несформированность познавательных интересов и навыков к обучению, неумение строить свои отношения с одноклассниками и учителями обрекают таких детей на неуспех в школе и положение изгоев (5). По ответам подростков-правонарушителей, 28,0% из них испытали в период обучения в школе пренебрежение к себе со стороны учеников и учителей, 18,9% – постоянное недовольство, которое исходило от учителей. Причиной напряженных отношений с учителями, по мнению ребят, была их «неспособность освоить школьную программу и неуживчивость характера».

Известно, эмоциональное самочувствие и самоуважение подростков напрямую зависят от успешности их деятельности и от характера отношений с окружающими – взрослыми и сверстниками. Для них очень важно иметь определенный престиж и авторитет среди учителей и одноклассников. Не обладая достаточными знаниями и умениями для самореализации в учебе, других социально значимых видах деятельности, такие подростки нередко удовлетворяют свое честолюбие через девиантное поведение. Кроме того, неуважительное, недоброжелательное отношение к ребенку в школе, являясь одной из форм эмоционального насилия, также может стать причиной его нестандартного поведения.

Помимо морально-психологических форм демонстрации оскорбительного отношения к подросткам в стенах школы распространены и формы непосредственного насилия. Так, более 20,0% подростков контрольной группы, а среди подростков-правонарушителей – 30,0%, отметили, что испытали по отношению к себе те или иные насильственные действия со стороны своих одноклассников или старших школьников. По оценкам ребят, в школе они подвергаются насилию не намного реже, чем на улице, см. Таблицу 4.

Таблица 4 – Места, где подростки чаще всего подвергались насилию (в %)

Насильственные действия	Группа подростков			
	Правонарушители		Контрольная	
	На улице	В школе	На улице	В школе
Оскорбления, брань	32,2	25,6	31,4	22,5
Запугивания, угрозы	23,3	17,8	22,5	13,7
Физические воздействия	24,4	22,2	29,4	14,7
Неприличные, оскорбительные жесты	27,8	17,8	19,6	19,6
Вымогательство денег, вещей	17,8	8,9	5,9	4,9
Принуждение к употреблению наркотиков	16,7	4,4	0,0	0,0

Как следует из данных таблицы 4, насилие в школе приобретает масштабы социального явления. Неудивительно, что только 16,0% школьников, судя по их ответам, чувствуют себя в школе в полной безопасности.

Не обходится без оскорблений и унижений и со стороны учителей: 5% в контрольной и эталонной группе и 10% в группе подростков с отклоняющимся поведением и правонарушителей указывают на применение учителями вербальных оскорблений, угроз и даже физических действий.

Распространенность насилия среди школьников можно объяснить социокультурными факторами: получив дома «суровое мужское» воспитание, дети переносят в школу внутрисемейные стереотипы, признавая насилие по отношению к другим людям как норму. Обращает на себя внимание низкий уровень общей и правовой культуры подростков, в частности, их неумение общаться, вести диалог друг с другом, мирно разрешать возникающие конфликты, давать правовую оценку своим поступкам. Некоторое представление об уровне правовой культуры опрошенных подростков дают ответы на вопрос: «Какие действия со стороны окружающих являются насилием?». Всем респондентам предлагалось из перечня возможных действий людей по отношению друг к другу выбрать те, которые, на их взгляд, являются проявлением насилия, см. Таблицу 5.

Таблица 5 – Распределение утвердительных ответов на вопрос: «Какие действия со стороны окружающих являются, на Ваш взгляд, насилием?», в %

Насильственные действия	Группа подростков		
	Правонарушители	Контрольная	Эталонная
Оскорбления, нецензурная брань	26,7	20,6	28,7
Запугивания, угрозы	50,0	36,3	55,6
Постоянные упреки	24,0	7,8	9,4
Пренебрежительное отношение	23,3	14,7	19,3
Постоянное выражение недовольства	7,8	5,9	15,8
Запрет на общение с друзьями	38,9	43,1	66,7
Применение физической силы	63,3	59,8	71,8
Вымогательство денег, вещей	52,2	62,7	74,9
Изнасилование	71,1	80,4	95,9
Принуждение к сексуальным отношениям	65,6	73,5	93,0
Непристойные шутки, реплики	26,7	18,6	23,4
Неприличные, оскорбительные жесты	26,0	26,5	37,4
Принуждение к проституции	66,7	69,6	94,2

Данные таблицы 5 свидетельствуют об упрощенном понимании подростками насилия над личностью. Насилие в их сознании преимущественно ассоциируется с физическим или же сексуальным посягательством. Такие формы негативного эмоционального воздействия на человека как словесное оскорбление, пренебрежительное отношение, постоянное выражение недовольства другим человеком большинством несовершеннолетних не воспринимаются как насилие. Аналогичное понимание насилия как социального феномена продемонстрировали и родители. По представлениям 2/3 опрошенных родителей, насилие – это физические действия, связанные с нанесением ущерба здоровью человека или целостности его тела, либо сексуальные посягательства.

Весьма примечательным является тот факт, что каждый пятый опрошенный старшеклассник (22,3%), оказавшись потерпевшим, предпочитает обращаться за помощью к друзьям, а не в правоохранительные органы либо администрацию школы. Подобная позиция школьников свидетельствует о низком уровне правовой культуры и об отсутствии практических навыков правового выхода из проблемной ситуации. Попытка разрешить возникшую проблему на неформальном уровне зачастую не устраняет причин возникновения конфликта, а напротив, приводит к его обострению.

Отсюда, задача школы – просветить школьников по проблеме насилия, повысить их осведомленность о формах и видах насилия, о правовых последствиях причиненного насильственными действиями вреда человеку, проинформировать их о порядке обращения в официальные органы за защитой своих прав. Решение этой задачи в первую очередь возлагается на учебные спецкурсы «Права человека» и «Права ребенка».

Положительную роль в формировании правового сознания учащихся, приобретении практических знаний по разрешению конфликтных ситуаций в рамках правового поля должны были бы сыграть работники правоохранительных органов. К сожалению, лишь половина опрошенных старшеклассников отмечают, что в их школе проходят встречи учащихся с работниками милиции, суда, прокуратуры и случается это не чаще 1-2 раз в год.

Не восполняют пробелы в правовом образовании и кружки по изучению правовых знаний, наличие которых в своих школах отмечают всего 12,9% школьников.

На наш взгляд, распространенность насилия в школе обусловлена еще и тем, что в ней по-прежнему превалирует традиционная педагогика, при которой личность ребенка, его поиск себя, духовное развитие и становление остаются в стороне. Главное для педагога – добиться того, чтобы ребенок хорошо учился, был дисциплинированным, исполнительным, послушным. При этом психофизические особенности детей, их интеллектуальные возможности, условия жизни нередко игнорируются. В частности, детям из неблагополучных семей их же проблемы ставятся в вину, что вызывает у них агрессивную реакцию по отношению к учителям, одноклассникам. Следует признать, что отсутствие должного внимания в школе к психологическому состоянию детей из проблемных семей усиливает их предрасположенность к девиации.

Таким образом, школа как воспитывающий субъект нередко оказывает на учащихся негативное влияние. Отрицательные эмоции, связанные с учебой, одноклассниками и даже учителями, отмечает каждый пятый опрошенный подросток из контрольной группы. Среди подростков-правонарушителей каждый третий включил школу в число тех мест, где они подвергались унижениям и оскорблениям. Очевидно, что снижение степени безопасности подростков в школе способствует появлению у них склонности решать свои проблемы с применением силы.

Представляют ли учителя масштабы разрастания насилия в школьной среде? В основном, да. Хотя не все факты таких

насильственных действий как вымогание денег, «навешивание» долга и «выбивание» его, унижение человеческого достоинства доходят до учителей и администрации школы. Подавляющее большинство (95,6%) опрошенных учителей проявили озабоченность и обеспокоенность по поводу агрессивного поведения своих подопечных. В качестве превентивных мер учителя в основном используют метод убеждения: беседы с учащимися (в том числе и с теми, кто совершил насильственные действия), их родителями, проводят диспуты, тематические вечера, пытаются вовлечь учащихся в благотворительную деятельность. Иногда применяют и такие меры воспитательного воздействия к нарушителю как информирование ИДН о его проступке или даже исключение его из школы, о чем сообщили соответственно 2,0% и 4,0% учителей. Не подвергая сомнению важность и полезность указанных форм и методов воспитательной работы с учащимися (беседы, диспуты, тематические вечера и др.), к сожалению, следует признать их слабое влияние на формирование нравственно-правовых ценностей у подростков. Сегодня, когда жизнь человека проходит в условиях рыночных отношений, постоянной состязательности экономических амбиций и нацеленности на материальный и карьерный успех нельзя ограничить воспитание молодого поколения вербальными формами. Было бы иллюзией считать, что школа лишь с помощью поучений и наставлений способна нивелировать негативное влияние социума, подавить асоциальные поведенческие акты, сформировать у детей и подростков перспективные модели социального поведения. Необходимо предоставить возможность детям и подросткам включиться в реальную жизнь. Отсюда, поиск эффективных педагогических технологий нравственно-правового воспитания школьников, подготовки их к самостоятельной жизни сохраняет свою актуальность.

Как уже отмечалось, особенность старшего подросткового возраста (15–17 лет) заключается в стремлении к независимости от взрослых. В своих поступках и действиях несовершеннолетние, прежде всего, ориентируются на мнение сверстников. Основную часть своего свободного времени они также проводят в общении с друзьями-ровесниками. Встречаются ребята, как правило, во дворе, на улице. Это место встреч указали 80,0 % подростков, имеющих отклонения в поведении, 68,6 % подростков контрольной группы, 57,3 % студентов.

Подростки, предоставленные сами себе и улице, нередко становятся и субъектами, и объектами насилия. Судя по ответам несовершеннолетних (школьников и правонарушителей), более 1/3 из них сталкивались на улице с оскорблениями и бранью в свой адрес, более 1/4 – с угрозами; примерно столько же (24–29 %) подвергались

физическому насилию (среди студентов – 11,7 %), почти у каждого пятого подростка-правонарушителя вымогали деньги или вещи, см. Таблицу 4. Даже в общественных местах – на дискотеке, в кафе, на улице, в транспорте – подростки не ограждены от насилия. Безусловно, намеренный акт агрессии со стороны окружающих провоцирует агрессивное поведение подростков. Подвергшись насилию, 34,4% несовершеннолетних правонарушителей испытали обиду, 13,3% – унижение, 10,0% – собственную вину, 11,1 % – желание покончить с собой, 4,4 % – принять наркотики, напиться. В тоже время у 22,2 % из них возникало острое чувство ненависти, у 15,6 % – гнев, возмущение, 13,5 % – желание отомстить обидчику, побить его.

Можно предположить, что объединение подростков в группы с асоциальной направленностью, их агрессивность является ответной реакцией на агрессивность окружающей среды. Объединившись в группу для совместного употребления алкоголя, наркотических и токсических веществ, совершения противоправных действий, подростки получают хотя и мнимую, но поддержку, удовлетворяя тем самым психологическую потребность в защите. По их ответам, только у себя дома (63–69,0 %) да в компании друзей (44–54 %) они чувствуют себя защищенными и в полной безопасности.

Проведенное исследование раскрывает роль и значимость группы для подростка. На вопрос: «Какие качества более всего ценятся в вашей группе?» были получены следующие ответы:

- независимость, смелость – на эти качества указали 41,8 % подростков-правонарушителей, 45,1% подростков из контрольной группы, 39,8% – эталонной;
- физическая сила – соответственно 14,5%, 21,6%; 5,8%;
- общительность, веселый нрав – 65,5%, 75,5%, 86,5%;
- умение постоять за себя – 41,8%; 30,4%; 28,7%;
- взаимовыручка, стремление прийти на помощь – 49,1 %; 54,9 %; 64,3 %;
- умение найти интересное занятие для всех – 16,4 %; 15,7%; 20,5%.

Представленные данные объясняют стремление подростков интегрироваться в группу. Здесь они находят столь необходимые для этого возраста дружеские контакты и привязанности, понимание, взаимовыручку, которые для них так важны и которых они не находят у взрослых. Обращает на себя внимание тот факт, что такие качества как физическая сила, умение постоять за себя для достаточно большого числа подростков выступают в качестве главной ценности, становятся доминирующей моделью поведения.

Таким образом, современные дети и подростки живут в условиях, когда существует угроза безопасности их личности – в семье, в школе, на улице, на дискотеке и в других общественных местах. Среди подростков-правонарушителей отмечается более высокий уровень виктимизированности на свободе в сравнении с их законопослушными сверстниками, см. Таблицу 6.

Таблица 6 – Распределение ответов на вопрос: «Как часто тебе приходилось испытывать по отношению к себе насильственные действия?» (в %)

Характер насильственных действий	Группа подростков			
	Правонарушители		Эталонная	
	часто	иногда	часто	иногда
Оскорбления, брань	13,3	60,0	8,8	66,1
Угрозы, запугивания	16,7	41,1	5,8	42,1
Физические воздействия	14,0	50,0	2,9	36,3
Вымогательство денег, вещей	3,3	28,9	1,2	9,9

Примечание – В таблице приводятся ответы «часто» и «иногда» двух противоположных групп подростков: правонарушителей и студентов (эталонная группа).

В то же время, следует отметить, что из всех опрошенных подростков-правонарушителей, только 17,8 % связывают совершенные ими преступления с перенесенными на свободе оскорблениями и унижениями, 25,6 % – не усматривают никакой связи между этими двумя этапами своей жизни; более половины (56,6 %) затруднились при ответе на данный вопрос.

Необходимо указать, что в качестве субъектов насилия довольно часто подростки-правонарушители называют работников правоохранительных органов: до 45,0% из них испытали на себе те или иные насильственные действия, в том числе и физические (42,2 %), со стороны сотрудников милиции. Возможно, за этими цифрами скрывается обида на вполне обоснованные действия милиции: ведь эти подростки в прошлом не отличались безупречным поведением. С другой стороны, нельзя исключать и случаи нарушения законности сотрудниками милиции в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

Нужно признать, что уровень доверия к правоохранительным органам и у правопослушных подростков невысок. Менее 1/3 подростков-старшеклассников контрольной группы (28,7 %) сочли для себя возможным обращаться за помощью в милицию в случае нанесения им насильственных действий. На прямой вопрос: «Доверяешь ли ты правоохранительным органам?» 25,5 % несовершеннолетних

контрольной группы дали утвердительный ответ, 44,1 % – отрицательный, 28,4 % – затруднились с ответом. Среди студентов ответы на данный вопрос распределились следующим образом: 15,2 % – доверяют, 43,9 % – не доверяют, 39,2 % – затруднились с ответом. Следует отметить, что недоверие милиции в основном высказали подростки, имеющие приводы в милицию.

Анализ результатов анкетного опроса подростков, находящихся в воспитательно-трудовых колониях, позволяет сделать вывод о подверженности насилию этих категорий ребят на различных стадиях их общения с органами уголовной юстиции. Так, в период пребывания в изоляторе временного содержания к 50,0 % опрошенных подростков, впоследствии осужденным, применялись меры психологического и физического давления; 44,0 % – подвергались оскорбительным действиям, физическому насилию со стороны сотрудников данного спецучреждения. По мнению подростков, причина оказываемого на них давления – стремление сотрудников правоохранительных органов добиться от них показаний по уголовному делу (52,0 %), заставить взять вину на себя (40,0 %), наказать за грубость, неподчинение (32,0 %), привлечь к порядку, дисциплине (28,0 %), без всякой цели, просто под руку попал (28,0 %). Приведенные данные аналогичны результатам, полученным белорусскими социологами в 2000г. в ходе анкетного опроса 425 несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях (6).

В изоляторе временного содержания субъектами насилия нередко выступают несовершеннолетние сокамерники – на это указали 18,0% осужденных подростков. По мнению опрошенных подростков, сокамерники издеваются, оскорбляют друг от безделья и ради развлечения, из желания подчинить себе, в ответ на оскорбительные действия.

Судя по ответам подростков, находясь в колонии, они также подвергаются насилию как со стороны работников спецучреждения, так и со стороны таких же несовершеннолетних осужденных. И все же период пребывания в колонии они характеризуют как наиболее благоприятный с точки зрения интенсивности применения к ним насилия.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Современные дети и подростки подвержены различным формам насилия и подавления человеческой личности. Наиболее распространенными являются морально-психические и физические формы насилия. Субъектами насилия в отношении несовершеннолетнего выступают родители, сверстники, незнакомые взрослые, учителя. В

основном носителями насилия выступают сверстники (одноклассники, друзья, незнакомые подростки) либо случайные взрослые люди. Происходит насилие преимущественно на улице, реже в семье, общественных местах и школе.

2. Факторы насилия, воздействующие на детей и подростков, провоцируют их агрессивное и асоциальное поведение: высокая степень насилия той среды, в которой они пребывают (семья, школа, улица), предопределяет их виктимизацию, а усвоенные образцы насильственного поведения ведут к криминализации.

3. Формирование личности несовершеннолетнего правонарушителя обусловлено совокупностью факторов, среди которых наряду с открытыми формами насилия (угрозы, оскорбления, избиение) значительное место занимают такие, как отсутствие благоприятной среды развития и приобщения к культурным ценностям, депривация родительского внимания, недостаток добрых человеческих отношений в ближайшем окружении.

4. В условиях высокого уровня виктимизированности детей и подростков не разработана концепция школьного воспитания, адекватная реалиям сегодняшнего дня, не создано механизмов включения детей, подростков, молодежи в различные виды социально значимой деятельности, не представлено действенных программ психологической и юридической поддержки и помощи нуждающимся в ней категориям молодых людей.

5. Существующая система уголовного наказания несовершеннолетних отнюдь не способствует социализации оказавшихся там подростков, так как наказание подростков в виде лишения их свободы усиливается за счет применения к ним различного рода насильственных действий как со стороны представителей правоохранительных органов, так и со стороны осужденных сверстников.

Список использованных источников

1. Юридический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987, с.239.
2. Насилие в отношении женщин и детей. Мн.: UNICEF Детский Фонд ООН, 2001, с.17-43, Ильяшенко А.И. Основные черты насильственной преступности в семье // Социол. исслед., №5, 2003, с.85-90.
3. Соколова Е.Т. Влияние на самооценку нарушений эмоциональных контактов между родителями и ребенком и формирование аномалий личности / Семья и формирование личности. М.: Изд-во МГУ, 1981, с.40-53.
4. Фурманов И.А., Аладьин А.А., Фурманова Н.В. Психологические особенности детей, лишенных родительского попечительства. Мн.: «Тесей», 1999, с.63-68, Ильина С.В. Влияние пережитого в детстве насилия на

возникновение личностных расстройств // Вопросы психологии, №6, 1998, с. 65-75.

5. Кошелева А.Д., Алексеева Л.С. Психологическое насилие над ребенком в семье, его причины и следствия / Насилие в семье: с чего начинается семейное неблагополучие. М.: Гос. НИИ семьи и воспитания, 2000, с.21-29.

6. Лукашева О.Г. Несовершеннолетние осужденные и насилие / Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси: Сб. науч. тр. / НАН Беларуси, Ин – т социологии; Редкол.: В.Л. Абушенко (гл. ред.) и др. – Мн.: ООО «ФУА информ», 2003, с.184-193.

С.А. Морозова

4.2 Ценностные ориентации белорусского студенчества в сфере семейно-брачных отношений: сравнительный анализ (1998-2009 гг.)

Семья как особая сфера человеческого бытия, элемент социальной структуры общества, первичный социальный институт и специфическая форма социальных отношений на протяжении тысячелетий сохраняет центральное место в общественной иерархии. Социальный статус семьи в обществе традиционно высок, она по-прежнему является базовой составляющей образа жизни в человеческом сознании. Семья как ценность является ядром ценностной структуры (или ценностью высшего статуса) и по различным классификационным основаниям является базовой, традиционной, смысложизненной, универсальной, терминальной, витальной, интеракционистской, социализационной, интегрирующей ценностью.

Проблемы формирования ценностных ориентаций в сфере семьи, состояние ценностных приоритетов в сфере брачно-семейных отношений у различных групп молодежи являются объектом пристального внимания ученых в любом обществе, так как имеют особый жизненный смысл. Семейные ценностные ориентации молодых людей и социальное воздействие на формирование ценностей в сфере семьи рассматриваются в рамках различных научных дисциплин и различных теоретических и методических подходов. С позиций социологического анализа семья рассматривается как групповой социальный субъект, особый вид социальной общности людей, основанной на браке, кровном родстве или юридическом договоре, создающейся для удовлетворения комплекса индивидуальных биологических и социальных потребностей, для моральной, эмоционально-психологической и экономической поддержки друг друга и выполнения ряда функций по воспроизводству населения (см. Бурова, С.Н. Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии / С.Н. Бурова – Минск: «Право и экономика», 2010. – С. 20.).

В современной науке накоплен большой опыт по исследованию семьи и брака, их места и роли в жизни общества. Авторами признанных социологических работ, посвященных вопросам семьи и брака, являются А.И. Антонов, С.Н. Бурова, Ю.В. Вишневецкий, А.К. Воднева; А.Г. Волков, Б.И. Говако, С.И. Голод, Т.А. Гурко, И.Ф. Дементьева, О.И. Дудченко, А.Жвинкасне, С.В. Захаров, О.М. Здравомыслова,

С.Д. Лаптенко, В.Т. Лисовский, Н.Г. Марковская, М.С. Мацковский, А. Митрикас, В.А. Сысенко, А.Г. Харчев, Н.Г. Юркевич и др.

Целью данной статьи является осуществление сравнительного анализа структуры и динамики ценностного сознания студентов в сфере брачно-семейных отношений на базе данных республиканских опросов «Ценностные ориентации студенческой молодежи», проведенных социологами ЦСПИ и ГИУСТ БГУ в белорусских вузах в 1998 и 2009 гг. по единой методике. Для изучения тенденций изменения ценностных приоритетов вузовской молодежи в сфере семейно-брачных отношений были определены некоторые показатели, характеризующие структуру ценностных установок: какой образ семьи формируется в сознании студентов, какова значимость для семейной жизни различных условий и факторов, каковы представления студентов о ролевых и гендерных отношениях в современной семье. Естественно, это не исчерпывающие показатели исследуемой проблемы.

Динамика и тенденции нормативной модели супружеских взаимоотношений. В иерархии базовых ценностей населения Беларуси семья всегда занимала и продолжает занимать лидирующую позицию. Как показывают результаты опроса 2009 года, семья является самой важной жизненной ценностью и для студенческой молодежи. При оценке значимости базовых жизненных ценностей 70,3 % студентов указали, что семья является для них наиболее важной в ценностной структуре, оценив ее значимость по 10-балльной шкале высшим баллом.

Кроссвременная динамика ценности семьи в структуре сознания студентов очевидна и носит положительный характер: значение индекса ценности семьи увеличилось с 9,05 в 1998 году до 9,35 в 2009 году. Кроме того, данные, полученные в ходе опроса, свидетельствуют, что образ семьи в ценностном сознании белорусских студентов остается преимущественно традиционным и по-прежнему связан с институтом брака. Сегодня большинство из них не считают брак устаревшим социальным институтом и признают необходимым в той или иной степени юридическое оформление супружеских отношений, в т.ч. 33,8 % студентов полагают это обязательным и 45,0 % – желательным условием семейной жизни. Не придают никакого значения факту юридического оформления супружеских отношений 19,8 % студентов. Отметим, что в 1998 году отношение к юридическому браку замерялось с помощью вопроса «Является ли юридическое оформление супружеских отношений обязательным условием семейной жизни?». При этом шкала ответов предполагала альтернативы «да» и «нет» (также был предусмотрен вариант «затрудняюсь ответить»). В группу «жестких сторонников» юридического оформления супружеских отношений десятилетие назад

вошли 34,3% студентов. Остальные были не так категоричны в отношении обязательности соблюдения данного условия, высказав свое несогласие с утверждением (51,0 %) либо затруднившись высказать свое мнение (14,7 %).

Безусловно, в ходе замера, проведенного в 2009 году, когда использовалась более гибкая формулировка вопроса и в шкалу ответов введена позиция «желательное условие», была получена и более полная картина. Об этом свидетельствует значительное сокращение числа тех, кто затруднился оценить важность соблюдения данного условия для семейной жизни. При этом число студентов, для которых супружеские отношения вне брака не приемлемы, остается неизменным (в 1998 году – 34,3 %, в 2009 году – 33,8 %).

Однако сегодня молодые люди откладывают вступление в брак на все более поздний срок. Эта тенденция фиксируется и по данным статистики. Выявленные ориентации на вступление в брак и ее достижительная модель во многом определяют наличие и реализацию репродуктивных установок молодежи и их отношение к детям как жизненной ценности. Очевидно, что традиционные жизненные циклы отодвигаются по времени. При этом результаты исследования свидетельствуют о том, что в сознании современной студенческой молодежи представление о семейной жизни неразрывно связано с принятием на себя роли родителя, см. Таблицу 1.

Таблица 1 – Показатели готовности принять на себя роль родителя, в % от числа опрошенных

Семейные ценности	Год	Является обязательным	Является желательным	Не имеет значения	Затрудн. ответить
Наличие детей	2009	55,5	34,8	7,0	2,7
	1998	41,6	37,8	15,4	5,2
Совместное участие супругов в воспитании детей	2009	85,0	12,0	1,3	1,7
	1998	72,4	24,1	1,4	2,1

На нормативном уровне фиксируется существенное повышение значимости такой жизненной ценности как «дети», а также безусловное принятие на себя ответственности за благополучие детей и установка на совместное участие в их воспитании. Однако сегодня лишь каждый второй студент (55,5 %) считает наличие детей обязательным условием

семейной жизни, а мнение остальных может служить своеобразным обоснованием решения отложить рождение ребенка на более поздний срок. Таким образом, в настоящее время традиционная форма совместной жизни – семья, основанная на браке, сохраняется в сознании студентов Беларуси как нормативная. Однако большинством современных студентов данное условие воспринимается скорее как желательное, что характеризует трансформацию общественных ценностей, в результате которой молодые люди допускают длительные внебрачные отношения с партнерами или даже предпочитают гражданский брак юридическому. Сложившаяся ситуация определена либерализацией взглядов в современном обществе на характер половых отношений до брака, в браке и вне брака и изменениями системы ценностей в сфере семейно-брачных отношений.

Сравнительный анализ приоритетности семейных ценностей.

Создание собственной семьи традиционно рассматривается обществом как переход к взрослой жизни, а для молодых людей данное решение предполагает готовность вступить в отношения партнерства, самостоятельно вести домашнее хозяйство и, наконец, принять на себя роль родителя. Характер и успешность исполнения новых ролей во многом будет зависеть от того, каковы ожидания молодого человека и его представления о семейной жизни, от степени готовности принять на себя дополнительные обязанности и ответственность. Для анализа характера ценностно-нормативного регулирования поведения в сфере семейно-брачных отношений в исследовании мы использовали следующие показатели: значимость для семейной жизни различных условий и факторов и представления о гендерно-ролевых отношениях в современной семье.

Высказывая свое мнение относительно того, насколько значимым для семейной жизни является то или иное условие, студенты тем самым определяли приоритетность различных семейных ценностей и конструировали образ «идеальной» семьи. Оценка значимости факторов осуществлялась по трехбалльной порядковой шкале: «является обязательным», «является желательным» и «не имеет значения» (в анкете также был предусмотрен вариант «затрудняюсь ответить»). В ходе анализа на основе полученных данных был рассчитан обобщенный показатель – индекс значимости (желательности) различных факторов для счастливой семейной жизни, его значение представлено в баллах по шкале [0; 1], где «0» означает, что фактор не имеет значения для семейной жизни, «0,5» – является желательным, а «1» – обязательным условием счастливой семейной жизни. Интерпретация значений, которые может принимать данная переменная, следующая:

а) фактором, *не имеющим значения*, считается такой, наличие или отсутствие которого не оказывает существенного влияния на семейную жизнь; индекс социальной значимости принимает значение [0; 0,33] (к таким факторам по мнению студентов относятся единая религиозная вера, происхождение супругов из одного социального слоя и единство политических взглядов с индексами значимости соответственно 0,24; 0,21 и 0,14);

б) *желательным* является такое условие, наличие которого способствует созданию либо сохранению семейных отношений, однако его отсутствие не является поводом для принятия решения об отказе от создания либо сохранения семьи; индекс социальной значимости располагается в интервале [0,34; 0,67] (к этой группе семейных ценностей студенты относят такие факторы как наличие общих друзей, круга общения [индекс социальной значимости 0,52 балла], юридическое оформление супружеских отношений [0,56 балла], возможность проводить время с собственными друзьями или заниматься своим хобби [0,6 балла], совместное ведение домашнего хозяйства [0,66 балла]);

в) *обязательным* является такое условие, без наличия которого семья либо не создается, либо не сохраняется; индекс социальной значимости может принимать значение [0,68; 1] (для студентов это наличие детей [индекс социальной значимости 0,73 балла], обеспеченность жильем [0,75 балла], материальный достаток, бытовой комфорт [0,8 балла], совместное принятие семейных решений [0,82 балла], супружеская верность [0,82 балла], взаимная любовь супругов [0,88 балла], гармоничные сексуальные отношения [0,9 балла], совместное участие супругов в воспитании детей [0,91 балла]).

Помимо этого, каждый третий студент (33,8 %) назвал еще как минимум одно условие счастливой семейной жизни, среди которых чаще всего упоминались доверие, умение и готовность уступать друг другу, уважение прав супруга; взаимная поддержка в трудных ситуациях, а также отдельное от родителей проживание («чтобы не вмешивались и не мешали»), хорошие отношения с родителями супруга/супруги, совместное проживание до брака (пробный брак), церковный брак, венчание. В целом все из представленных условий, с точки зрения вузовской молодежи, имеют высоко актуальное ценностное значение для обеспечения семейной жизни. По мнению большинства студентов не принципиальны для счастья в семейной жизни только единство социального происхождения супругов, их религиозной веры и политических взглядов.

Межличностные отношения в структуре факторов, определяющих качество семейной жизни. В качестве обязательных

современные студенты определяют преимущественно условия морально-психологического и интимно-эмоционального характера, интерпретируемые как любовь, понимание, доверие, уважение, умение и готовность уступать друг другу, взаимная поддержка, а также гармония в сексе и супружеская верность. Сравнительный анализ данных 1998 и 2009 гг. показывает, что сегодня студенты гораздо требовательнее студентов 90-х по отношению к таким характеристикам семейной жизни как совместное принятие супругами семейных решений, а также гармоничные сексуальные отношения и супружеская верность. Сегодня эти условия все чаще переходят из разряда желательных в разряд обязательных, см. Таблицу 2.

Таблица 2 – Динамика показателей значимости для семейной жизни условий морально-психологического и интимно-эмоционального характера, в % от числа опрошенных

Семейные ценности	Год	Распределение ответов на вопрос «Оцените значимость следующих условий для семейной жизни...»			
		является обязательным	является желательным	не имеет значения	затр. ответ.
Взаимопонимание между членами семьи	2009	85,5	12,3	1,3	0,9
	1998	86,4	12,6	0,2	0,8
Взаимная любовь супругов	2009	78,3	18,8	2,3	0,6
	1998	73,3	23,4	1,3	2,0
Гармоничные сексуальные отношения	2009	80,8	17,5	1,3	0,4
	1998	72,4	24,7	0,8	2,1
Супружеская верность	2009	70,0	24,5	3,3	2,2
	1998	55,2	36,1	4,3	4,4
Совместное принятие решений	2009	66,0	31,3	2,3	0,4
	1998	52,3	44,9	1,7	1,1

В ходе исследования дополнительно анализировалось отношение студентов к таким социальным явлениям, влияющим на состояние сферы семейно-брачных отношений, как развод и внебрачные связи. Для этого была использована методика оценки высказываний: респондентам было предложено определить свое мнение по поводу того, можно ли оправдать те или иные действия. Свое отношение нужно было выразить, дав оценку по 10-балльной шкале, где крайние позиции означали, с одной стороны,

что это действие никогда нельзя оправдать, а с другой, что это действие всегда можно оправдать. По результатам опроса, отношение студентов к такому явлению как супружеские измены можно оценить как умеренно отрицательное, а к разводу – как лояльное. Радикальную позицию «никогда нельзя оправдать» в отношении супружеских измен заняли треть студентов (33,3 %), а в отношении разводов лишь 6,5 % . Число сторонников противоположного мнения («всегда можно оправдать») составило соответственно 3,5 % и 24,3 %. Полученные данные для удобства восприятия были преобразованы в шкалу с интервалом [-5; +5], где «-5» означает, что это действие никогда нельзя оправдать, а «+5», что это действие всегда можно оправдать. Ответ «не знаю, затрудняюсь ответить» расценивался как отсутствие четкой позиции и за него присваивался балл «0». Таким образом, знак «-» при оценке означает негативное отношение к какому-либо действию или социальному явлению и олицетворяет область запретного, «0» – нейтральное отношение (отсутствие однозначной оценки), а знак «+» свидетельствует, что некоторое действие воспринимается общественным сознанием как имеющее оправдание, дозволительное в определенной ситуации. *Индекс социальной приемлемости* (ИСП) был рассчитан в баллах.

Оценка уровня нравственного сознания студентов в сфере семейно-брачных отношений по критерию морального оправдания разводов и внебрачных связей показала, что они склонны к оправданию разводов (ИСП «+ 1,06»), а «романы на стороне» у женатых (замужних) людей являются, по их мнению, неприемлемыми (ИСП «- 2,24»).

Мы видим, что довольно строгие требования соблюдения «правил семейной жизни» существуют в сознании современной студенческой молодежи с представлением о допустимости развода, т.е. брак уже не считается неразрывными узами.

Готовность к самостоятельному ведению домашнего хозяйства. Следующую группу семейных ценностей составляют такие факторы, как материальный достаток, бытовой комфорт и обеспеченность жильем. Результаты опроса свидетельствуют, что современные студенты не выдвигают материально-бытовые условия на первый план. Тем не менее, за прошедшее десятилетие значимость данного фактора в их восприятии существенно выросла. Сегодня уже почти 2/3 студентов (62,5 %) считают материальный достаток и бытовой комфорт обязательным условием для нормальной семейной жизни (против 51,0 % в 1998 г.). Результаты сравнительного анализа представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Динамика показателей значимости материально-бытовых условий для семейной жизни, в % от числа опрошенных

Семейные ценности	Год	Является обязательным	Является желательным	Не имеет значения	Не знаю
Материальный достаток, бытовой комфорт	2009	62,5	34,5	1,3	1,7
	1998	51,0	44,7	3,0	1,3

Современные студенты уже не согласны на «рай с милым в шалаше»: 58,0 % молодых людей воспринимают обеспеченность жильем как обязательное, а 34,5 % – как желательное условие создания семьи. Затруднились оценить значимость данного фактора 4,0 %, и только 3,5 % считают его незначимым. Отметим, что наличие жилья в сознании современной студенческой молодежи приобретает большую значимость, чем наличие детей (напомним, что наличие детей считают обязательным условием семейной жизни 55,5 % студентов). С одной стороны, данный факт свидетельствует об ответственном подходе молодежи к принятию на себя роли родителя, с другой – о том, что в настоящее время происходит достаточно интенсивная трансформация жизненных ценностей, и дети уже не занимают в данной иерархии доминирующее положение. Однако, объективная реальность такова, что довольно остро стоящая жилищная проблема способствует тому, что фазы взросления (завершение образования, уход из родительского дома, начало карьеры и создание семьи) нередко «накладываются» друг на друга. Завершение учебы, получение постоянной работы и даже вступление в брак далеко не всегда влекут за собой создание самостоятельного домохозяйства, а сопровождаются проживанием в родительском доме.

Ценностные установки по сохранению личной свободы супругов. Следующую группу семейных ценностей составляют рекреационные и досуговые ценности. Данные исследования свидетельствуют, что сознание современной студенческой молодежи характеризуется достаточно либеральными установками относительно степени личной свободы каждого из супругов в сфере проведения досуга и общения с друзьями, см. Таблицу 4.

Таблица 4 – Показатели значимости для семейной жизни условий, связанных с сохранением личной свободы, в % от числа опрошенных

Семейные ценности	Является обязательным	Является желательным	Не имеет значения	Не знаю
Общие друзья, круг общения	24,0	56,8	16,3	3,0
Возможность проводить время с собственными друзьями или заниматься своим хобби	33,0	54,5	10,3	2,3
Единая религиозная вера	8,3	30,8	56,0	5,0
Происхождение из одного и того же социального слоя	5,8	30,3	60,5	3,5
Единство политических взглядов	2,5	22,3	70,3	5,0

Большинство современных студентов допускают наличие как общих друзей и круга общения, так и собственных друзей у каждого из супругов. Сравнительный анализ значимости различных факторов для счастливой семейной жизни позволяет говорить о наличии тенденции повышения требовательности студенческой молодежи ко всем основным аспектам семейной жизни, см. Рисунок 2. Результаты исследования показывают, что в сознании студентов особо повысилась ценность таких факторов как обязательное наличие детей, общего круга общения и совместное участие супругов в воспитании детей, супружеская верность и совместное принятие супругами семейных решений.

Семейное партнерство и ценностные установки в гендерных отношениях в семье. Происходящие в обществе изменения в немалой степени сказались на ролевых и статусных позициях мужчины и женщины в семье, в повседневной жизни, на их понимании своих прав и обязанностей по отношению друг к другу и детям. Молодое поколение ориентировано на модель семьи, в которой преобладают равноправные гендерные отношения. Так, 43,5 % студенческой молодежи рассматривают совместное ведение домашнего хозяйства обоими супругами в качестве обязательного, а 45,8 % в качестве желательного условия нормальной семейной жизни. Возможно, формированию установки на совместное выполнение супругами домашних обязанностей остальных препятствует долгое проживание молодых людей с

родителями. Сравнительные данные значимости различных факторов для семейной жизни представлены на Рисунке 1.

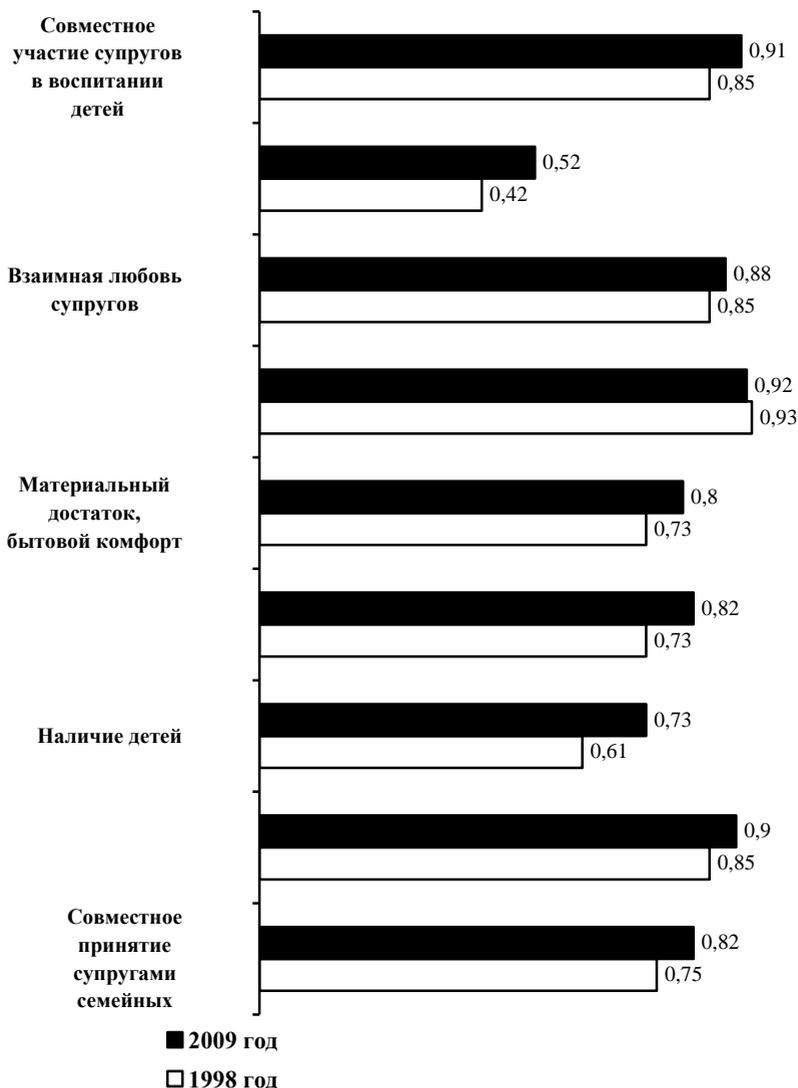

Рисунок 1 – Индексы социальной значимости различных факторов для успешной семейной жизни, в баллах (1998 и 2009 гг.)

Рассмотрим данные исследования, отражающие специфику семейного партнерства во взглядах современного студенчества. Ценностное отношение к гендерным проблемам замерялось с помощью следующих суждений: «быть домохозяйкой – такой же способ реализации себя, как и иметь оплачиваемую работу», «иметь работу – это лучший способ для женщины быть независимой», «и муж, и жена должны вносить материальный вклад в домашнее хозяйство» и «мужчины должны брать на себя столько же обязанностей и ответственности за дом и детей, сколько и женщины».

В ходе опроса студентам было предложено выразить свое согласие или несогласие с этими ценностными утверждениям по 5-балльной шкале. Полученные данные свидетельствуют о явно преобладающей в сознании студентов ориентации на независимость работающей женщины.

Оказалось, что только треть студентов (36,6 %) согласны с традиционно-ценностным суждением (дали ответы «полностью согласен» или «скорее согласен») о полноценности реализации женщины в роли домохозяйки, в то время как разделяющих остальные модернистские утверждения, связанные с преодолением гендерных стереотипов, – подавляющее большинство. Так, одобряют мнение о независимости работающей женщины 78,8 %.

На основе полученных данных был рассчитан *индекс социальной поддержки идей* (ИСПИ), связанных с гендерными отношениями. Индекс рассчитан в баллах и может принимать значение в интервале [-1;1], где «-1» означает абсолютное неприятие, а «+1» – полное согласие с предложенным утверждением.

Индексы социальной поддержки идей, связанных с гендерными стереотипами, в баллах по шкале [-1;1]:

«быть домохозяйкой – такой же способ реализации себя, как и иметь оплачиваемую работу» (*значение ИСПИ « - 0,19»*);

«иметь работу – это лучший способ для женщины быть независимой» (*значение ИСПИ «+ 0,48»*).

Тенденция к усилению ориентации на независимость работающей женщины подтверждается уровнем индекса социальной приемлемости других аспектов гендерных ролей в семье:

«и муж, и жена должны вносить материальный вклад в домашнее хозяйство» (*значение ИСПИ « + 0,62»*);

«мужчины должны брать на себя столько же обязанностей и ответственности за дом и детей, сколько и женщины» (*значение ИСПИ «+ 0,58»*).

По данным исследования 88,0 % студентов согласны с тем, что муж и жена должны вносить одинаковый материальный вклад в домашнее хозяйство, в т.ч. 47,5 % из них полностью согласны и 40,5 % скорее согласны с утверждением о гендерном равенстве в вопросе материального обеспечения семьи.

Оценочное суждение о необходимости равных партнерских обязанностей не только в обеспечении семейного бюджета, но и в ответственности за дом и детей, разделяют 83,3 % студентов.

В социальной группе студентов подавляющее большинство одобряет эгалитарный тип семейных отношений и признает необходимость равного материального вклада супругов в домашнее хозяйство и равной ответственности за дом и детей в целом.

Ориентация студентов (в большинстве только в перспективе готовых к созданию семьи) на равенство в гендерных отношениях свидетельствует о тенденции повышения ответственности молодых людей за благополучие своей семьи.

Таким образом, современная студенческая молодежь достаточно терпима к различным стилям жизни и допускает разнообразие моделей брачного и репродуктивного поведения. Зарегистрированный брак уже не рассматривается молодыми людьми в качестве единственной приемлемой формы супружества, а его расторжение воспринимается как допустимое. Тем не менее, в ценностном сознании современного студенчества традиционная форма брака по-прежнему рассматривается как нормативная. Для современной студенческой молодежи факторы морально-психологического и интимно-эмоционального характера являются более значимыми для брачно-семейных отношений по сравнению с материально-бытовыми и досугово-рекреационными сторонами семейной жизни. В студенческой среде доминирует ориентация на равенство в гендерных отношениях. Представления о семейном союзе базируются на ценностной основе взаимопонимания, любви, верности, совместном участии в решении семейных вопросов. Достаточно высоки показатели значимости такой жизненной ценности как дети, а также безусловное принятие на себя ответственности за благополучие детей и установка на совместное участие в их воспитании. При этом все более очевидными становятся тенденции к индивидуализации, эмансипации и индивидуальной свободе.

В.Л. Ананьев

4.3 Роль информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе инвалидов по зрению

В настоящее время во всем мире, в том числе и в Республике Беларусь, наблюдается устойчивая тенденция к увеличению инвалидизации населения. По оценкам ООН инвалиды составляют до 10 % населения мира. В Республике Беларусь показатель первичной инвалидности в 1986 году составил 42 человека на 1000 населения, а в 1996 — 84,3. Отмечается ежегодное увеличение численности детей-инвалидов. По оценкам исследователей в ближайшее 5-10 лет следует ожидать увеличение числа инвалидов в 2-3 раза [5]. Рост числа инвалидов происходит на фоне постоянно сокращающейся численности населения (с 1991 года в Республике Беларусь наблюдается депопуляция), и увеличения показателей заболеваемости. В связи с этим профилактика и снижение уровня инвалидности населения является одной из приоритетных проблем общества.

Кроме того, одной из важнейших задач социальной политики государства является полноценная социальная реабилитация и формирование достаточной социальной компетенции инвалидов всех категорий и особенно людей имеющих наиболее тяжелую форму инвалидности, к которым можно отнести инвалидов по зрению.

Понятие «социальная компетенция» в нашей стране, как в научной, так и в научно-популярной литературе практически не используется. При рассмотрении проблем инвалидов используется термин «реабилитация инвалидов». В законе Республики Беларусь «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов» [2] реабилитация инвалидов определяется как процесс, целью которого является помощь инвалидам в достижении оптимального физического, интеллектуального, психологического и социального уровня деятельности и поддержания его путем предоставления необходимых средств для расширения независимости инвалида и изменения его жизни. При этом выделены следующие направления реабилитации инвалидов:

- медицинская реабилитация — процесс, направленный на обновление и компенсацию медицинскими и иными средствами функциональных возможностей организма человека, нарушенных по причине врожденных дефектов, перенесения болезней или травм.
- медико-профессиональная реабилитация — процесс восстановления трудоспособности, сочетающий в себе медицинскую

реабилитацию с определением и тренировкой профессионально значимых функций, подбором профессии и адаптации к ней.

- профессиональная реабилитация — система мер по обеспечению инвалиду возможности получения подходящей работы или сохранения старой, а также перемещения по службе (работе) и содействию его интеграции или реинтеграции.

- трудовая реабилитация — процесс трудоустройства инвалида и адаптации его на конкретном рабочем месте.

Термин социальная реабилитация инвалидов включает в себя все упомянутые выше основные направления реабилитации инвалидов, рассматриваемые в совокупности как единый процесс, и социальную компетенцию инвалидов. Таким образом, социальная компетенция инвалидов представляет собой двухсторонний процесс, целью которого является, с одной стороны, формирование у инвалида адекватного социального поведения и отношения к обществу, и, с другой стороны, формирование адекватного отношения и социального поведения общества по отношению к инвалиду. Причем, по значимости обе стороны этого процесса имеют примерно одинаковый вес.

В 2005 году социологами Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета совместно с ООО «Инво – сервис» выполнен научно-исследовательский проект «Актуальные проблемы формирования социальной компетенции детей инвалидов по зрению в Республике Беларусь». Целью данного исследования являлось разработка конкретных предложений по совершенствованию системы социальной реабилитации детей инвалидов по зрению Республики Беларусь. В процессе исследования изучались:

- спектр проблем (общих и специфических) каждой группы детей инвалидов по зрению:

- проблема перехода в Республике Беларусь к системе интегрированного обучения детей инвалидов по зрению;

- эффективность существующей в Республике Беларусь системы социальной реабилитации инвалидов по зрению:

- определить факторы, способствующие успешной медицинской, трудовой и социальной реабилитации молодых инвалидов:

- разработать систему мер для всесторонней и полной реабилитации детей инвалидов по зрению.

- В рамках проекта был проведён сплошной опрос учащихся выпускных классов всех шести специальных школ для детей с

нарушениями зрения Республики Беларусь. Всего было опрошено 132 человека.

Одной из важнейших проблем социальной реабилитации инвалидов, в том числе и инвалидов по зрению, является проблема образования. Без её решения невозможно обеспечить инвалиду достаточно полноценную социальную коммуникацию. Несмотря на наличие ряда серьезных трудностей в системе специального образования, на законодательном уровне проблема образования инвалидов в Республике Беларусь решена достаточно успешно. Подтверждением сказанного является наличие Закона Республики Беларусь «Об образовании лиц с особенностями психофизического развития (специальном образовании)», принятого Парламентом страны в 2004 году.

Современный мировой опыт показывает, что наиболее успешно реабилитация инвалидов, особенно детей-инвалидов, осуществляется в семье. Однако государственная система образования детей-инвалидов по зрению Республики Беларусь ориентирована главным образом не на семью, а на помещение ребёнка-инвалида по зрению в специальное учреждение – специальную школу-интернат. Следует отметить, что в настоящее время в нашем государстве в системе общего среднего образования инвалидов по зрению осуществляется переход к интегрированному обучению путём открытия, в обычных общеобразовательных школах специальных классов интегрированного обучения детей с нарушением зрения. Однако широкого распространения эта форма обучения детей с тяжелыми нарушениями зрения в Республике Беларусь пока не получила. Данные социологического опроса указывают на то, что большинство (70,4%) опрошенных учащихся считают, что у каждого ученика должно быть право выбора в какой школе учиться, сторонниками только интегрированного обучения инвалидов по зрению являлось 9,1% опрошенных, а 13,2% респондентов считали, что инвалиды по зрению должны учиться в специальной школе.

До настоящего времени для большинства инвалидов по зрению действует следующая схема социальной реабилитации: специальная школа — специальное предприятие для инвалидов по зрению. Однако решение проблемы социальной реабилитации указанным способом для самого незрячего или слабовидящего человека является, в большинстве случаев, малопривлекательным. Специальное предприятие предлагает инвалиду по зрению чаще всего работу, характеризующуюся высокой степенью монотонности, не требующую практически никакой интеллектуальной активности работника. Таким образом, полученное инвалидом по зрению в специальной школе общее среднее образование

на специальном предприятии оказывается практически не востребованным.

По данным опроса, почти половина опрошенных (48,5%) нацелена на продолжение образования и получение какой-либо специальности. Значительная часть респондентов (39,4%) пока не определилась со своими жизненными планами, что объясняется тем, что социологический опрос проходил в марте месяце и для принятия окончательного решения у респондентов ещё было время. Кроме того, на окончательный выбор выпускниками школ будущей профессии значительное влияние оказывают результаты сдачи школьных выпускных экзаменов. Данные опроса показывают, что большинство опрошенных ориентируются на получение специальности в гуманитарной сфере, что свидетельствует о достаточно высоком уровне работы по профессиональной ориентации, проводимой с незрячими и слабовидящими учащимися в специальных школах нашей страны. Кроме того, 11,4 % респондентов в будущем видят себя психологами или социальными работниками. Указанное обстоятельство, бесспорно, является положительным, так как мировой опыт показывает, что лучшим реабилитологом для инвалида по зрению является реабилитолог, имеющий такие же проблемы, как и его реабилитант. Таким образом, полученные данные указывают на то, что большинство молодых инвалидов по зрению не считают работу на специальном предприятии оптимальным способом решения проблемы своего трудоустройства.

Однако получение инвалидом профессии не всегда является кардинальным решением проблем его социальной реабилитации, так как получение незрячим человеком качественного профессионального образования порождает новую проблему – трудоустройство по полученной специальности. В этой связи малопривлекательная для инвалида по зрению работа на специальном предприятии является единственным способом решения проблемы его трудоустройства. По данным опроса 15,2 % учащихся реально представляют для себя описанную проблему, отметив, что для них важным критерием при выборе профессии является возможность легко получить работу по специальности. При этом указанный критерий стоит на втором месте после привлекательности профессии (18,2 % респондентов). Поэтому основным направлением совершенствования системы образования инвалидов по зрению является кардинальное решение проблемы интеграции незрячих в общество. Однако на пути решения указанной выше проблемы встаёт серьёзный барьер.

Каждый человек более 70 % информации об окружающей среде получает посредством зрения. Исходя из этого, инвалид, полностью или

частично лишённый зрения, относится к категории людей с наивысшей степенью ограниченности своей мобильности. Таким образом, в процессе получения инвалидом по зрению образования и в его будущей трудовой деятельности главной проблемой является самостоятельный доступ к визуальной информации, прежде всего – к информации в виде печатных изданий, что требует привлечение значительных, прежде всего, финансовых ресурсов.

Отмеченная проблема имеет два пути решения: переиздание обычных печатных изданий, напечатанных специальным рельефно-точечным шрифтом для незрячих, созданным французским незрячим Луи Брайлем, и создание так называемых «говорящих книг» – фонограмм с записью читаемых диктором текстами печатных изданий. Однако решение проблемы ограниченности самостоятельной работы незрячих с печатными изданиями указанными выше путями осложняется высокой стоимостью и относительно низкой оперативностью процессов выпуска книг, напечатанных шрифтом Брайля (весьма громоздких и недолговечных), и создания «говорящих книг» голосом диктора. Кроме того, записанные голосом диктора «говорящие книги» ввиду отсутствия у них поисковой системы отдельного участка текста малопригодны для фрагментарного чтения. Последнее особенно важно при работе незрячего с учебной и справочно-информационной литературой.

Отмеченные выше недостатки «озвученной литературы» и литературы, напечатанной шрифтом Брайля, а также потребность данной литературы в относительно небольших количествах, делают процесс её выпуска для производителей экономически малопривлекательным. Практическим подтверждением сказанному является тот факт, что в настоящее время в Республике Беларусь не издана шрифтом Брайля вся необходимая номенклатура школьных учебников и полностью отсутствуют «озвученные» школьные учебники и учебные пособия.

В настоящее время в нашей республике осуществляется повсеместное внедрение в процесс обучения школьников, в том числе и школьников-инвалидов, информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Однако для инвалидов по зрению этот процесс сопряжён с двумя трудностями: отсутствием достаточного количества специального оборудования – специальных дисплеев, выводящих информацию шрифтом Брайля ввиду их высокой стоимости и специального программного обеспечения. Кроме того практически отсутствуют специально подготовленные электронные учебники для незрячих школьников.

Современный уровень развития компьютерной техники и достижения белорусских учёных в области компьютерного синтеза речи

позволяют решать на достаточно высоком уровне проблему обеспечения самостоятельного доступа незрячего к информации, содержащейся в печатных изданиях. Таким образом, для успешного внедрения информационно-коммуникационных технологий в систему образования инвалидов по зрению необходимо создание компьютерных программ, по принципу работы максимально приближенных к работе аналогичных по функциям программ для зрячих пользователей компьютеров, а также разработать алгоритмы, позволяющие при минимальных затратах труда и времени создавать электронные книги для инвалидов по зрению.

За рубежом работы по созданию говорящих компьютерных программ для незрячих с использованием синтеза речи начались в конце 70-х годов. В Республике Беларусь аналогичные работы были начаты в 1989 году в Лаборатории синтеза и распознавания речи Института технической кибернетики Академии наук Республики Беларусь, руководителем работ являлся кандидат психологических наук Г.В. Лосик.

Разработка программного обеспечения для работы незрячих пользователей с текстами велась в направлении создания и последующего совершенствования так называемых «скрин-ридеров» (чтецов экрана) – программ поддержки экранного доступа. В начале 90-х годов группой Г.В. Лосика была создана программа экранного доступа «Эхо поиска», работающая в операционной системе MS DOS. Однако в связи с повсеместным переходом на использование в ПЭВМ операционной системы MS Windows и появлением на территории нашей страны аналогичной по функциям программы JAWS компании Freedom Scientific (США), работающей под управлением операционной системы MS Windows, работы по созданию отечественных программ для незрячих были практически прекращены в 2000 году.

Начиная с середины 2003 года в ООО «Инво – сервис» были начаты теоретические и практические работы по разработке специальной технологии создания электронных «озвученных» книг для незрячих людей. В основу работы положены авторские идеи руководителя работ, инвалида по зрению В.Л. Ананьева.

Основной целью работ являлось совершенствование учебного процесса в специальных общеобразовательных школах для детей с нарушениями зрения и других учебных заведениях, обучающих инвалидов по зрению, на основе разработанной новой технологии создания озвученной электронной литературы.

Как уже отмечалось выше, в настоящее время для незрячих издаются озвученные книги путем чтения диктором и записи его речи на компакт-кассеты. При Белорусском товариществе инвалидов по зрению

для этих целей существует специальная студия звукозаписи. Однако такой способ имеет ряд серьезных недостатков.

Во-первых, озвученная книга для незрячих людей на кассете является очень дорогой и ее производство довольно длительный процесс. Оперативно выпускать таким образом ежедневные «говорящие газеты» практически невозможно и экономически нецелесообразно.

Во-вторых, незрячие пользователи не могут быстро найти нужный участок информации (главу, параграф, абзац); отсутствует информация о том, какое именно месте текста в настоящее время читается.

Кроме чтения диктором, существует еще один способ озвучивания книг — использование так называемой «читающей машины» (компьютер с синтезатором речи + сканер). В настоящее время такой аппарат под названием «Книголюб», стоимостью в несколько тысяч евро серийно выпускается немецкой фирмой Баум Электроник. Данный способ позволяет, в принципе, самому незрячему «читать» обычные книги, но при этом в «читающей машине» также нет системы поиска. Ориентируясь на ошупь, незрячий самостоятельно сможет положить книгу на сканирующее устройство и запустить систему, но без посторонней помощи он не сможет быстро открыть книгу на нужной ему странице. Специфической проблемой данного аппарата являются ошибки распознавания изображения при сканировании текста. Кроме того, «читающая машина» сама не сможет правильно интерпретировать отдельные печатные знаки и фразы в тексте: сокращения, указатели на сноски, слова, напечатанные в разрядку и т.д.

Мы предлагаем принципиально новую технологию изготовления озвученной литературы для незрячих людей. Суть состоит в следующем: практически вся печатная продукция в настоящее время изготавливается с применением компьютерной технологии, т.е. каждое печатное издание имеет свой электронный компьютерный вариант, который можно использовать для последующего изготовления из него озвученной книги для незрячих путем специальной обработки текстового файла, включающей следующие компоненты:

- расстановку ударений в словах и фразах текста;
- корректировка текста для его правильного озвучивания (замена сокращений на целые слова, вставка комментариев в текст, и т.д.);
- разметку текста на абзацы, главы для специальной системы быстрого поиска и перехода в любое заданное место текста, а также техническая разметка текста, необходимая для работы синтезатора;
- создание специального электронного оглавления для поиска нужного раздела текста.

Созданная разработчиками издательская система позволяет выпускать электронные говорящие книги из электронных копий, полученных из издательств или от их авторов. При необходимости исходные электронные копии печатных изданий можно получать методом сканирования.

Предлагаемый способ создания электронных печатных говорящих изданий для незрячих полностью свободен от указанных выше недостатков.

Изданные указанным способом электронные книги для незрячих будут иметь специальную систему защиты информации от несанкционированного копирования, что не приведет к их бесконтрольному распространению.

По существу, имеется возможность параллельного выпуска двух печатных изданий: обычной книги и её электронной «говорящей копии» для незрячих. При этом «говорящая копия» не только значительно дешевле, но и появляется значительно раньше своего печатного оригинала.

Интерфейс пользователя программы-чтеца для незрячих построен на основе клавиатуры и звуковой карты. Во время работы программы манипуляторы «мышь» и «джойстик» блокированы.

Компьютерная программа-чтец обеспечивает:

- самостоятельный запуск и завершение программы незрячим;
- самостоятельную настройку незрячим пользователем параметров работы программы
- самостоятельный обзор незрячим имеющихся на магнитном носителе, винчестере или CD текстов книг и выбор нужного текста книги;
- самостоятельный поиск незрячим нужного раздела текста книги и переход к его чтению в любой момент времени работы программы;
- остановку чтения и повтор отдельной, фразы, абзаца текста;
- переход во время чтения в прямом и обратном направлении на фразу, абзац, раздел текста.

Следует отметить, что предложенная технология является оригинальной, не имеющей аналогов в мире. Указанное обстоятельство подтверждается результатами патентного поиска. Авторские права на описанную выше технологию в настоящее время оформляются.

Практическая реализация описанной технологии позволит при незначительных затратах оперативно решать проблему обеспечения инвалидов по зрению озвученной литературой. При этом главная социальная цель предлагаемого проекта — обеспечение инвалидам по

зрению условий для самостоятельного, независимого доступа к законодательству, научной, учебной и справочной литературе, а также к печатным средствам массовой информации.

В дальнейшем предполагается распространить разработанную в ООО «Инво – сервис» технологию издания электронной озвученной литературы за пределами Республики Беларусь, включая разработку соответствующего программного обеспечения с использованием синтезаторов речи языков других стран.

С января 2007 года в специальной школе для детей с нарушением зрения в г. Молодечно Минской обл. на уроках истории и физики, а также при выполнении домашнего задания используются электронные «говорящие» учебники», созданные с использованием описанной технологии. При работе с программой используются понятия: «книга», «содержание книги», «текст книги», «абзац», то есть те понятия, которые используются при работе незрячего с книгой, изданной шрифтом Брайля. Практическое использование программы-чтеца в указанной школе показывает, что ученик, не имеющий специальных навыков работы с компьютером, может достаточно легко и быстро научиться работать программой. В школе работу с описанной программой освоили даже учащиеся с задержкой психического развития.

При содействии ЮНЕСКО по описанной технологии создана электронная «говорящая» библиотека книг по русской литературе, содержащая более 400 произведений.

Список использованных источников

1. Аб саціяльнай абароне інвалідаў у Рэспубліцы Беларусь: Закон Рэспублікі Беларусь. 11 лістапада 1991г. // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. — 1991г. — № 34.
2. О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов: Закон Республики Беларусь. 17 октября 1994г. // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. — 1994г. — № 34. — Арт 564.
3. Актуальные проблемы образования инвалидов в Республике Беларусь. Материалы Международного Форума «Образование для устойчивого развития: на пути к обществу знания» г. Минск 5-6 апреля 2005, Минск 2005г. с 235 - 238
4. Актуальные проблемы социально-трудовой реабилитации инвалидов по зрению. — Минск, “Польмя”, 1991г., 333с.
5. Анализ динамики показателей инвалидности в Республике Беларусь. Информационно-аналитический обзор БелНИЭТИН. — Минск, БелНИЭТИН, 2000г., 95с.
6. The scientific research project “Topical Issues of Social Competence Formation of Visually Handicapped Children in the Republic of Belarus” (Social Competence). ICEVI Europe Chemnitz 2005.

Е.А. Данилова

4.4 Ценностные основы миропонимания современной белорусской молодежи

События последних двадцати лет сформировали современную молодежь более самостоятельной, прагматичной и предприимчивой. Учитывая, что это первое постсоветское поколение, рост и социализация которого происходила в период хаоса, оно в основе своей мало предсказуемо. В условиях системной трансформации постсоветского мира, ценности и жизненные идеалы предшествующих поколений находились в противоречии с меняющейся политической и социально-экономической ситуацией, что способствовало выработке, предпочтительно у молодежи, иной господствующей системы базовых ценностей, и тем самым, как им казалось тогда, наиболее успешно адаптироваться к совершенно новым, только зарождающимся, условиям общественной реальности. Под базовыми ценностями понимаются «основные жизненные смыслы, которыми индивиды, включенные в различные формы социальной активности, руководствуются в своей повседневной жизни, смыслы, которые в значительной степени определяют отношение индивидов к окружающей их действительности и детерминируют основные модели социального поведения» [1, с. 12]. Духовный кризис, разразившийся в период смены эпох, нанес, по точному выражению польского социолога П. Штомпки, социальную травму современному молодому человеку, такой силы и мощности, от которой многие не могут оправиться до сих пор. Ценности старого мира постепенно вытесняются и тихо умирают, но хаос не сумел, да видимо и не мог, породить новой системы ценностей хотя бы по определению. И поэтому будущее оказалось вновь непредсказуемым, так как молодежь – на распутье, она – в настоящем. Молодежь не хочет прошлого, которое ей нарисовала пропаганда распада, но и с настоящим не полностью согласна, так как не она его выбирала и в нем еще не проросла. Не случайно, все больше в литературе это поколение называют «нулевым».

В традиционном и стабильном обществе прошлое предопределяло будущее. Старшее поколение воплощало в себе опыт времени, владело всем комплексом знаний и технологий, культуры, и младшие осваивали их, не сомневаясь в их важности и полезности. Следует отметить, что и в современном обществе молодые люди в некотором роде продолжают ориентироваться на базовые ценности старших. Однако в целом характер преемственности изменился: если прежде молодые люди внимательно вглядывались в «зеркало предков»,

пытаясь предугадать свой жизненный путь, то теперь это отражение не дает чувства реальности. Жизнь строится по новым канонам, лишь отдаленно напоминая старшим об их молодости, а молодым уже не дает необходимых ориентиров [5, с. 297–298]. Изменения в ценностном сознании молодежи продолжаются и сегодня, и связаны они, прежде всего, с трансформационными процессами, происходящими на постсоветском пространстве. А.Н. Данилов считает, что «трансформацию, охватившую страны Центральной и Восточной Европы, можно определить как системную, затрагивающую весь спектр общественной жизни, политику, экономику и социальную структуры, духовную жизнь» [3, с. 10]. П. Штомпка под трансформацией понимает такой социальный процесс, «когда помимо количественных наблюдаются и базовые качественные изменения» [8, с. 39]. По поводу последних он отмечал, что это может быть изменение структуры, сопровождаемое существенной модификацией всей сети взаимосвязей ее элементов в социальной системе или в социально-культурном поле, и изменение функций с важной модификацией в действиях системы или поля. Такие сдвиги затрагивают основу социальной реальности, т.к. их отзвуки обычно чувствуются во всех сферах социальной жизни, трансформируют ее важнейшее, сущностное качество [8, с. 39–40].

Социальное становление современного молодого поколения белорусов осуществляется в контексте изменений в экономике, политике и культуре. Поэтому неудивительно, что общая система ценностных ориентаций современной белорусской молодежи в некоторой степени отличается от жизненных идеалов всего населения. Для сравнения базовых ценностей всего населения и молодежи (18-30 лет) как особой социально-демографической группы был применен комплексный индекс, который строится на базе данных¹, полученных из ответов на вопрос инструментария: «Насколько важно (очень важно, скорее важно, скорее не важно, совсем не важно) в Вашей жизни следующее: работа, семья, друзья и знакомые, досуг, политика, религия?». Индекс рассчитывался по формуле 1:

¹ Эмпирическую базу статьи составляют данные опросов, проводимых в Беларуси по национальной репрезентативной выборке. Первое исследование осуществлялось в рамках проекта «Исследование мировых ценностей» (The World Values Survey) Институтом социологии НАН Беларуси в 1990 г. Второе и третье социологические исследования – в рамках проекта «Исследование европейских ценностей» (The European Values Study) Центром социологических и политических исследований БГУ в 2000 и 2008 гг. (с участием автора).

$$I = \frac{A(1) + B(0,5) + B(-0,5) + \Gamma(-1)}{H} \quad (1),$$

где I – комплексный индекс; А, Б, В, Г – число респондентов, избравших соответствующий вариант ответа (А – очень важно, Б – скорее важно, В – скорее не важно, Г – совсем не важно); 1; 0,5; -0,5; -1 – условные корректирующие коэффициенты; Н – общее число респондентов. Следует отметить, что данный индекс исчисляется по предложенной системе в интервале от «-1» – отсутствие важности до «1» – наивысшая ценность.

Данные таблицы 1 иллюстрируют полученные комплексные индексы, на основе которых можно отметить, что для молодежи Беларуси характерна тенденция роста значимости работы при сохранении высокой значимости семьи, а также друзей и досуга: данные ценности входят в число доминирующих. Ценность семьи является преобладающей для белорусов всех возрастов на протяжении почти двух десятилетий; семейное благополучие является неременным условием и важнейшей составляющей счастливой жизни каждого человека, вместе с тем семья играет особую роль в общественном развитии социума, выполняя специфические социальные функции, присущие только ей – репродуктивную, первичной социализации детей. Кроме того, семья формирует базовые ценностные ориентации и установки ребенка, дает чувство единства, безопасности, организует отдых и досуг, создает особый внутрисемейный микроклимат, обеспечивает психологическую и экономическую поддержку членам семьи.

Таблица 1 – Динамика базовых ценностей молодежи и населения Республики Беларусь

Базовые ценности	1990 г.		2000 г.		2008 г.	
	Население в целом	Молодежь	Население в целом	Молодежь	Население в целом	Молодежь
Семья	+0,83	+0,80	+0,85	+0,85	+0,88	+0,87
Работа	+0,59	+0,42	+0,55	+0,63	+0,63	+0,68
Друзья и знакомые	+0,47	+0,50	+0,41	+0,58	+0,53	+0,63
Досуг	+0,41	+0,47	+0,26	+0,51	+0,38	+0,48
Религия	-0,24	-0,42	-0,09	-0,26	+0,04	-0,10
Политика	-0,12	-0,29	-0,30	-0,31	-0,19	-0,21

Социальные, экономические и политические преобразования в обществе последних десятилетий тесно связаны с изменениями в брачно-

семейных отношениях, выражающиеся, прежде всего, в широком распространении совместного проживания как альтернативы официальному союзу, снижении числа зарегистрированных браков, в относительно высоком уровне разводов, увеличении количества неполных семей, в относительно низкой ожидаемой продолжительности жизни, причем для мужчин данный показатель примерно на 10 лет меньше, чем для женщин. Эти изменения имеют различные причины: одни связаны с распространением общемировых (прежде всего европейских) ориентаций в брачно-семейной сфере, другие – экономическими, политическими и социальными трансформациями нашего общества. Несмотря на данные негативные демографические тенденции, ценность семьи является перманентной. Кроме того, большинство представителей молодого поколения не считают, что брак является устаревшим социальным институтам.

Одну из лидирующих позиций в иерархии ценностных приоритетов молодежи всегда занимала работа и ее значимость увеличивается, поскольку именно трудовая деятельность позволяет человеку реализовать свой потенциал, раскрыть свои таланты, а также обеспечить определенный материальный достаток. И если в 1990 г. население Беларуси оценивало ценность работы выше, чем молодые люди, то в 2000 г., и 2008 г. наблюдается противоположная тенденция. В современных социально-экономических условиях на первую позицию в иерархии мотивов выбора места работы молодые люди по-прежнему ставят высокую заработную плату, при этом примерно треть молодых людей считает унизительным получать деньги, которые не заработал. Возросла значимость перспективной работы, на которой можно чего-то достичь. Немаловажными, по-прежнему, остаются удобный режим работы и большой отпуск. Проявление индивидуализма в мотивации трудовой деятельности выражается в относительно невысокой значимости полезности работы для общества, однако численность представителей молодого поколения, думающих, что работа – долг каждого по отношению к обществу, увеличивается (44 % в 2000 г., 50 % в 2008 г.). Современная молодежь постепенно приходит к осознанию того, что они сами строят свою жизнь, свой уровень дохода, и если что-то не получается, то в этом виноваты, прежде всего, они сами. Белорусская молодежь старается в большинстве своем сочетать две основные ориентации в мотивационной структуре трудовой деятельности: материальную и творческую. Таким образом, для белорусской молодежи ценность работы является одной из важнейших, несмотря на то, что может проявляться в элементах различных аксиологических структур: терминальные ценности интересной, творческой работы и когда она

выступает средством достижения материального благополучия. Эти ориентации, сформированные под влиянием определенных условий социальной среды, детерминируют поведенческие практики молодежи, оказывая существенное влияние на мотивацию получения образования и выбора той или иной профессии. Современная молодежь рассчитывает на свои силы, так как в основном полагает, что материальное положение человека зависит, прежде всего, от самого человека.

Досуг и общение с друзьями и знакомыми занимают важное место в системе базовых ценностей молодежи. При этом ценность досуга и друзей население в целом оценивает ниже, чем молодые люди, что может быть связано с необходимостью больше времени уделять работе, обеспечивая материальное благополучие себе и своей семье. Кроме того, молодежь отличается большей независимостью взглядов, индивидуализацией ценностей, чем другие возрастные группы. В социологическом исследовании 2008 г. респондентам предлагалось оценить значимость каждого представленного вида досуга (встречаться с приятными людьми; отдыхать; делать то, что хочется; узнавать что-нибудь новое), который определялся как время, проводимое не за оплачиваемой работой или работой по дому. В результате в структуре свободного времени большинства молодых людей нашлось место для всех предлагаемых видов досуга: отдыхать важно для 95 % опрошенных, встречаться с приятными людьми – для 95 %, делать то, что хочется – для 90 % и узнавать что-нибудь новое – для 88 %.

Тенденция роста ценности религии для всего населения также характерна и для молодых людей, однако она не столь значительна. Рост религиозности среди молодежи на рубеже 1990-х гг. явился следствием радикальной трансформации социально-экономической, политической, духовно-нравственной, культурной общественной жизни белорусского социума. Религия была объективно востребована частью молодежи в качестве необходимого элемента процесса ее социализации. Для значительного числа молодых людей религия, прежде всего, явилась своеобразным компенсатором социальных и духовных потрясений, обрушившихся на молодежь в начале 1990-х гг. Вместе с тем «ренессансу религии» среди молодежи сопутствуют такие внерелигиозные понятия, как мода, псевдорелигиозность. Число молодых верующих действительно значительно увеличилось за последние двадцать лет, однако следует отметить, что их вера слабоинституциализирована, носит внецерковный характер и в ряде случаев сопровождается значительным ростом квазирелигиозных верований среди молодежи [6, с. 203–204]. В переходный период, когда люди нуждаются во взаимопонимании, диалоге, психологической защите, религия, выполняя

мировоззренческую, регулятивную, компенсаторную, интегрирующую функции, является той силой, которая помогает молодому поколению социализироваться, приобщиться к культурно-историческому миру своих предков, почувствовать свою сопричастность к духовному наследию общества. Следовательно, религия, прежде всего для молодежи является скорее своеобразной культурной традицией, связывающей несколько поколений, выражающаяся в духовном единстве людей. В связи с этим, в формировании отношения к религии немаловажное значение имеет семья, воспитывающая ребенка в соответствии с определенным религиозным мировоззрением. Так, уменьшается число молодых людей, которые практически никогда не посещали богослужения в возрасте 12 лет: в 1990 г. их было 55 %, в 2000 г. – 51 %, в 2008 г. – 33 %. Тем не менее, уровень трансляции религиозных норм в процессе семейного воспитания в целом крайне низок: на протяжении последних двадцати лет значимость религиозности как одного из качеств, развитие которых у детей обязательно должно поощряться дома, растет, хотя и составляет менее 10 %.

Возвращение к традиционным ценностям белорусского народа является одной из детерминант нравственного состояния нашего общества. При этом установки, составлявшие сердцевину традиционной нравственности, зачастую получают в наше время не традиционную, а модерную, а то и постмодерную интерпретацию, что возможно приведет к реставрации традиционных ценностей внутри принципиально новых способов нравственной регуляции. Мораль современной молодежи может рассматриваться как модель, позволяющая изучать природу этих инноваций при сохранении преемственности в развитии нравственной культуры белорусского общества [2, с. 76]. Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что уровень нравственности и число законопослушных граждан среди белорусской молодежи были самыми высокими в 1990 году, далее морально-этические и некоторые правовые установки личности постепенно понижаются. И если существование абсолютно четкой границы между тем, что есть Добро и Зло, которая относится к каждому человеку, к любым обстоятельствам, в 1990 г. отметили 26 %, то в 2000 г. – 17 %, в 2008 г. – 18 %. В 1990 г. 6 % молодежи были уверены, что определение этих понятий полностью зависит от сложившихся обстоятельств, а в 2000 г. их стало 72 %, в 2008 г. – 48 %. Несмотря на положительную тенденцию в 2008 г. по сравнению с 2000 г., в современном белорусском обществе постепенно размываются границы между фундаментальными понятиями Добра и Зла, и одни и те же поступки при разных обстоятельствах могут иметь совершенно противоположные оценки.

На начальном этапе трансформации мнение молодых людей по поводу неправомερных действий было более осуждающее, нежели на современном этапе. Тем не менее, относительно таких позиций, как получение взяток, уклонение от налогов, проституция, эвтаназия, происходит постепенный возврат к низкому уровню морального оправдания соответствующих действий 1990 года. Следует отметить, что выросло количество молодых людей, считающих невозможным оправдать самоубийство и аборт, что может быть связано с ростом значимости церкви и распространения ее влияния, а также с просветительской деятельностью, в том числе и посредством СМИ, по поводу отказа от прерывания беременности.

Ценность политической сферы жизнедеятельности общества занимает далеко не лидирующую позицию в системе аксиологических приоритетов, как молодежи, так и населения в целом. Около половины представителей молодого поколения не интересуется политикой. Кроме того, в политических партиях или группах по данным двух социологических опросов (2000, 2008 гг.) состоят менее 2 % молодых людей. Из всех существующих типов политических систем наиболее предпочтительной для нашей страны, по мнению большинства молодых людей, является демократия. Половина представителей молодого поколения, по данным двух социологических опросов, считают, что демократия способна поддержать порядок в стране, а также она способствует хорошей работе экономической системы. В целом можно отметить тенденцию роста удовлетворенности тем, как развивается демократия в Республике Беларусь: с 17 % (2000 г.) до 44 % (2008 г.).

Доверительное и терпимое отношение к различным группам людей является показателем благополучия любого общества. Постепенно растет степень доверия молодежи к другим людям: в 1990 г. число молодых людей, считающих, что большинству людей можно доверять составляло 26 %, а в 2008 г. – 34 %. Среди своих соседей молодежь не хотела бы видеть, прежде всего, людей ведущих антисоциальный образ жизни (алкоголиков, наркоманов), с криминальным прошлым и эмоционально неустойчивых, причем эти категории граждан не пользовались доверием ни в 1990 г., ни в 2008 г. В целом, мнение о том, что большинству людей нельзя доверять, поддерживают все меньше представителей молодого поколения, однако, в 2008 г. их было примерно половина.

Несмотря на то, что традиционные представления в основном не согласуются с теми, которые большинство людей усваивает сегодня как посредством формального образования, так и на основе своего повседневного опыта, однако основополагающие вопросы, касающиеся

целей и смысла жизни, остаются и останутся неизменными [4, с. 260]. Сложность процесса модернизации, направленного во многом на обрыв традиции и новую жизнь общества, будто написанную на чистом листе, а главное невозможность достижения этого на практике привела к размышлениям о возможности совмещения модернизации с традицией для превращения процесса развития в менее болезненный, а общества в менее расколотое и приспособленное для жизни [7, с. 181]. Поэтому неудивительно, что в ценностной системе современных молодых людей существуют альтернативные ценности, что свидетельствует о формировании творческой личности, способной выходить за установленные рамки, посредством ее открытости инновациям и способности к генерированию качественно новых идей. Молодежи свойственны и духовно-нравственные, и сугубо прагматичные, материальные жизненные цели, терминальные (семья, дружба, интересная работа) и инструментальные ценности (трудолюбие, ответственность, хорошие манеры, терпимость). Кроме того, именно амбивалентность модели ценностей современного молодого поколения белорусов является важнейшим фактором адаптации к социокультурной трансформации, когда в постоянно изменяющихся социальных условиях необходимы совершенно разные, порой противоположные ценности.

Система ценностей современной молодежи способна воплотить в жизнь позитивный потенциал совершенно противоположных ценностных структур, соединить наиболее приемлемые ценностные установки, сформированные в советское время и до него, с общемировыми и европейскими ориентациями. Сегодня молодые люди находятся в уникальной ситуации, когда плюрализм, мобильность и многосложность ценностно-нормативной структуры общества способствует выработке специфических индивидуальных жизненных программ и трансформированию с их помощью постоянно изменяющейся социальной реальности. Таким образом, роль молодежи в условиях системных изменений всех сфер жизнедеятельности общества потенциально высока, поскольку от того, какие жизненные ценности и идеалы, будут у нее сформированы, во многом зависит дальнейшее социально-политическое, экономическое и культурное развитие страны.

Список использованных источников

1. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. – 448 с.
2. Беляева, Е.В. Мораль современной молодежи: от традиционализма к постмодерну / Е.В. Беляева // Социология. – 2008. – № 4. – С. 70–76.

3. Данилов, А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации / А.Н. Данилов. – Мн.: Універсітэцкае, 1997. – 431 с.
4. Заславская, Т.И. Постсоциалистический трансформационный процесс в России / Т.И. Заславская // Вестн. Рос. гуманит. науч. фонда. – 1998. – № 3. – С. 132–147.
5. Инглегарт, Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе / Р. Инглегарт // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999. – С. 245–260.
6. Лисовский, В.Т. О молодежи и молодежной политике. В 2-х т. / Под общей ред. А.А. Козлова. – СПб.: ХИМИЗДАТ, 2005. – Т. I. – 312 с.
7. Сапелкин, Е.П. Молодежная политика в Республике Беларусь: Системный анализ: Монография / Е.П. Сапелкин. – Мн.: УП «Технопринт», 2004. – 286 с.
8. Федотова, В.Г. Хорошее общество / В.Г. Федотова. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.
9. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка; под ред. проф. В.А. Ядова: Пер. с англ. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 223 с.

О.В. Иванюто

4.5 Подростки Чернобыля: что изменилось в их жизни?

Авария, произошедшая на Чернобыльской атомной станции 26 апреля 1986 года, изменила жизнь миллионов людей. На протяжении последних двадцати лет население пострадавших районов Беларуси, России, Украины живет в условиях радиоактивного загрязнения окружающей среды. С момента аварии на Чернобыльской АЭС, несмотря на все принятые меры, сохраняется достаточно много проблем, порожденных катастрофой. Катастрофа повлекла за собой целый ряд последствий, требующих от государств, которые она затронула проведения государственной политики, ориентированной на защиту здоровья пострадавших людей, обеспечивающей условия для нормальной жизнедеятельности населения, проживающего на загрязненных территориях, снижение и преодоление социально-психологических, экономических и экологических последствий катастрофы.

Время стирает в памяти наиболее острые моменты. Возможно, некоторым людям, не столкнувшимся с этой бедой, кажется, что проблема Чернобыля утратила свою актуальность. Однако, население, проживающее в зоне радиоактивного загрязнения, и сегодня ощущает на себе последствия катастрофы. На загрязненных территориях живут дети, которые находятся в особых условиях, определяющих их образ жизни. К таким условиям относятся: общее ухудшение состояния здоровья и рост детской заболеваемости; изменение традиционного уклада жизни семей; сужение возможностей социально-профессионального самоопределения молодежи и др.

Социологические исследования, посвященные изучению воздействия экологической и социальной среды на самочувствие детей, проживающих на территориях, пострадавших от аварии на ЧАЭС, проведенные в 1991 и 2005 гг. позволяют сравнить оценки некоторых сторон жизни старшеклассников этих двух поколений.

В октябре-ноябре 1991 года социологами Белгосуниверситета было проведено социологическое исследование, объектом изучения стали подростки, проживающие в загрязненных зонах Беларуси, России и Украины с 9-12-летнего возраста. Было опрошено 726 школьников 9-11 классов, проживающих в пострадавших районах.

В сентябре 2005 года проведено повторное социологическое исследование по аналогичной выборке (объемом 600 человек), опрашивались также учащиеся 9-11 классов, т. е. дети, которые родились уже после аварии на ЧАЭС.

Сбор социологической информации проводился методом группового анкетирования в школах, находящихся в районах радиоактивного загрязнения Гомельской области (Беларусь), Брянской области (России), Черниговской области (Украина).

Исследования 1991 и 2005 годов были посвящены изучению следующих проблем: состояние здоровья подростков (самооценки и самоощущения), организация оздоровительного отдыха; социальная среда обитания и планы на будущее подростков, проживающих на территориях, пострадавших от аварии на ЧАЭС.

Состояние здоровья детей – залог их общего самочувствия и высшая ценность общества. Следует отметить, что важны не только объективные медицинские показания, но и самооценки, ощущения самих детей, обыденность их физического состояния. По мнению самих детей, их родителей больше всего тревожит состояние здоровья членов семьи, об этом заявили около 80% подростков в каждой из трех стран. Как чувствуют себя дети, проживающие в загрязненных районах?

Судя по ответам школьников в 2005 году, каждый третий подросток из Беларуси и России, а в Украине – каждый пятый, чувствуют себя практически здоровыми. Современные подростки чувствуют себя лучше (в среднем на 10%), чем подростки, принявшие участие в опросе в 1991 году, см. Рисунок 1

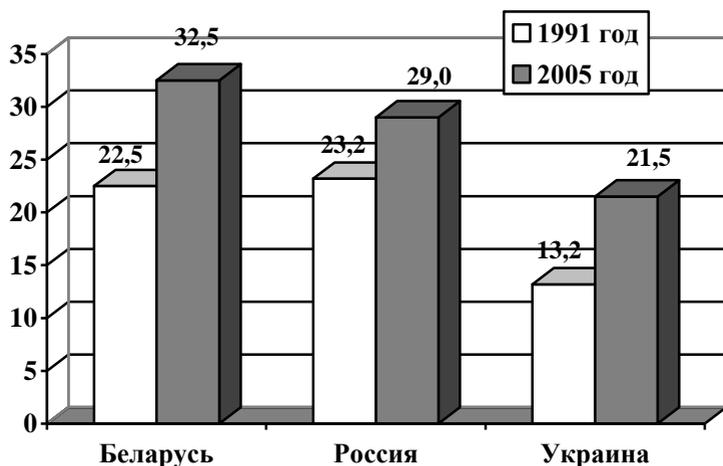

Рисунок 1 – Число подростков, которые считают себя практически здоровыми, в %

Около половины респондентов указали, что у них бывают временные расстройства здоровья (простуды и т. п.), причем количество таких детей незначительно возросло с 1991 по 2005 год (в среднем на 5%). Каждый десятый школьник в России и Украине и 7% респондентов в Беларуси, принявших участие в опросе 2005 года, указали, что у них бывают затяжные простудные, инфекционные болезни, около 10% школьников в Беларуси и России и 16,5% в Украине отметили, что они имеют хроническое заболевание. Примерно такая же ситуация со здоровьем детей была и в 1991 году, в Беларуси и России. В Украине несколько иная картина: наметилась тенденция к увеличению числа хронических заболеваний у подростков, см. Таблицу 1.

Таблица 1 – Оценки подростками состояния собственного здоровья, в %

Показатели состояния здоровья	Беларусь		Россия		Украина	
	1991	2005	1991	2005	1991	2005
Бывают временные расстройства здоровья (простуды и т.п.)	44,7	49,5	47,2	52,0	49,4	54,5
Бывают затяжные простудные, инфекционные и другие болезни	9,4	7,0	8,6	10,5	17,0	10,5
У меня хроническое заболевание(я).	13,2	9,5	12,5	11,5	9,4	16,5
Я имею инвалидность	0,4	2,0	0,4	0,5	0,0	1,0
Затрудняюсь ответить	8,5	0	7,7	0	8,5	0

Кроме легких простуд и инфекций у многих школьников обычными являются головные боли, об этом сказали чуть более трети опрошенных школьников в Беларуси и России и почти половина (47%) украинских подростков. Беспокоит детей также быстрая утомляемость от учебных и физических нагрузок, головокружения, слабость, см. Таблицу 2.

Таблица 2 – Недомогания, обычные для подростков, в %

	Беларусь		Россия		Украина	
	1991	2005	1991	2005	1991	2005
Быстрая утомляемость от физических, учебных и других нагрузок	24,3	17,5	23,2	22,0	29,8	27,5
Слабость	15,7	13,5	15,9	16,5	22,9	26,0
Головокружение	15,7	11,0	15,5	15,0	9,8	21,0

Как свидетельствуют данные, приведенные в таблицах 1 и 2, состояние здоровья украинских подростков, проживающих на загрязненных территориях, несколько хуже, чем у их сверстников в России и Беларуси.

Следует подчеркнуть, что во всех трех странах большинство подростков отмечают наличие у себя тех или иных заболеваний: в России и Украине около 60% детей, которые на протяжении года болели два раза и более, в Беларуси таких детей почти половина, см. Рисунок 2.

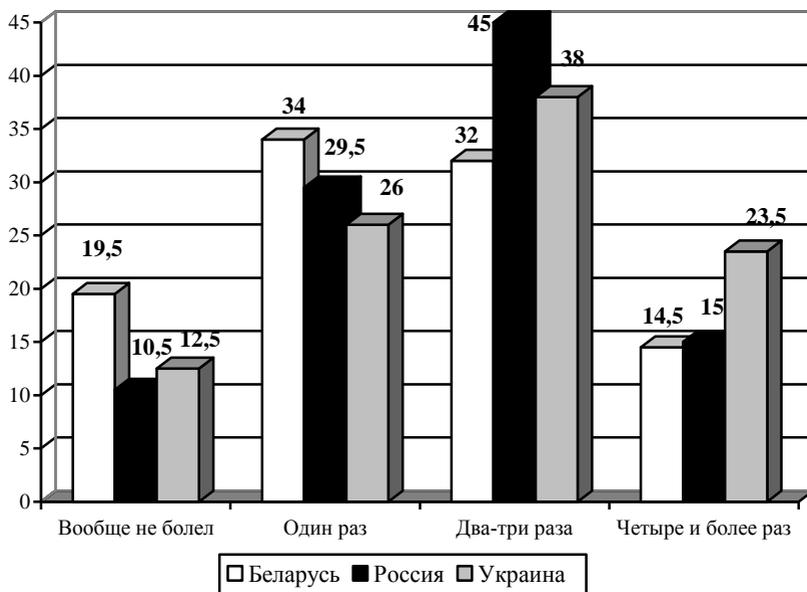

Рисунок 2 – Уровень заболеваемости подростков (по самооценкам) за последний год, 2005 год, в %

В условиях неблагоприятного экологического воздействия и сохранения высокого уровня заболеваемости, актуальной является организация оздоровительного отдыха детей. Практика организации оздоровительного отдыха для детей из пострадавших районов возникла в первые годы после аварии и осуществляется на протяжении 20 лет. Так, в Беларуси – большинство подростков поправляют свое здоровье не менее одного раза в год в санаториях, домах отдыха, оздоровительных лагерях и центрах, см. Рисунок 3.

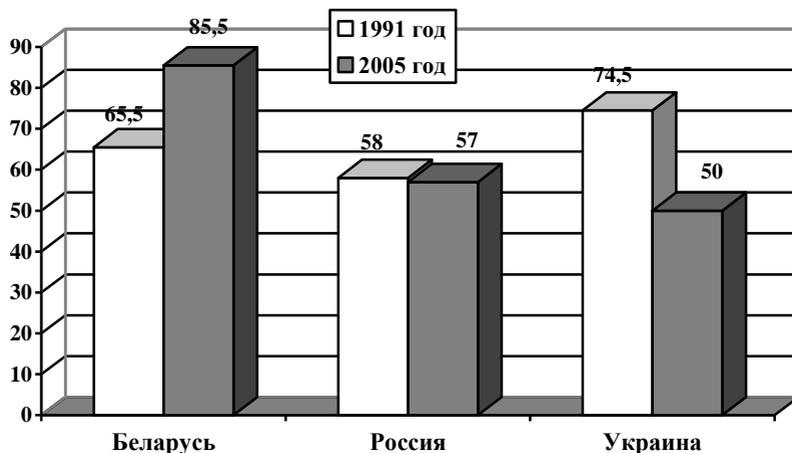

Рисунок 3 – Число подростков, которые выезжали на оздоровление за пределы своего места жительства 1-2 раза в год, в %

По данным опроса 2005 года около трети украинских и российских подростков, и 12,0% подростков в Беларуси указали, что они выезжают отдыхать реже, чем раз в год, лишь каждый десятый подросток в Украине и в России, и 2,5% – в Беларуси, никогда не выезжали на оздоровление за пределы своего места жительства.

Показателями качества и эффективности организации оздоровительного отдыха детей из Чернобыльской зоны в экологически чистых регионах являются его массовость, регулярность, а также самочувствие детей после отдыха. Как видно на графике, см. Рисунок 3, в Беларуси увеличилось количество подростков, которые выезжают на оздоровление, по сравнению с периодом 20-летней давности, в Украине уменьшился охват детей оздоровительным отдыхом, в России этот показатель остался на прежнем уровне. В тоже время, если в 1991 году около 60% подростков в каждой из трех стран сказали, что чувствуют себя лучше после оздоровительного отдыха, то в 2005 году таких детей около 80% в России и Украине, и 74,9% – в Беларуси.

Рассмотрим, насколько сами дети удовлетворены медицинским обслуживанием и организацией оздоровительного отдыха в районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению. Результаты исследования показали, что около половины подростков неудовлетворенны качеством медицинского обслуживания, несколько хуже обстоят дела в Украине по сравнению с Россией и Беларусью, см. Рисунок 4.

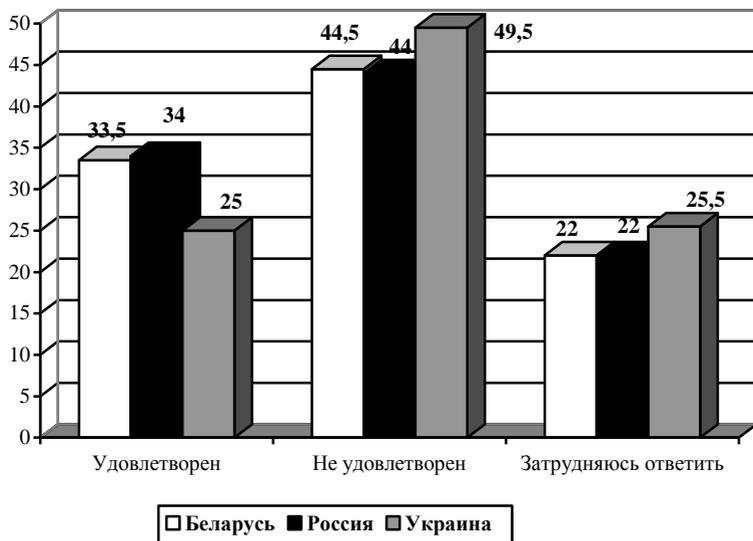

Рисунок 4 – Уровень удовлетворенности медицинским обслуживаем, в %

Оздоровительный отдых организован лучше, по оценкам самих детей, в Беларуси, хуже всего – в Украине, см. Рисунок 5.

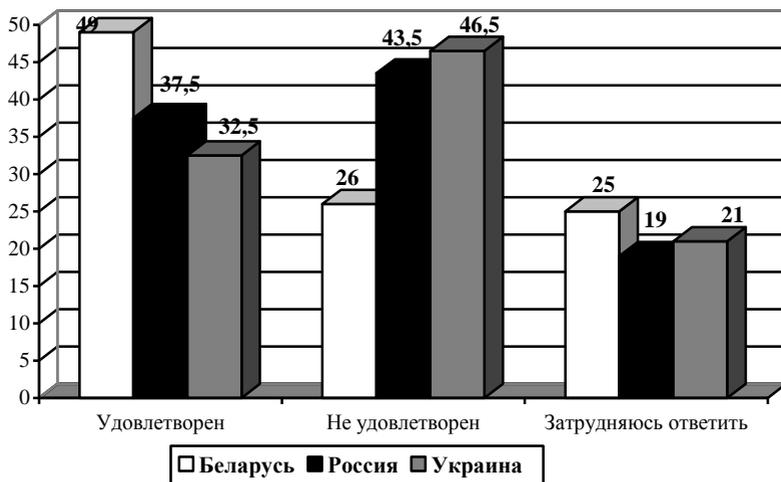

Рисунок 5 – Уровень удовлетворенности организацией оздоровительного отдыха, в %

Как известно подростки находятся в фазе активной первичной социализации, главным агентом которой является семья. Семья является тем социальным фактором, который определяет общее социально-нравственное и эмоционально-психологическое самочувствие личности ребенка. Мир и спокойствие в семье, степень взаимопонимания и сплоченности, общие интересы, материальная обеспеченность и образ жизни семьи являются социальной призмой, сквозь которую преломляются воздействия окружающей среды в широком смысле, на подростка в период его взросления. Как характеризуют семьи, в которых живут сами подростки?

Большинство семей, в которых живут подростки, принявшие участие в опросах 1991 и 2005 годов – это полные семьи, см. Рисунок 6.

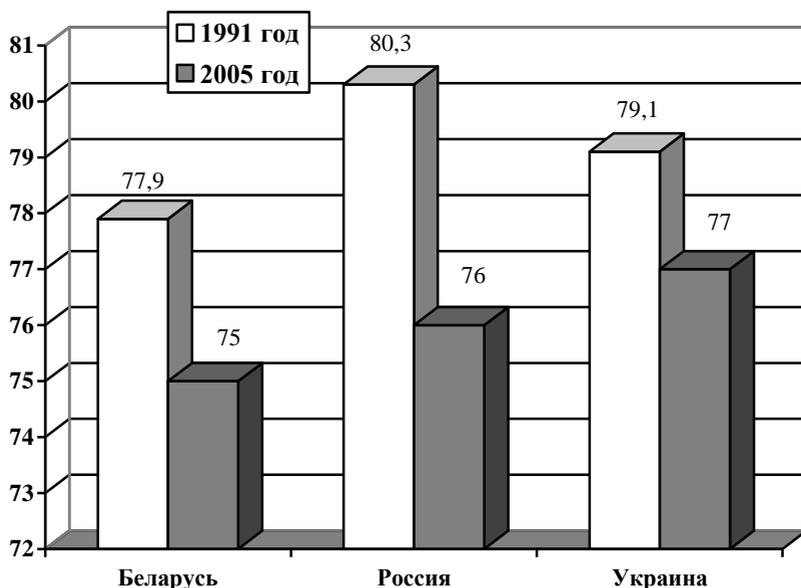

Рисунок 6 – Число подростков, которые живут в полных семьях, в %

Дружными и сплоченными свои семьи называли более половины подростков в 1991 году и три четверти подростков в 2005 году. Уравновешенный, однако, сдержанно-равнодушный характер отношений в семье отмечали от 5% до 10% подростков начала 90-х годов, и 8% подростков в Беларуси и России, а в Украине лишь 3,5% опрошенных по данным 2005 года. Неприязненность, конфликтность отношений в семье,

наличие частых ссор и скандалов отмечали каждый 10-11 школьник, участвовавший в опросе 1991 года и лишь 4% подростков в России и Украине, а в Беларуси еще меньше – 0,5% (по данным 2005 года).

Изменилась структура совместного досуга семей в оценках самих подростков. Так, более чем в два раза по сравнению с 1991 годом сократилось количество семей, где родители вместе с детьми увлекались рукоделием, коллекционированием, т. е. каким-либо видом творчества. В то же время увеличилось количество семей, для которых характерен ситуативно-бездеятельный способ проведения досуга с 3,8% до 12,5% – в Беларуси, с 2,5 % до 16,5% в Украине. Совместный активный отдых (путешествия, экскурсии, посещения театров и кинотеатров) как характерный для своей семьи отмечали немногим более четверти подростков в 1991 году и примерно столько же в 2005 году (в России – лишь 17,5%). Примерно около 50% подростков как в 1991 года, так и в 2005 году указали, что совместно с родителями они обычно занимаются домашними делами, обсуждают различные проблемы, организуют семейные праздники.

Чем же заняты подростки в свободное время? Как изменилась структура досуга подростков за последние полтора десятилетия? Следует отметить, что современные подростки, не зависимо от страны проживания, стали гораздо меньше читать, если в 1991 году около 40% школьников сказали, что увлекаются чтением в свободное время, то в 2005 лишь 25% (а в Украине еще меньше – 19%). В среднем на 27% по всем трем странам (с 40% до 67%) увеличилось число любителей послушать музыку в свободное время. Лишь пятая часть подростков в Беларуси и России, в Украине – 15% занимались спортом и активным отдыхом (по данным опроса 1991 года), такая ситуация сохраняется сегодня. Также с годами не стало больше тех, кто занимается эстетической деятельностью (танцами, музыкой, рисованием) и каким-либо видом технического творчества, таких детей около трети в России и Украине и около 25% – в Беларуси. Значительно уменьшилось число подростков, которые ходят в кино, на концерты: с 20-25% в 1991 году до 3-6% в 2005 году. Пятая часть современных подростков предпочитают

проводить время за компьютером. Если в 1991 году в свободное время постоянно общались с друзьями 40-50% подростков, то в 2005 году уже 70%. Более половины ребят (58-63%), принявших участие опросе 2005 года указали, что в свободное время они помогают родителям по дому.

Данные опроса, проведенного в 2005 году, показали, что достаточно большое количество подростков – около половины, а в Украине 60% – вполне удовлетворены возможностями проведения свободного времени, см. Рисунок 7.

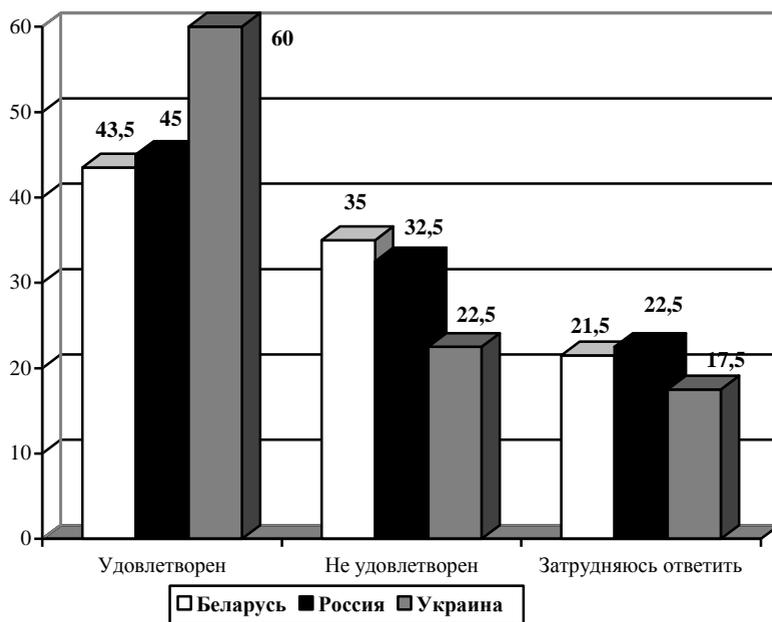

Рисунок 7 – Уровень удовлетворенности возможностями проведения досуга, культурного отдыха, 2005 год, в %

Однако, приходится констатировать, что уменьшение затрат времени на содержательный, культурный отдых компенсируется скорее пассивными формами отдыха. Независимо от страны, в которой живут подростки, в настоящее время доминирующими являются три формы проведения досуга: общение с друзьями, прослушивание музыки, просмотр телепередач. Не стали более распространенными такие формы проведения досуга как занятия спортом и различными видами

творчества. Снизилось число подростков, увлеченных чтением книг, и сегодняшние подростки значительно меньше посещают кино, театры, концерты и т. п.

Подростковый возраст – такой период в жизни молодого человека, когда он делает выбор своего жизненного пути. Этот выбор осуществляется на основе жизненных планов, которые формируются в процессе взросления.

Данные исследования, проведенного в 2005 году, показывают, что многие подростки (76,5% – в Беларуси, 80,5% – в России, 83,0% – в Украине) считают, что их родители беспокоятся о будущем детей. Какие планы на будущее у самих подростков?

В ответах школьников доминирует ориентация на продолжение образования после окончания школы, причем очевиден рост престижа высшего образования, что соответствует современным тенденциям в молодежной среде, см. Рисунки 8-9.

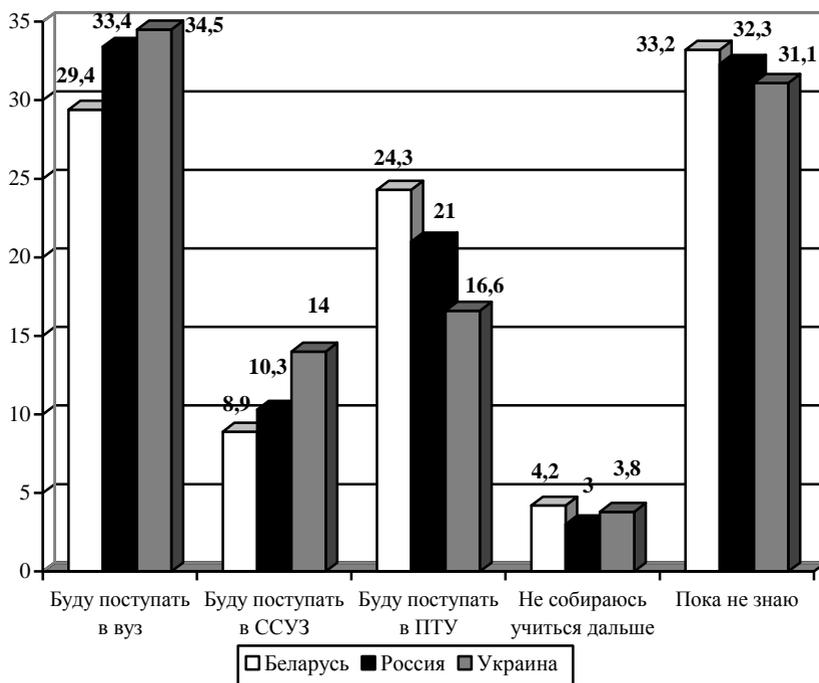

Рисунок 8 – Планы подростков на будущее, 1991 год, в %

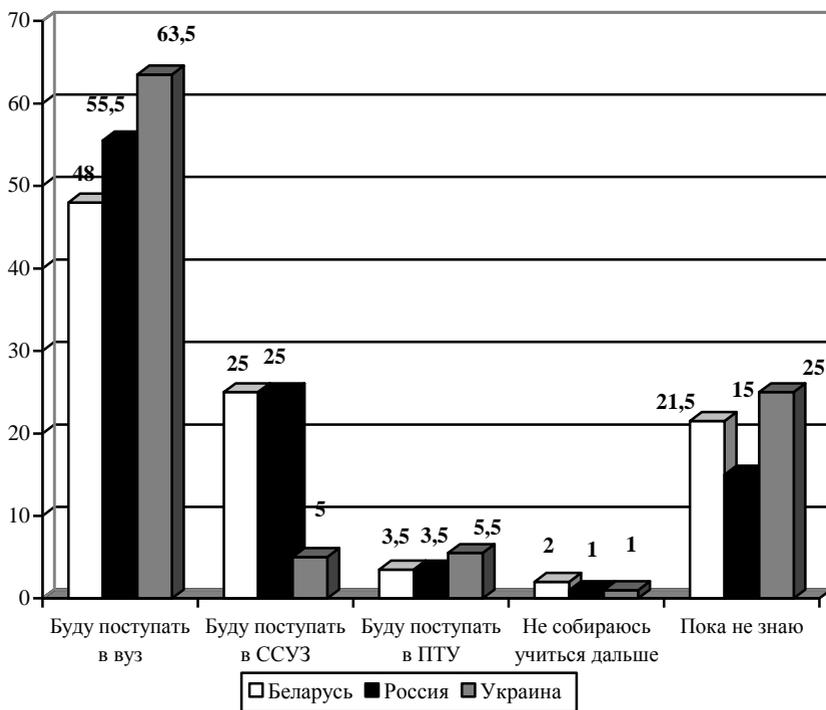

Рисунок 9 – Планы подростков на будущее, 2005 год, в %

Современные старшеклассники характеризуются большей целеустремленностью по сравнению с подростками начала 90-х годов. Среди них гораздо меньше тех, кто не собирается продолжать образование и меньше «не определившихся». Упал интерес молодых людей к получению рабочих специальностей, в несколько раз меньше молодых людей, которые намереваются продолжить образование в соответствующих учебных заведениях.

Среди современных подростков (опрос 2005 года), настроенных продолжать учебу после школы, в каждой из трех стран в большинстве случаев (около 60%) основным мотивом получения образования выступает интерес к будущей профессии. Около трети респондентов скорее не профессионально, а социально ориентированы, их привлекает возможность стать образованным человеком, в будущем занять хорошее положение в обществе. В основе желания продолжить учебу после

школы зачастую лежат прагматические мотивы, около половины подростков (53,5% – в Беларуси, 54,5% – в России и 47,5% – в Украине) указали, что образование привлекает их возможностью в дальнейшем хорошо зарабатывать. Часть подростков хотели бы получить образование, чтобы иметь возможность переехать жить в другое место: 16,5% – в Беларуси, 21,5% – в России, 11,0% – в Украине.

На фоне высокой мотивации к получению образования, вызывает тревогу тот факт, что треть подростков в Беларуси и России, и пятая часть – в Украине учатся в основном на «удовлетворительно», и совсем немногие дети успевают на «отлично»: лишь каждый десятый – в Беларуси и России и 17,5% – в Украине. Дети сетуют на слишком трудные и скучные учебники, неинтересные уроки и учебные предметы, плохое здоровье, часть школьников признались, что у них нет желания учиться, см. Таблицу 3.

Таблица 3 – Причины, по которым у подростков возникают трудности в учебе

Причины	Беларусь		Россия		Украина	
	1991	2005	1991	2005	1991	2005
Слишком трудные и скучные учебники	38,3	30,5	45,0	24,5	52,3	22,0
Неинтересные уроки и учебные предметы	37,9	18,0	39,5	17,0	50,6	12,0
Плохое здоровье	11,1	6,5	4,7	11,5	22,9	13,0
Нет желания учиться	14,5	10,5	16,7	17,0	19,5	15,0

По сравнению с подростками начала 90-х годов, современные старшеклассники все же чувствуют себя более комфортно в школе и возможно учеба дается им легче.

Интересно, что в структуре ценностей современных старшеклассников, проживающих в зоне радиоактивного загрязнения, ведущие позиции занимают такие ценности как «карьера, деловой успех» – это отметили около 60% подростков в России и Украине и половина – в Беларуси; «хорошее образование» – на это указали 44,5% подростков-россиян, 49,5% -украинцев и 57% белорусов, а также «интересная профессия» – для половины подростков в Украине, трети молодых людей в Беларуси и около 40% в России.

Сравнение результатов опросов старшеклассников в 1991 и 2005 годах, показало, что многие проблемы, характеризующие образ жизни подростков, проживающих в загрязненных районах, в значительной степени сохраняются. На высоком уровне остается заболеваемость подростков, достаточно большое число – не удовлетворены качеством

медицинского обслуживания. Произошли изменения микросоциального порядка: родители меньше времени проводят со своими детьми; содержание досуга большинства старшеклассников нельзя назвать интеллектуально-творческим и причины этого как в изменении содержания духовных потребностей школьников, так и в объективных материальных возможностях современных семей. Возрос интерес старших школьников к получению высшего и среднего специального образования, а интерес к получению рабочих специальностей напротив – снизился.

В целом среди подростков, принявших участие в опросе в 2005 году в среднем в два-три раза больше тех, кто удовлетворен различными сторонами своей жизни, чем среди подростков, опрошенных в 1991 году, см. Рисунки 10-11.

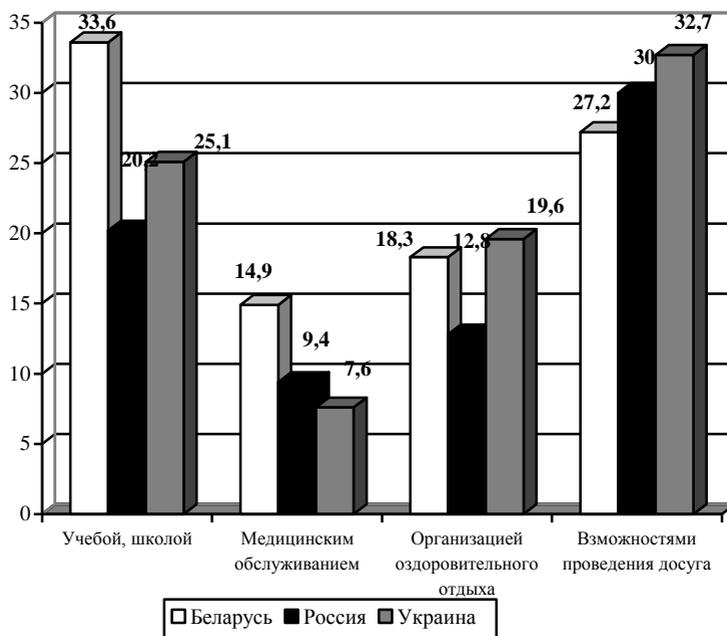

Рисунок 10 – Число подростков, которые удовлетворены различными сторонами своей жизни, 1991 год, в %

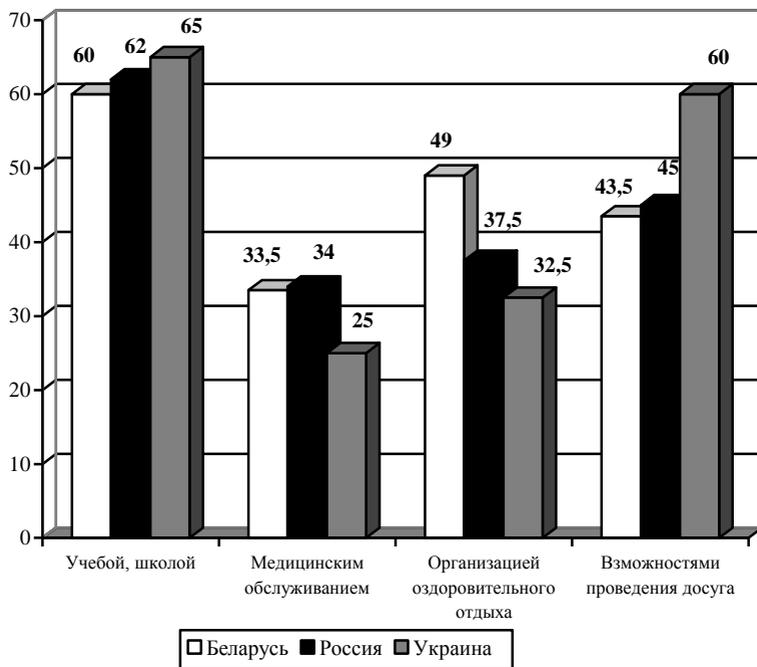

Рисунок 11 – Число подростков, которые удовлетворены различными сторонами своей жизни, 2005 год, в %

Более оптимистические оценки различных сторон своей жизни современными подростками, возможно, связаны с тем, что современным детям не пришлось пережить трагедию самой аварии на ЧАЭС и первых тяжелых лет после нее. Так, треть подростков (в каждой из стран), принявших участие в опросе 1991 года, ощущали постоянную тревогу и беспокойство, в 2005 году такое состояние отметили 12% респондентов в Беларуси, 11% – в Украине и 7,5% – в России.

Таким образом, можно сделать следующие основные выводы. На фоне приоритета ценности здоровья (это отметили 77,5% респондентов в Беларуси, 83,5% – в России, 87% в – Украине) у подростков сохраняется довольно высокий уровень неудовлетворенности медицинским обслуживанием, причем в Украине таких детей больше, чем в Беларуси и России. Социокультурный аспект процесса социализации подростков характеризуется неблагоприятными тенденциями: уменьшилось число

семей, которые имеют совместные с детьми увлечения и активно отдыхают; обнаружилось заметные отличия в содержании и направленности досуговых занятий старшеклассников 1991 и 2005 гг. – произошло смещение от интеллектуально-творческих к пассивным формам проведения досуга. Современные подростки в большей степени настроены на получение высшего и среднего специального образования, чем подростки начала 90-х годов, однако ориентированность подростков на продолжение образования после школы находится в некотором противоречии с уровнем их школьной подготовки.

ГЛАВА 5

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ

Д.Г. Ротман

5.1 Современное социологическое исследование: проблемы повышения качества данных

Последние десятилетия прошлого века войдут в историю гуманитарных наук как период интенсивного включения социологических исследований в реальное информационное пространство большинства цивилизованных государств мира. Данные этих исследований используются не только для осуществления теоретического анализа состояния, закономерностей и тенденций общественного развития, но и являются важным каналом прямой и обратной связи в системе «человек - государство - человек». Они выступают основой для принятия эффективных управленческих решений, направленных на снятие острых социальных противоречий, а также базой для построения прогностических моделей развития социума, позволяющих предвидеть возможности возникновения нежелательных, имеющих тяжелые последствия, ситуаций. Предметом современных социологических исследований все чаще становятся ключевые для общества и государства социальные процессы. В их числе конкуренция на экономических рынках и борьба за политическую власть.

Своеобразный «социологический бум» не мог не повлиять на характер и особенности развития этой важной общественной науки. Он стал мощным стимулом как для интенсивного совершенствования использовавшихся ранее традиционных технологий осуществления социологического исследования, так и для поиска новых методологических подходов к осуществлению исследовательских процедур, которые могли бы обеспечивать высокий уровень достоверности результатов. Отличительными особенностями современного социологического исследования стали оперативность его осуществления, возрастание роли качественных методов в процессе получения и анализа информации, комбинирование и сочетание методов сбора данных, приоритет сравнительных подходов для формулирования итоговых выводов и рекомендаций. Все названное требует высокого уровня профессионализма исследователей.

Однако, рост востребованности результатов деятельности социологов способствовал формированию своеобразного рынка социологических услуг. Начался процесс коммерциализации

исследовательских служб. Само по себе это явление вряд ли можно считать негативным, однако, на его фоне стали возникать фирмы, укомплектованные сотрудниками, имеющими, мягко говоря, недостаточные теоретические и практические познания в области социологии. Более того, многие социологические фирмы, в том числе и достаточно профессиональные, в погоне за прибылью были готовы давать заказчику любой желаемый им результат. Таким образом, вслед за возникшей коммерциализацией начался процесс ангажирования профессиональной деятельности.

Не секрет, что роль социологии в жизни современного общества остается позитивной только тогда, когда сами исследования способны дать объективную картину изучаемых событий, зафиксировать истинные особенности и причины возникновения той или иной социальной ситуации. В противном случае, а именно тогда, когда полученные данные не адекватны реальности, последствия их использования, как для принятия управленческих решений, так и для информирования общественности о важных жизненных событиях, могут быть непредсказуемыми. К сожалению, реальным является тот факт, что далеко не все социологические замеры способны дать качественный результат. Причиной этого являются ошибки, которые допускаются исследователями. Анализ и классификация таких ошибок стали предметом специального изучения, результаты которого излагаются в данной статье.

Ошибка социологического исследования - это понятие, принятое для обозначения неправильных действий, допущенных социологом в ходе осуществления необходимого комплекса исследовательских процедур, обязательных для достижения конечных целей данной научной работы.

Следует отметить, что «неправильные действия» исследователя могут определяться тремя причинами:

1. Низким профессиональным уровнем, базирующимся на недостатке специальных знаний, отсутствии инициативы и творческого потенциала.

2. Случайными причинами, связанными с ограниченными сроками проведения работ, недостаточным финансированием, слабой материальной базой.

3. Умышленным искажением результатов посредством применения неадекватных целям и задачам исследования методов подготовки исследования, сбора, обработки и анализа информации, интерпретации и объяснения полученных данных.

Однако, третья позиция свидетельствует скорее о высоком уровне мастерства исследователя, с одной стороны, и о низких

профессионально-моральных качествах, с другой. Данная ситуация анализироваться не будет.

Изучение содержания исследовательских проектов, опубликованных в научных изданиях, отчетов по НИР, аналитических записок показывают, что ошибки социологического исследования, способные исказить его результаты могут быть: организационными, технологическими и методологическими. Это своеобразная классификация ошибок социологического исследования. К *организационным ошибкам* может быть отнесено все то, что связано с подготовкой интервьюеров, операторов ввода информации, курьеров, бригадиров опросной сети, неисправностью технических средств и так далее. В ряд *технологических ошибок* могут быть включены такие как: неправильный выбор методов сбора информации, недостатки построения выборочных моделей, несоответствие логической программы обработки информации гипотезам исследования и так далее. *Методологические ошибки* могут быть связаны с неправильной операционализацией понятий исследования, «перекосами» в шкалах инструментария, отсутствием возможностей сравнения данных, как разных замеров (режим мониторинга), так и в рамках одного исследования, что значительно снижает качество итоговых выводов и другое.

Данные, полученные методом контент-анализа текстов итоговых документов более чем 500 исследований различных социологических служб показывают, что *организационные ошибки* допускались в 24,4%; *технологические* в 48,4%; *методологические* в 27,2% случаев.

Ошибки социологического исследования могут допускаться на разных этапах его организации: подготовительном, сбора информации, обработки информации, анализа результатов исследования.

В числе ошибок, допускаемых на разных этапах реализации научно – исследовательских проектов: 30,7% приходится на этап *подготовки и организации работ*; 25,6% - на этап *сбора информации*; 16,0% - на этап *обработки данных* и 27,7% - на этап *анализа*. Следует еще раз отметить, что в этом варианте речь идет об ошибках ,случающихся по объективным причинам (недостаток профессиональных знаний и навыков у социолога, отсутствие исследовательского опыта и т.п.), а не об умышленной подтасовке данных, с использованием манипуляций на методическом уровне или путем формулирования умышленно ложных умозаключений.

Безусловно, указанные процентные веса не обозначают степень глубины и значимости неправильных действий исследователя, они лишь фиксируют частоту их допущения. Тем не менее, даже простое

перечисление наиболее характерных ошибок может сыграть значимую роль в их профилактике.

Уже отмечалось, что значительная часть ошибок допускается на этапе подготовки и организации исследовательских работ. Вот перечень таких ошибок:

- выбор для изучения такого события, которое не содержит реального противоречия (конфликта);
- недостаточно глубокий анализ проблемы и проблемной ситуации, неправильное понимание подходов и методов осуществления этого анализа;
- неправильное (без связи с анализом проблемы и проблемной ситуации, без учета целей и задач) выделение предмета и объекта исследования;
- выделение основных понятий из предмета исследования не по одному основанию, без учета выдвинутых гипотез;
- игнорирование правил формальной логики в процессе операционализации основных понятий исследования, т.е. деления их на операциональные понятия;
- несоблюдение последовательности действий при программировании социологического исследования.
- не обоснованный отказ от осуществления процедуры программирования социологического исследования в целом (при этом следует учесть: написание текста программы необязательно, обсуждение же конкретных позиций программы, подходов к организации исследования необходимо).

Перечисленные ошибки ведут к неправильному выделению предельных по значению и однозначных по интерпретации понятий, на базе которых строятся вопросы инструментария, формулируются единицы анализа документов и определяются единицы для осуществления социологического наблюдения. Все это в конечном итоге влияет на качество данных исследования в целом.

Некоторые социологи вообще не осуществляют программирование исследования. Это грубейшее нарушение технологии, которое практически сразу перечеркивает все последующие претензии на достоверный результат.

Следующий блок ошибок связан с качеством инструментария, предназначенного для сбора информации опросными методами. Ведущая проблема анкет и бланков интервью состоит в том, что далеко не всегда

правильно формулируются вопросы и конструируются раскрывающие их содержание шкалы.

- Вопросы инструментария не строятся на базе, выделенных при программировании операциональных понятий. Они сформулированы нечетко, двусмысленно, не в терминах речи респондентов;
- шкалы построены без учета правил логического деления объема понятий (переменные подобраны не по одному основанию, некоторые из них шире по объему, чем остальные и поглощают последние);
- шкалы не имеют достаточной степени чувствительности;
- шкалы перекошены (либо в сторону негативных, либо в сторону позитивных оценок);
- карточки к шкалам составлены с определенным порядком изложения вариантов ответов и исключают, таким образом, их ранговую ротацию для респондента;
- варианты ответов в шкале сформулированы с учетом определенной позиции их автора, шкала закрыта и респондент оказывается в смысловой ловушке;
- формулировки вопросов таковы, что они подталкивают респондента к определенным ответам;
- инструментарий строится на базе не аргументировано заимствованных вопросов или блоков вопросов.
- для сбора информации методом опроса или применения процедур, связанных с иными методами осуществления социологических замеров, используется не апробированный инструментарий.

Названные ошибки ведут к полному искажению позиции респондента, вводят в заблуждение исследователя, исключают любую попытку сформулировать объективные выводы.

Следующей проблемой социологического исследования являются ошибки выборки. В их числе:

- использование при обосновании выборки и для формирования выборочной совокупности устаревших статистических данных;
- неправильное определение типа и вида выборки;
- осуществление выборочных действий только на одной ступени отбора (в то время когда условия исследования требуют применения многоступенчатой и комбинированной выборки);

- игнорирование требования проверки репрезентативности выборки после опроса с целью ее последующего ремонта или перевзвешивания.

Названные ошибки в сочетании с ошибками в работе интервьюеров практически лишают исследователей возможности переноса полученных данных на всю генеральную совокупность.

Среди ошибок интервьюеров и анкетеров на этапе сбора информации наиболее характерными являются:

- нарушение условия случайности отбора респондентов;
- необоснованная замена труднодоступного в данный момент респондента на другого, давшего без особых уговоров согласие участвовать в исследовании;
- опрос знакомых интервьюеру (анкетеру) людей;
- при проведении уличного опроса обращение к людям, вызывающим личную симпатию интервьюера;
- нарушение интервьюером (анкетером), установленного руководителем опросной сети, маршрута поиска респондентов.

Названные промахи интервьюеров с необходимостью ведут к снижению уровня репрезентативности выборки и ставят под сомнение полученные в ходе исследования результаты.

Следует отметить, что интервьюеры, осуществляющие сбор информации, допускают и другие серьезные нарушения. Например, подсказывают респонденту возможные варианты ответов, пытаются собирать информацию иным, чем указано в инструкции, способом и т.п.

Ошибки, снижающие качество социологического исследования встречаются также на этапах обработки и анализа информации. В первую очередь это:

- отсутствие контроля качества заполнения инструментария;
- невнимательность операторов, осуществляющих ввод информации;
- игнорирование требования, связанного с необходимостью проверки массива на логичность, непротиворечивость и последовательность в ответах респондентов на вопросы инструментария;
- «чрезмерное усердие» программистов и аналитиков при осуществлении проверки информации, необоснованные «корректировки» полученных ответов, при проверке массива на логичность;
- отсутствие четкого логического задания на обработку информации или, в случае его наличия, несоответствие заданных параметров целям, задачам и гипотезам исследования.

Ошибки, искажающие реальные результаты научно-исследовательских работ, могут допускаться аналитиками при

интерпретации данных социологических замеров. Это, как правило, связано с выбором подходов в работе с итоговой информацией. В ряду ошибок анализа наиболее характерными являются:

- осуществление интерпретации данных только на базе собственных взглядов и установок, игнорирование требования нейтральности и непредвзятости социологического анализа;
- осуществление анализа без учета сформулированных на этапе программирования гипотез;
- выбор для описания и объяснения только наиболее контрастных результатов (например, негативного толка);
- использование для анализа только данных линейного распределения, игнорирование многомерных методов анализа, простых и сложных группировок;
- непонимание значимости использования сравнительных подходов при анализе данных социологического исследования, в целях повышения его достоверности и объективности;
- слабое знание изучаемой проблематики, отсутствие в проекте экспертов-консультантов по теме исследования.

В приведенном анализе использованы далеко не все примеры ошибочных действий социологов, искажающих результаты исследований. В общем виде, число характерных ошибок с учетом их типологии на каждом из этапов изыскательских работ представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Типы ошибок, допускаемых на каждом из этапов социологического исследования, в %

Этап исследования	Организационные ошибки	Технологические ошибки	Методологические ошибки	итого
Подготовительный этап исследования	18,5 23,2	54,8 34,7	26,7 30,2	100
Полевой этап исследования	61,1 64,0	32,8 17,3	6,1 5,8	100
Этап обработки информации	14,6 9,6	63,4 21,0	22,0 12,9	100
Этап анализа информации	2,8 3,2	47,2 27,0	50,0 51,1	100
итого	100	100	100	

Данные контент-анализа, приведенные в таблице, свидетельствуют о том, что большая часть организационных ошибок социологического замера приходится на долю полевого этапа

осуществления исследовательских работ. Вместе с тем, технологические ошибки доминируют на этапе обработки информации (63,4%), а методологические – на этапе анализа информации (50,0%).

Сопоставление ранговых мест, занимаемых выделенными нами ошибками, позволяет определить критические точки социологического исследования определяющие меру его успешности. Иными словами, нарушение требований социологической методики в этих точках делает результат практически неадекватным реальности. Основными ошибками, сводящими на нет работу социологической службы, являются:

1. Создание инструментария для сбора социологической информации на базе неправильно осуществленной операционализации основных понятий и построение вопросов инструментария с использованием шкал, конфигурация которых не соответствует основным требованиям, предъявляемым к логическому делению объема понятий.

2. Нарушение интервьюерами (анкетерами) инструкции об отборе респондентов, которое ведет, с необходимостью, к искажению параметров модели выборки и делает полученные данные не репрезентативными.

3. Предвзятая, не объективная работа с полученными результатами, при осуществлении итогового анализа данных, построении прогнозных моделей, формулировании выводов и рекомендаций.

Опыт руководства многочисленными локальными, общенациональными и международными сравнительными исследованиями показывает, что качество реализации целей и задач социологических проектов в значительной степени определяется эффективностью управления научно-исследовательскими работами. Можно с достаточной долей уверенности утверждать то, что основной ошибкой управления процессом социологического исследования является отсутствия централизованного руководства исследовательским процессом. Каждое исследование предполагает также определение системы жесткой ответственности конкретных исполнителей за каждое действие, входящее в технологический процесс:

1. Руководитель проекта. Исполнители: совет руководителей рабочих структур проекта.

2. Руководитель аналитической группы. Исполнители: аналитики.

3. Руководитель национальной опросной сети. Исполнители: руководители региональных опросных сетей.

4. Руководитель региональной опросной сети. Исполнители: интервьюеры.

5. Руководитель группы обработки информации. Исполнители: программисты, операторы.

6. Руководитель группы контроля качества сбора социологической информации. Исполнители: контролеры группы контроля качества сбора социологической информации.

И еще несколько требований, соблюдение которых позволяют повысить качество научно-исследовательских работ:

- нельзя бюрократизировать процесс исследования, создавать большое число ненужных инструкций, стимулировать обмен письмами, требующими срочных ответов, но не играющими существенной роли в исследовательском процессе, проводить частые и бесполезные совещания, с участниками проекта;

- нельзя произвольно изменять, предусмотренную технологией социологического исследования последовательность осуществления НИР, нарушать принцип взаимосвязи отдельных видов работ и этапов их осуществления;

- нельзя необоснованно увеличивать продолжительность процедур, связанных со сбором социологической информации. Это относится к любым исследованиям, но в наибольшей степени к тем, целью которых является либо получение информации для принятия управленческих решений либо фиксация оценок респондентами тех или иных событий, состоявшихся в определенный период времени.

Игнорирование правил осуществления исследовательских работ снижает качество социологической информации, что, с одной стороны, вводит в заблуждение заинтересованные учреждения и организации, препятствует принятию адекватных ситуации управленческих решений, а с другой, сводит на нет усилия социологов и, в конечном итоге, дискредитирует социологическую науку в целом.

В.В. Правдивец

5.2 Сочетание и комбинирование методов сбора информации в социологических исследованиях

Можно с уверенностью утверждать, что в современных социальных условиях социальные феномены носят многоструктурный комплексный характер, затрагивая различные, подчас противоположные части социума. Это обуславливает тот факт, что в настоящее время значительно возрастает число факторов, способных повлиять на динамику и направленность развития изучаемых явлений. Данная ситуация в значительной мере обуславливается стремительным развитием существующих и появлением принципиально новых высокотехнологичных каналов коммуникации (Интернет, спутниковая и сотовая связь и т.п.), что приводит к существенной трансформации всего общества, его структуры и механизмов развития социальных феноменов. Как следствие этого далеко не всегда новые социальные явления укладываются в уже существующие социологические модели, которые достаточно быстро устаревают, либо нуждаются в серьезной доработке и модернизации.

Все это приводит к тому, что на современном этапе развития социологической науки уже недостаточно осуществлять изолированные замеры. Для того чтобы получить достоверную картину, от исследователя требуется отслеживать взаимоотношения изучаемого объекта с другими элементами социума, фиксировать максимально широкий спектр коннотаций. Это в свою очередь обуславливает тот факт, что в процессе исследования, для того чтобы в полной мере изучить все основные влияющие силы, уже не всегда удается ограничиться единичным замером. Сложная структурированность, высокая динамичность и неоднородность современных социальных феноменов зачастую вынуждают проводить исследование в несколько этапов, совершая множество замеров, четко соотнося результаты, полученные на одном этапе, с результатами другого. Само исследование трансформируется в комплексный сложноструктурированный исследовательский проект. В такой ситуации невозможно ограничиваться каким-либо одним методом сбора и анализа информации. Как следствие этого все большую актуальность приобретают социологические подходы, позволяющие стратегически корректно использовать максимально широкий спектр исследовательских методов.

Говоря о методических аспектах совместного использования и комбинирования различных социологических методов, следует заметить,

что одним из наиболее перспективных направлений в данной области является *комбинирование количественных и качественных методов сбора социологической информации.*

Следует отметить, что под количественными методами нами понимается вся совокупность социологических методов, апеллирующих к численно выраженным статистическим конструкциям. Соответственно под качественными методами понимается совокупность социологических методов, предполагающих фиксацию и анализ только логически-текстовой информации.

Из всего многообразия качественных методов в данном разделе представлены интервью и фокусированные групповые интервью (фокус-группы). Количественные методы представлены анкетным опросом и социологическим анкетным интервью. Выбор этих методов был обусловлен двумя факторами. Во-первых, именно эти методы являются в настоящее время наиболее востребованными и актуальными при проведении комплексных социологических исследований. Соответственно эти методы являются наиболее разработанными и апробированными в современной прикладной социологии. Во-вторых, из всех качественных методов именно глубинные интервью и фокус-группы имеют максимальное число точек соприкосновения с опросными количественными методами. В данном случае речь идет о том, что в перечисленных качественных методах, также как и в количественных опросных методах, исследователь изначально нацелен на анализ спонтанных, не подготовленных заранее ответов реально существующих респондентов. Это отличает выбранные качественные методы от других, таких, например, как анализ текстов, в которых исследователь зачастую имеет дело с четко спланированными и искусственно воссозданными данными, прошедшими редактуру, заранее сконструированными спичрайтерами, имиджмейкерами или журналистами.

Для понимания принципов комбинирования количественных и качественных методов необходимо четко осознавать специфику их использования, их сильные и слабые стороны.

С одной стороны, при проведении количественного замера исследователь имеет дело с данными линейного распределения, коэффициентами корреляции, выделенными факторами и т.п., но не непосредственно с мнениями людей. При использовании количественных методов отбрасывается личностная уникальность, возможные проявления изучаемого феномена на индивидуальном уровне. Подобная уступка позволяет выйти на необходимый уровень генерализации и теоретического обобщения, а также обеспечить общую репрезентативность результатов исследования.

При анализе специфики качественных методов заметна противоположная тенденция. Здесь красной нитью проходит тема ценности и уникальности тех компонент изучаемого явления, которые находятся на индивидуальном, персональном уровне. Привнесение качественной компоненты позволяет приблизить само исследование к социальной реальности в ее изначальном формате. Другими словами исследователь не должен забывать, что он изучает не абстрактные явления и феномены. Объектом его изучения являются люди (пусть и составляющие большие группы) со всей присущей им спецификой, некоторой иррациональностью поведения, наличием возможных противоречий в мотивах и действиях и т.д. Зафиксировать эти составляющие изучаемого социального феномена в достаточном объеме посредством количественных замеров в силу их специфики, как правило, не представляется возможным. Однако эту задачу можно решить при помощи качественного замера.

В то же время частное не должно заслонять от исследователя общую картину изучаемого явления. Ведь исследование единичных случаев в прикладной социологии не так широко распространено, как, например, в социальной психологии, где оно является одним из основных методов. Вместе с тем при анализе результатов только качественного исследования из-за концентрации именно на человеческой индивидуальности зачастую бывает сложно увидеть общую картину изучаемого феномена и систематизировать полученные данные. Исследователь рискует сконцентрироваться на второстепенных аспектах изучаемого социального феномена, не уделив должного внимания основным факторам. И более того, отказ от численно выраженной составляющей увеличивает вероятность возникновения необоснованных логических спекуляций и низводит само исследование до уровня обыденного сознания.

Как видим, разрешить данное противоречие в рамках только количественного или качественного метода не представляется возможным. Как количественный, так и качественный методы обладают своими сильными и слабыми сторонами. Более того, достоинства одного из методов компенсируют недостатки другого и наоборот. Выходом здесь может быть разумное комбинирование обоих методов, что позволит заметно обогатить возможности исследователя, избежать однобокости и тенденциозности при анализе результатов.

Использование принципиально разных по своей направленности и структуре методов позволяет минимизировать влияние исследовательского инструментария на результаты исследования. В то же время, при всей своей непохожести у этих методов обнаруживаются

точки соприкосновения и взаимодействия. В противном случае их было бы невозможно объединить в рамках одного исследования.

Принципиальное различие между количественными и качественными методами кроется, на наш взгляд, в точке отсчета, логической позиции самого исследователя.

В количественных методах точкой отсчета является общество со всей его спецификой и особенностями (такими как массовость, расслоенность, стремление к самоорганизации). Социальные явления рассматриваются именно с позиции всего общества, либо (что чаще) какой-то значимой его части – социального слоя, конкретной социальной группы и т.д. Это в свою очередь обуславливает необходимость генерализации анализируемых данных, их «сжатия» и приведению к тому формату, который возможно обработать посредством статистико-математических методов.

Качественные методы предполагают иную точку отсчета, в роли которой в данном случае выступает непосредственно личность, как составляющая общества, его основа; личность с ее субъективностью, некоторой иррациональностью, противоречием между стремлением построить целостную, согласованную картину мира и невозможностью построения такой картины в принципе.

Любое социальное явление может быть описано как с позиции общества, социума (количественный подход), так и с позиции конкретных людей, образующих этот социум (качественный подход). Таким образом, различие между количественным и качественным методами коренится в различии между микро- и макропозицией. Учет только одной из них ведет к односторонности и несбалансированности всего исследования. Напротив, использование как микро-, так и макропозиции позволяет выявить многие аспекты, до того оставшиеся в тени, и придает, образно говоря, объем всему исследованию.

Благодаря такому изменению перспективы появляется возможность увидеть необходимые точки соприкосновения количественных и качественных методов, выработать механизмы их взаимодействия и совместного использования в рамках комплексного социологического исследования.

Любое социальное явление имеет как объективную (решения, действия), так и субъективную (мотивы, объяснения, предположения) составляющую. Нетрудно заметить, что между ними существует тесная взаимосвязь и взаимовлияние. Эту взаимосвязь можно рассмотреть на примере общественного мнения. Так, любое общественное мнение состоит из мнений индивидуальных, однако не сводится к их простой математической сумме. Таким образом, «объективная»

макросоставляющая (общественное мнение) складывается из «субъективных» микросоставляющих (индивидуальных мнений). Разумеется, помимо суммы мнений существует целый ряд факторов, влияющих на формирование и динамику общественного мнения. Пожалуй, важнейшим из них является воздействие уже существующего общественного мнения (в виде традиций, социально-культурных норм, официальных законов или даже ранее сформировавшихся точек зрения) на мнения индивидуальные, то есть оказывается влияние на «субъективную» микрокомпоненту со стороны «объективной» макрокомпоненты.

Таким образом, на первом этапе исследования необходимо четко определить, какие компоненты исследуемого явления принадлежат к макро-, а какие к микроуровню. Подобным же образом поступают и с факторами, влияющими на предмет исследования, и другими составляющими исследуемой ситуации. Все это позволяет построить наиболее продуктивную стратегию исследования, оптимально сочетать преимущества как количественных, так и качественных методов и получить максимально полный и объективный результат.

После определения роли микро- и макроуровня в функционировании сложноструктурированных социальных явлений, перейдем к рассмотрению методических аспектов изучения этих явлений путем сочетания количественных и качественных методов сбора и анализа информации.

Говоря о поэтапном разделении количественного и качественного этапов социологического исследования, можно выделить два измерения: временное и информационное.

Как ясно из названия, **временное измерение** предполагает рассмотрение количественного и качественного этапов в разрезе времени. Можно выделить три варианта временного соотношения этапов: 1) количественный этап предшествует качественному; 2) качественный этап предшествует количественному; 3) количественный и качественный этапы осуществляются параллельно, то есть одновременно.

В **информационном измерении** за основу берется возможность разделения количественного и качественного этапов по типу получаемой информации.

Информация, получаемая на одном этапе, может определять характер информации, которую необходимо получить в ходе последующего этапа исследования. Этот тип информационного сочетания мы условно назвали *«последовательным»*.

Второй тип информационного сочетания количественного и качественного этапов был назван *«параллельным»*. Здесь связь между

количественным и качественным этапами исследования намеренно отсутствует. Оба этапа проводятся независимо друг от друга. Сопоставление их результатов осуществляется только на стадии анализа информации.

Следует заметить, что выделенные нами временные и информационные измерения не являются тождественными и идентичными. Действительно, будучи, например, последовательными по времени оба этапа исследования могут быть параллельными по характеру получаемой информации. Особо следует подчеркнуть тот факт, что все перечисленные выше типы, выделенные с позиции информационного измерения, могут присутствовать одновременно в рамках одного исследовательского проекта. Действительно, часть информации может логически следовать из уже полученной информации, а часть быть изолированной. В то же время некоторую информацию, полученную на одном этапе, необходимо проверить на другом. Конечная схема сочетания информационных типов зависит от структуры тех данных, которые необходимо получить в каждом конкретном случае.

Рассмотрим подробнее те варианты комбинирования количественного и качественного методов, которые относятся к информационному измерению. Сами варианты информационного комбинирования будут описаны по степени увеличения интегрированности частей.

Параллельный тип. В этом типе количественная и качественная части исследования проводятся независимо друг от друга. Связь между количественной и качественной частью минимальна. Более того, она намеренно минимизирована с целью уменьшения возможного негативного влияния результатов одной из частей на результаты другой, см. Рисунок. 1.

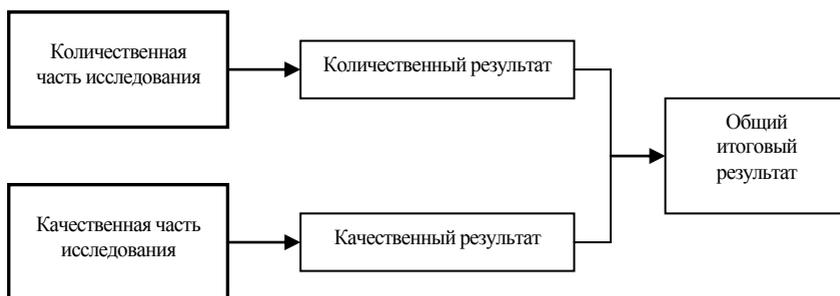

Рисунок 1 – Схема проведения исследования согласно параллельному типу

Методологически параллельный тип основывается на принципе триангуляции, когда предполагается наличие нескольких независимых исследовательских позиций, из чего следует необходимость использования различных исследовательских методов: как количественных, так и качественных.

Можно выделить два варианта параллельного типа: *конвергенция*, предполагающая независимое исследование одних и тех же аспектов социального феномена посредством различных социологических методов и *дивергенция*, которая подразумевает разделение различных аспектов социального феномена по принципу наилучшей совместимости с различными социологическими методами.

Конвергенция. Предмет исследования в обеих частях один и тот же. Это позволяет сравнить результаты одной части с результатами другой. Таким образом, при условии, если количественный и качественный результат сопоставимы, можно говорить о результативности исследования.

Этот принцип широко распространен в математике и других точных науках. Одна и та же задача решается несколькими способами, после чего результаты сравниваются. Но даже в точных науках (и в частности в алгебре) результаты зачастую не совпадают полностью. Данный факт объясняется тем, что при использовании различных способов решения одной и той же задачи используются округления на разных этапах решения. Гуманитарные же науки по своей сути меньше привязаны к точным численным выражениям.

Таким образом, применительно к социологическим исследованиям можно говорить только о сопоставимости результатов количественного и качественного этапов исследования, их непротиворечивости. Хотя в данном параллельном варианте результаты все же должны значительно пересекаться. Более того, подобная стратегия позволяет отсеять случайные, не образующие тенденций единичные элементы проявления изучаемого феномена. Эти проявления обусловлены личностными особенностями отдельных респондентов и нередко могут быть зафиксированы в ходе качественного исследования. Таким образом, если на основе обоих видов данных можно сделать одно и то же заключение, уверенность в их валидности значительно возрастает.

Параллельный конвергентный вариант больше всего подходит для проверки ключевой, главной информации, получаемой в ходе исследования. Это позволяет убедиться в справедливости или несправедливости основной гипотезы самого исследования.

Помимо проверки результатов этот вариант параллельного исследования позволяет глубже изучить необходимый вопрос, выявить за счет специфики каждого метода новые детали.

Также необходимо исключить возможность взаимовлияния результатов каждой из частей. Для этого можно использовать две независимые группы исследователей. Если же использование двух групп

не представляется возможным, анализ количественного этапа исследования должен проводиться после проведения качественного. Это делается для того, чтобы избежать предзаданности позиции исследователя в отношении исследуемого вопроса, позволить респондентам, участвующим в качественном исследовании, высказаться по тем вопросам, которые именно они считают важными в исследуемой теме.

Дивергенция. В данном случае объект исследования делится на составляющие элементы, каждый из которых тяготеет либо к количественному измерению, либо к качественному. Таким образом, весь объем информации, которую нам необходимо получить, разбивается на части, каждая из которых исследуется либо с помощью количественных, либо с помощью качественных методов.

Таким образом, дивергенция предполагает совместное использование качественного и количественного замеров для изучения различных аспектов социального феномена. В зависимости от выработанной стратегии в обеих частях исследования (количественной и качественной) могут использоваться как одни и те же респонденты, так и наоборот – две независимые, непересекающиеся группы респондентов.

Прежде всего, следует заметить, что выбор стратегии здесь в первую очередь зависит от особенностей предмета исследования, а также от типа и формы информации, которую необходимо получить в результате. Зачастую требуется изучить как статистически измеримые, так и смысловые, логические аспекты одного и того же феномена. В некоторых случаях их можно четко разграничить и изучить изолированно. Однако далеко не всегда такой вариант представляется возможным или продуктивным.

Оптимальным здесь видится такое сочетание количественных и качественных методов, при котором результаты количественного и качественного этапов будут в той или иной мере пересекаться. Такое пересечение позволяет рассмотреть все интересующие нас составляющие элементы изучаемого феномена, не пропустив ни один из них.

Как уже говорилось выше, качественные методы целесообразно использовать в случае исследования сложных комплексных явлений, предполагающих наличие своего рода тонких внутренних связей, которые невозможно исследовать при помощи жестко-структурированных количественных методов.

В то же время количественные методы применимы в том случае, когда изучаемые аспекты легко поддаются категоризации и, следовательно, могут быть подвергнуты статистической обработке. В данном случае появляется возможность выявить степень распространенности явления, его актуальность. При таком разграничении информация, полученная одним из методов, органично дополняется информацией, полученной другим.

Следует заметить, что многие социальные явления по своей природе изначально содержат в себе внутренние противоречия,

являющиеся их неотъемлемой частью (а зачастую и формообразующей движущей силой). Подобные противоречия гораздо проще изучить в том случае, когда позиция исследователя не зафиксирована жестко и неподвижно. Возможность изменения перспективы, которую в подобных случаях дает параллельное совместное использование количественных и качественных методов, как раз и позволяет увидеть в динамике все противоречивые стороны изучаемого явления.

Последовательный тип. В данном случае связь между количественным и качественным этапами исследования значительно сильнее. Информация, полученная в ходе одного этапа, учитывается при проведении другого.

Методологически последовательный тип предполагает проведение нескольких взаимосвязанных замеров. Сами замеры проводятся до тех пор, пока не наступает информационное насыщение, при котором данных становится достаточно для построения полной и адекватной картины изучаемого социального феномена, см. Рисунок 2.

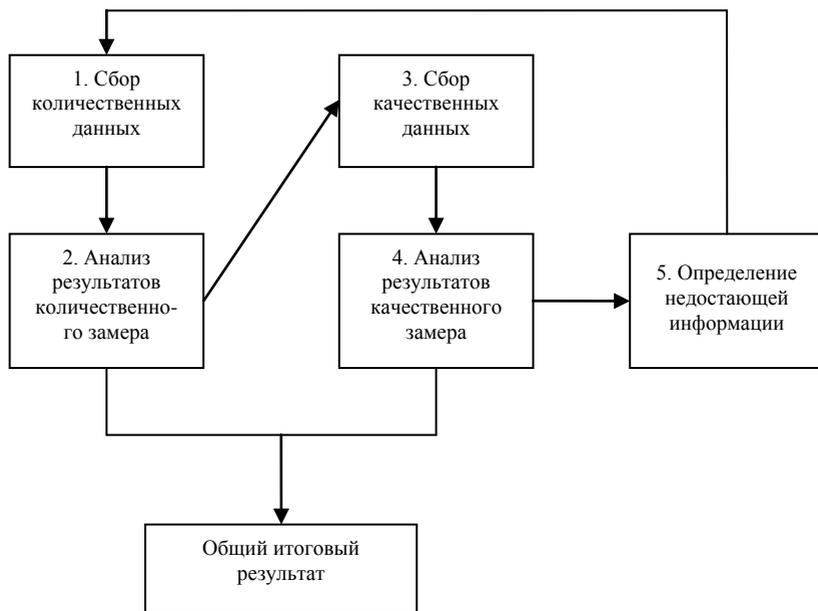

Рисунок 2 – Схема проведения исследования согласно последовательному типу

Можно выделить *два варианта последовательного типа*: «погружение», когда качественный этап предшествует количественному, и «фокусировка», когда количественный этап предшествует качественному. Рассмотрим их подробнее.

Погружение. Качественный замер предшествует количественному. Предполагает своего рода вхождение в проблематику исследования путем ее предварительного изучения в ходе качественного этапа.

Вариант, при котором качественный замер предшествует количественному, позволяет избежать одной из самых распространенных ошибок, возникающих при использовании количественных методов. Дело в том, что нередко представления исследователя о предмете исследования значительно отличаются от представлений респондентов. Тем не менее респонденту зачастую приходится иметь дело с набором суждений-ответов, составленных исследователем, исходя из представлений самого исследователя, или в лучшем случае из представлений исследователя о представлениях респондента.

При составлении анкеты социолог-исследователь нередко использует следующие источники формирования гипотез:

а) личный жизненный опыт. Недостаток очевиден – нерепрезентативность таких данных, их предвзятость. Вместе с тем нельзя не упомянуть и о преимуществах – такие знания достоверны, детальны, обдуманы. Однако подобная практика помещает исследователя на уровень его, исследователя обыденного сознания, которое в силу объективных причин может значительно отличаться от обыденного сознания респондента (например, заводского рабочего);

б) мнения, представленные в СМИ. Данные мнения зачастую отражают не реальное состояние изучаемого явления, а являются элементами информационно-идеологического воздействия со стороны различных заинтересованных фигур информационного пространства. Разумеется, использование мнений представленных в СМИ целиком оправдано при исследовании влияния средств массовой информации на общественное мнение.

в) мнения, господствующие в той социальной среде (субкультуре), к которой принадлежит исследователь. При этом зачастую структура представлений определенной субкультуры неосознанно экстраполируется на другую субкультуру или даже на всю генеральную совокупность.

Нетрудно заметить, что все три источника формирования гипотез тесно взаимосвязаны и так или иначе сходятся на личности исследователя. Это, в свою очередь, может привести к предвзятости

самого социологического исследования. Очевидно, что ограничившись рамками количественных методик, разрешить подобное противоречие не представляется возможным. Вместе с тем использование качественного исследования перед количественным позволяет решить эту проблему.

Действительно, исходя из совокупности мнений и суждений, полученных в ходе качественного этапа исследования, можно составить инструментарий количественного. Разумеется, объект и предмет качественного исследования должны совпадать с предметом и объектом количественного. Предварительное качественное исследование позволит социологу как бы погрузиться в проблемное поле, увидеть его глазами респондента.

Таким образом, вариант, при котором качественное исследование предшествует количественному, традиционно используется для определения сферы количественного статистического исследования. Такой подход уместен в том случае, когда предмет исследования являет собой нечто принципиально новое для исследователя. В этом случае качественный этап позволяет определиться с терминологией, общей концепцией и полнее описать субъект всего исследования и в результате – глубже понять исследуемое проблемное поле.

Другим преимуществом подобного подхода является возможность выявления так называемых опосредованных переменных. Далеко не все социальные феномены доступны для непосредственного «прямого» исследования. Условно назовем эти феномены «проблемными». Зачастую респондент по тем или иным причинам не может или попросту не желает говорить на интересующую исследователя тему. В то же время позиция респондента может быть выявлена через его ответы на косвенные вопросы. В этом случае задачей предшествующего качественного этапа и является выявление таких тем-переменных, посредством которых мы можем узнать мнение респондента по интересующему нас «проблемному» вопросу.

Еще одной особенностью использования качественного этапа перед количественным является возможность построения сегментации генеральной (и вместе с ней выборочной) совокупности. Таким образом, предшествующее качественное исследование дает исследователю возможность разделить всю совокупность потенциальных респондентов на подгруппы по тому или иному основанию и построить последующее количественное исследование с учетом особенностей каждой группы-сегмента. Это в свою очередь позволит получить максимально полную информацию об изучаемом явлении и снизить затраты на само исследование.

И, наконец, качественное исследование может быть своего рода предварительным пилотажным этапом. В ходе его выявляется общая целесообразность и практическая, реальная возможность дальнейшего проведения крупномасштабного комплексного исследования. Из всех качественных методов для этой цели лучше всего подходит экспертный опрос посредством проведения глубинных интервью. Также возможно использование полуструктурированных интервью и фокусированных групповых интервью (фокус-групп). В случае отказа от дальнейшего исследования такой подход позволит существенно снизить как временные, так и финансовые затраты.

Следует заметить, что вышеприведенные варианты использования качественного этапа исследования перед количественным не противоречат друг другу и могут использоваться одновременно в ходе одного исследования. Таким образом, один и тот же качественный этап может использоваться, во-первых, с целью предварительного исследования, своего рода «погружения» в проблему, и одновременно для определения общей целесообразности проведения дальнейшего исследования. Во-вторых, подобное вхождение в проблему позволяет при необходимости построить типологию респондентов, произвести их сегментацию. В-третьих, возможно выявление «проблемных» вопросов, которые необходимо исследовать косвенно. Одновременно идет процесс выявления опосредованных переменных, с помощью которых и будет проводиться дальнейшее исследование этих «проблемных» вопросов.

Фокусировка. При использовании варианта, который условно можно назвать «фокусировка», количественный этап предшествует качественному. Более того, качественное исследование непосредственно базируется на данных, полученных в ходе количественного. Пожалуй, это один из наиболее популярных вариантов комбинирования количественных и качественных методов в социологическом исследовании.

Нередко данные, полученные в ходе количественного исследования, требуют дальнейшей разработки и уточнения. Таким образом, в ходе количественного этапа выявляются подобные «слабые места», которые и определяют поле для дальнейшего качественного этапа комплексного исследования.

Примером использования качественного этапа исследования после количественного является проведение дополнительных качественных замеров среди членов субгрупп, выделенных в ходе количественного опроса. При помощи такой стратегии решаются две задачи. Во-первых, отсутствие жесткоструктурированного списка вопросов дает возможность исследователю максимально адаптировать

инструментарий, учитывая специфику каждой конкретной подгруппы, что позволит получить максимально полную и неискаженную информацию. Во-вторых, численность таких подгрупп часто бывает слишком мала для проведения репрезентативного количественного исследования. Однако такого числа респондентов вполне достаточно для достоверного качественного замера.

Отдельно следует отметить еще один вариант последующего уточняющего качественного этапа. В данном случае в роли респондентов выступают интервьюеры, принимавшие участие в количественном этапе исследования. Этот подход в некоторой степени нивелирует такой недостаток количественных методов, как ограниченность получаемой информации рамками заранее сконструированного инструментария.

Еще одним преимуществом данного варианта является возможность изучения реакции респондентов на само количественное исследование. Несомненно, при проведении любого количественного исследования уделяется внимание отзывам интервьюеров. Однако в подавляющем большинстве это делается стихийно. Более того, в ходе подобного стихийного изучения мнения интервьюеров решается, как правило, только задача изучения реакции респондентов на проводимое исследование. Дополнительная же неформализованная качественная информация, непосредственно относящаяся к теме исследования, даже в том случае, если интервьюеры спонтанно ее сообщают исследователю, как правило, не учитывается. В случае полноценного качественного этапа, следующего за количественным, вся доступная информация оказывается зафиксированной и может быть использована на этапе анализа данных.

Таким образом, качественный этап получения информации от интервьюеров является опросом экспертов со всеми нюансами, присущими обычному экспертному опросу. В качестве интервьюера на этом этапе выступает сам исследователь-аналитик. Среди возможных качественных методов, которые можно использовать в ходе экспертного опроса интервьюеров, следует назвать неструктурированные и полуструктурированные глубинные интервью, а также фокус-группы.

Вообще же можно говорить о двух вариантах использования количественного исследования перед качественным. Первый – это уже описанный выше вариант, при котором качественный этап выполняет функцию уточнения и дополнения. В этом случае качественное исследование подчинено количественному, его задачей является заполнить пробелы, неизбежно возникающие при проведении количественного замера.

Второй вариант прямо противоположен первому – основным здесь является качественный этап исследования, на который и нацелено основное внимание исследователей при анализе результатов. Количественный же этап, образно говоря, готовит почву для проведения качественного и является полностью подчиненным его целям.

Следует заметить, что даже сами эти этапы являются неоднородными сложноструктурированными исследовательскими разработками. Каждый этап может состоять из подэтапов. Их структура зависит от специфики данных, которые требуется получить, особенностей объекта исследования, а также, разумеется, и от исследовательских возможностей (финансовых, временных, человеческих и т.п.). Поэтому можно сказать, что каждый самостоятельный исследовательский проект является в известном смысле уникальным, не похожим на другие. Он требует индивидуального подхода, что в свою очередь выдвигает ряд критериев к самой процедуре исследования. Таким образом, одним из важнейших требований при такого рода исследованиях является возможность четкой формулировки целей каждого этапа исследования с последующей их разбивкой на более мелкие подцели. Такое деление должно проводиться до тех пор, пока не станет возможным достижение каждой из поставленных целей посредством имеющихся исследовательских средств. Это в свою очередь позволит структурировать исследование и получить максимально полные результаты, минимизировав при этом затраты.

Также возможен вариант, при котором данные, полученные в ходе количественного этапа исследования, анализируются как до качественного этапа, так и после него. Основной количественный анализ осуществляется здесь сразу же после проведения количественного этапа сбора информации. Последующий за ним качественный этап может базироваться как на результатах количественного (последовательный вариант «фокусировка»), так и быть независимым от него (т.е. осуществляться по «параллельному» сценарию). Однако в ходе качественного этапа исследования велика вероятность появления новых предположений относительно природы и сущности изучаемого явления. Как следствие этого возможна корректировка исходных гипотез. Далеко не всегда эти вопросы можно решить только на качественном этапе исследования. В таком случае целесообразно прибегнуть к вторичному анализу результатов количественного исследования, но уже с учетом результатов качественного. В данном случае этот второй количественный анализ будет являться фокусировкой по отношению к качественному этапу. Таким способом можно обеспечить теснейшую связь между количественным и качественным этапами исследования.

Итак, нами были описаны четыре варианта комбинирования количественных и качественных методов сбора и анализа социологической информации: конвергенция, дивергенция, погружение и фокусировка. Учет описанных выше четырех вариантов в рамках информационного измерения позволяет исследователю четко представить и спланировать всю схему предстоящего исследования и провести его более согласованно. Следует помнить, что описанные выше варианты комбинирования количественных и качественных методов являются теоретико-методическими конструкциями, а не готовыми жесткими сценарными решениями. Поэтому именно обстоятельства конкретного исследования и определяют в конечном итоге как выбор методов его осуществления, так и специфику их сочетания и комбинирования. Таким образом, вышеописанные четыре варианта комбинирования могут значительно трансформироваться под воздействием обстоятельств. Более того, как правило, в одном исследовании присутствует не один вариант, а сразу несколько. К примеру, часть информации (назовем ее условно «часть А»), получаемой в ходе одного этапа исследования может следовать из результатов другого этапа (последовательный вариант). В то же время другая часть информации («часть Б») получается только в ходе количественного этапа и никак не связана с результатами качественного этапа. В свою очередь, и на качественном этапе получается уникальная информация («часть В»). В результате мы имеем три информационных блока – А, Б и В, каждый из которых описывает изучаемое явление со своей стороны, каждый вносит что-то свое. В то же время мы не только видим феномен «с разных сторон», но и знаем из информации какого рода он состоит, понимаем его внутреннюю структуру. Основная задача описанных выше 4-х вариантов комбинирования количественных и качественных методов заключается в определении своего рода методологической системы координат, которая позволит в итоге организовать целостное исследование и рационально распорядиться имеющимися ресурсами.

Таким образом, пошаговая **схема осуществления комплексного социологического исследования**, предполагающего комбинирование количественных и качественных методов сбора и анализа информации, выглядит следующим образом:

- (1) На первом этапе исследования на основании имеющейся информации строится предварительная логическая модель, описывающая структуру и принцип функционирования изучаемого социального феномена.
- (2) Исходя из целей исследования, на основании имеющейся модели выделяются те основные элементы социального феномена,

которые необходимо изучить в процессе дальнейшего исследования.

- (3) Определяется уровень проявления каждого выделенного элемента: индивидуальный микроуровень, социальный макроуровень, либо же проявление фиксируется на обоих уровнях.
- (4) Исходя из определенного уровня проявления, для изучения особенностей функционирования каждого элемента социального феномена определяется наиболее подходящий вариант комбинирования количественных и качественных методов: конвергенция, дивергенция, погружение, либо фокусировка.
- (5) Основываясь на выделенных вариантах комбинирования, определяется информационная и временная последовательность этапов сбора и анализа данных, выбираются конкретные исследовательские методики. Разрабатывается оптимальная стратегия всего исследовательского процесса, предполагающая изучение всех выделенных элементов.
- (6) В соответствии с разработанной стратегией производится сбор и предварительный анализ необходимых данных.
- (7) В процессе анализа полученных данных осуществляются корректировка и расширение модели функционирования социального феномена. Помимо уточнения самой модели описываются связи изучаемого социального феномена с другими элементами социума, определяется направленность этих связей, при необходимости строится прогноз развития ситуации.

Таким образом, в ситуации комбинирования количественных и качественных методов сбора и анализа социологической информации точность и достоверность результатов исследования напрямую зависят от степени соответствия структуры исследовательского процесса и макро-микроструктуры изучаемого феномена. Чем точнее структура исследования соответствует структуре феномена, тем точнее становятся результаты данного исследования.

Проанализировав возможности сочетания и комбинирования методов сбора социологической информации, можно заключить, что их реализация содействует интенсификации процесса исследования, помогает социологу выполнить поставленные перед ним задачи, а респондентам – в максимальной мере способствовать успеху исследования.

Д.Г. Ротман, Н.П. Веремеева

5.3 Особенности изучения мнений «недоступных респондентов» в социологическом исследовании

Исследования актуальных проблем современного общества требуют анализа мнений не только рядовых граждан, но и представителей элит. Однако получение информации у таких респондентов – дело достаточно сложное, так как из-за большой занятости ведущие политики, крупные бизнесмены, общественные деятели малодоступны. В профессиональных исследованиях именно по этой причине могут возникать ощутимые информационные пробелы. В определенной мере их могут восполнить методики, базирующиеся на комбинировании опросных подходов с анализом текстовых материалов: «стандартизованный или нестандартизованный опрос текста» и «виртуальное групповое фокусированное интервью».

Сутью метода «стандартизованного или нестандартизованного опроса текста» является то, что обычный социологический инструментарий используется для получения информации от респондента не напрямую: «устный или письменный вопрос – устный или письменный ответ», а путем поиска возможных вариантов ответов в публичных выступлениях «недоступных респондентов», которые представляются различными средствами массовой информации.

Сбор информации методом «опроса текста» может преследовать разные цели. Первая из них – получение ответов представителей элит на вопросы, которые ставились (или будут поставлены) в массовом опросе. Данные такого замера позволяют осуществить сравнительный анализ установок и оценок населения и позиций «недоступных респондентов». Вторая – отслеживание динамики изменения мнений представителей элит в определенный временной период. В этом варианте «опрашиваются тексты» публичных выступлений, сделанных объектом изучения, к примеру, в ходе предвыборной кампании. Анализ данных позволяет сделать вывод о степени устойчивости взглядов ведущих политических и общественных деятелей или об их непостоянстве и изменчивости в зависимости от конкретных обстоятельств. Третья – отслеживание в определенной последовательности позиций публичных фигур в сочетании с оценками этих же позиций рядовыми гражданами.

Для осуществления сбора социологической информации методом «стандартизованного опроса текста» разрабатывается инструментарий, который включает в себя важнейшие блоки основного инструментария, применяемого для массовых опросов. Как правило, шкалы к вопросам во

вновь создаваемой анкете минимизируются и представляются в виде дихотомии. В процессе работы с текстами социолог ищет в них положительные или отрицательные ответы на запрограммированные вопросы, фиксируя найденную информацию в специальном бланке. Количественная обработка собранной информации осуществляется с использованием той же логической схемы, по которой получены данные по основному массиву.

«Нестандартизованный опрос текста» является аналогом одного из качественных методов сбора социологической информации – глубинного интервью. В данном случае разрабатывается сценарий интервью, в котором обозначаются блоки проблем для обсуждения с виртуальным респондентом. Из определенных для качественного анализа текстов выбираются соответствующие сценарному плану высказывания и оценки. Анализ информации проводится по тем же принципам, что и анализ обычного глубинного интервью. Результаты «нестандартизованного опроса текста» могут сопоставляться с данными, полученными в ходе традиционных глубинных интервью. Однако это становится возможным в том случае, если сбор информации с использованием двух названных подходов осуществлялся в совпадающих или достаточно близких проблемных ситуациях.

Изучение мнений «недоступных респондентов» может осуществляться методом «виртуальное групповое фокусированное интервью», который является аналогом широко применяемых современной социологией «фокус-групп». На подготовительном этапе организации «виртуального группового фокусированного интервью» определяется состав его участников, создается сценарий проведения дискуссии, подбираются тексты для их последующего анализа. Этап сбора информации предполагает поиск в текстовом материале ключевых суждений «недоступных респондентов», характеризующих изучаемую проблемную ситуацию. При этом выделенные суждения выстраиваются в так называемый дискуссионный ряд: «оценка события одним из участников виртуальной фокусированной группы» – «опровержение или поддержка позиции первого выступающего его оппонентом и, если оно есть, альтернативное предложение» – «опровержение или поддержка первых двух виртуальных выступлений следующим участником» и т.д. Таким образом, конструируется заочная дискуссия. Базовые материалы для подбора высказываний «недоступных респондентов» должны определяться по принципу аналогичности ситуации, в которой проходили публичные выступления представителей элит, включенных в состав участников «виртуальной фокусированной группы» (например, в ходе избирательной кампании). «Виртуальное групповое фокусированное

интервью» может проводиться и как дискуссия исторических персонажей. В этом случае подбор текстов осуществляется по принципу совпадения степени значимости для общества событий, которые легли в основу высказываний, представленных в данных текстах (например, крупные социальные катаклизмы 20 века).

Обработка материалов «виртуальных групповых фокусированных интервью» осуществляется с использованием подходов, применяемых при анализе результатов традиционных «фокусированных групповых интервью».

Как показывает опыт, применение предложенных методов позволяет получить достаточно надежную информацию о мнениях и позициях представителей элит, которая, в свою очередь, обеспечивает объективность и достоверность комплексного анализа важнейших социальных проблем, осуществляемого с использованием всех методов социологического исследования.

Д.Г. Ротман, В.В. Правдивец

5.4 Методические подходы к осуществлению социологических замеров в информационном пространстве

В настоящее время все большую роль в определении характера протекания социальных процессов начинают играть средства массовой коммуникации. Технический прогресс в области средств обработки и хранения данных обусловил возникновение новых и усовершенствование старых информационных технологий. Появление таких каналов передачи информации как Интернет, спутниковое и кабельное телевидение, мобильная связь и т.п. в значительной мере интенсифицировали развитие современного общества. Можно с уверенностью утверждать, что уже сейчас СМИ буквально пронизывают весь социум, являются его «кровеносной системой». Характер и направленность развития информационного поля одновременно является и индикатором и фактором, определяющим развитие всего общества. Без наличия адекватных методологических средств анализа состояния информационного поля, а также без построения прогностических моделей его развития в настоящий момент невозможно в должной мере определить принципы функционирования современного социума. Для дальнейшей разработки и реализации эффективной государственной стратегии информационного обеспечения жизнедеятельности общества необходимы как специальная разработка широкого спектра социальных научных проблем деятельности СМИ, так и четкое обоснование повышения значения их активного, целенаправленного воздействия на формирование гражданских и духовных потребностей граждан в современных условиях. Социологический анализ этих проблем с целью разработки инновационных социальных технологий оптимизации влияния СМИ на общественные процессы является актуальным социальным запросом.

Можно с уверенностью утверждать, что в настоящее время происходит характерный для информационной фазы развития социума процесс трансформации базисной системы жизненных ценностей и поведенческих установок населения Беларуси. В связи с этим одной из важнейших задач является повышение эффективности роли СМИ в формировании гражданской идеологии, демократического и гуманистического мировоззрения, а также в развитии адекватных современным реалиям элементов экономической, политической, правовой, нравственной, экологической культуры жителей республики.

В таких условиях все большую актуальность приобретают социологические исследования, посвященные изучению особенностей

функционирования и динамики развития информационного поля Республики Беларусь. Без наличия адекватных методологических средств анализа состояния информационного поля, а также без построения прогностических моделей его развития в настоящий момент невозможно в должной мере определить принципы функционирования современного социума.

В данной статье представлен ряд методик, используемых авторами на протяжении ряда лет в процессе анализа особенностей функционирования информационного поля Республики Беларусь.

Факторные модели долевой структуры влияния СМИ на социальные процессы. В основе факторных моделей лежат результаты факторного анализа данных, осуществляемого методом главных компонент. Мы рассмотрим построение таких моделей на примере определения степени влияния СМИ на ценностное сознание аудитории.

Данный выбор не случаен – именно ценности выступают весьма значимым компонентом индивидуального и общественного сознания, поскольку являются регуляторами социального поведения. И отдельный человек, и группы ведут себя определенным образом на основании того, что они считают правильным, оправданным, т.е. – ценностно-значимым. В ходе исторического развития в каждом обществе постепенно формируется совокупность базовых ценностей, определяющих его менталитет. Этот ценностный каркас обладает значительной исторической устойчивостью и мало подвержен изменениям во время разного рода социальных катаклизмов. Данная закономерность характерна для макроуровня современного общества. Вместе с тем на микроуровне возможно определенное (а порой и существенное) смещение ценностных приоритетов, что зачастую создает различного рода проблемные ситуации, требующие как моральных, так и материальных затрат, обеспечивающих снятия их негативных последствий для общества в целом. Качественная определенность ценностного спектра, формирующегося в условиях достаточно радикальных и серьезных изменений в обществе и государстве, зависит от содержательных характеристик, так называемых «факторов влияния». Система таких факторов в современном обществе с одной стороны отличается многоаспектностью и разнонаправленностью, с другой – она жестко структурирована и реализуется в рамках объективных закономерностей. Ключевой закономерностью функционирования системы «факторов влияния» является постоянное расширение ее информационного объема, стимулирующее увеличение качественных возможностей каждого из таких факторов.

Факторный анализ данных, полученных в ходе опросов населения Республики Беларусь, осуществлявшихся в режиме мониторинга, позволяет выявить доминирующие в сознании людей блоки ценностей, на базе которых была построена факторная модель.

Первый фактор – «Социальный капитал»

Переменные:

1. «Друзья и знакомые»
2. «Досуг»

Объем – 16,7 %

Второй фактор – «Личная жизнь»

Переменные:

3. «Здоровье»
4. «Семья»
5. «Работа»

Объем – 15,0 %

Третий фактор – «Жизнь в обществе»

Переменные:

6. «Религия»
7. «Политика»

Объем – 14,4 %

Четвертый фактор – «Проблемы выживания»

Переменные:

8. «Экология»
9. «Культура»

Объем – 12,6 %

Выделенные факторные блоки занимают более половины объема от всех ценностнообразующих факторов (58,7 %). Таким образом, структурная модель приоритетов ценностного сознания выглядит следующим образом, см. Рисунок 1.

Рисунок 1 – Факторная модель жизнеполагающих ценностей, в факторных весах

Как уже отмечалось, СМИ оказывают значимое воздействие на процесс формирования базовых ценностей, прежде всего на микроуровне. Данные серии специальных социологических опросов позволили определить «информационный вес», каждого из основных субъектов такого воздействия: телевидения, радио, прессы и интернета, см. Рисунок 2.

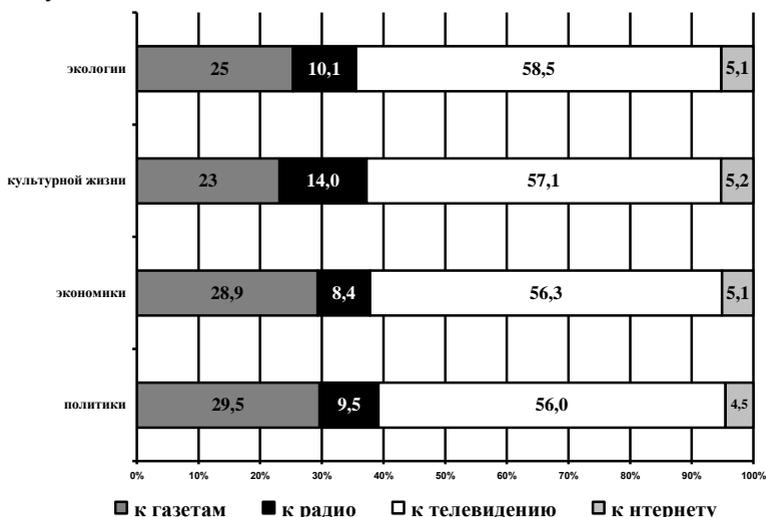

Рисунок 2 – Модель информационного влияния основных СМИ на формирование базовых ценностей населения РБ, в %

Приведенные данные свидетельствуют о приоритете традиционных каналов получения информации. В тоже время, в формировании названных ценностей особенно велика роль телевидения и газет – именно к ним обращаются более 80 % населения Беларуси.

Содержательный анализ материалов газет, передач радио и телевидения, проведенный с применением методов количественного и качественного изучения текстов, позволил установить факт безусловного соответствия содержания большинства материалов СМИ требованиям правовых, морально-этических и профессиональных норм, действующих в информационном пространстве Беларуси. Сказанное означает, что процесс воздействия СМИ на формирование базовых ценностей населения страны может стать более эффективным и интенсивным в том случае, если будет совершенствоваться деятельность самих каналов передачи массовой информации.

Для реализации поставленного условия важно знать отношение потребителей информации к деятельности ее источников. С этой целью были разработаны принципы создания и построена «рейтинговая модель информационных предпочтений населения».

Рейтинговые модели информационных предпочтений населения.

Следующая группа моделей информационных предпочтений населения базируется на использовании различных рейтинговых замеров. Рассмотрим наиболее эффективные из них.

Рейтинговая модель с использованием нескольких переменных.

Для построения названной модели была использована схема включающая:

1. Проведение в режиме мониторинга опросов населения по репрезентативной выборке;
2. Использование специально включенных в состав инструментария вопросов для расчета суммарных рейтинговых весов конкретных СМИ;
3. Построение ранговых рядов на базе произведенных расчетов.

Исчисление суммарных рейтинговых весов может осуществляться двумя способами.

Первый из них – это **построение «жесткого рейтинга» с использованием метода «сито»**, который обеспечивает высокую степень эффективности и информационной насыщенности. В ходе социологического замера информационные предпочтения телезрителей, читателей газет, радиослушателей выясняются не одним, прямо поставленным вопросом, а с помощью их набора, характеризующего предмет изучения с различных сторон. Такой подход позволяет нивелировать случайные оценки респондентов. В блок входят следующие вопросы:

- «К каким конкретным СМИ Вы обращаетесь чаще всего?»;
- «Какие СМИ Вам нравятся больше других?»;
- «Каким СМИ Вы доверяете?»;
- «Какие СМИ Вы можете назвать как свои любимые?»

Расчет рейтинга «сито» осуществляется по схеме 1:

$$A + B + B + \dots \text{ (позитивный выбор);} \tag{1}$$

$$\bar{A} + \bar{B} + \bar{B} + \dots \text{ (негативный выбор).}$$

Иными словами, определяются группы «жестких сторонников», «жестких противников» и «колеблющихся» того или иного информационного источника. В группу «жестких сторонников» определенного телеканала, газеты или радиостанции входят те респонденты, которые при ответах на *все* вопросы рейтингообразующего блока выбирали один и тот же объект предпочтения, а также оценивали его работу позитивно. Группа «жестких противников» складывается из респондентов, которые ни в одном из вопросов не упомянули данный источник. Оставшиеся респонденты включаются в третью группу — группу «колеблющихся».

«Жесткий рейтинг» значительно ограничивает состав итоговой таблицы, так как в выборочной совокупности оказывается, как правило, много респондентов, не избравших по поводу одного информационного источника все четыре позитивных варианта.

Менее жестким представляется второй подход, где рейтинговые веса по каждому отдельному средству массовой информации складываются, а затем исчисляется среднеарифметическая взвешенная. Здесь можно говорить об определении среднего рейтингового веса по формуле (2):

$$CPPM = \frac{A + B + B + \Gamma}{n} \quad (2),$$

где CPPM – средняя ранговая рейтинговая модель источника информации; А, Б, В, Г – признаки-переменные использованные для сбора информации; n – постоянное число для расчета средней арифметической взвешенной (нашем случае «n» равна четырем, т.е. числу признаков-переменных. В качестве примера по этому принципу построены рейтинговые модели (ранговые ряды) в таблице 1.

Таблица 1 – Суммарный ранговый рейтинг телевизионных каналов-лидеров в информационном пространстве РБ (в % от числа опрошенных)

Название ТВ-канала	"Смотрю этот ТВ-канал"	"Нравится этот ТВ-канал"	"Доверяю этому ТВ-каналу"	"Любимый ТВ-канал"	средний рейтинг	итоговое ранговое место
Телеканал 1	87,0	65,4	60,1	42,9	63,9	1
Телеканал 2	52,7	35,9	26,9	17,0	33,1	2
Телеканал 3	62,9	25,2	26,3	5,6	30,0	3
Телеканал 4	55,0	29,5	18,0	7,9	27,6	4
Телеканал 5	32,5	15,5	8,5	4,9	15,4	5
Телеканал 6	24,2	4,6	2,9	0,4	8,0	6
Телеканал 7	11,8	6,5	3,4	2,5	6,1	7

Построенные рейтинговые модели информационных предпочтений населения позволяют не просто определить наиболее авторитетные и популярные газеты, радиостанции и телевизионные каналы, но и сделать вывод о том, что именно эти СМИ оказывают наибольшее влияние на формирование общественно значимых установок и ценностей граждан.

Имиджевые модели ведущих СМИ (по тематическим направлениям). Следующим шагом является анализ конкретных приоритетов ведущих СМИ по тематическим направлениям. Здесь используется метод построения рейтинговых рядов, который базируется на фокусированном отборе наиболее популярных СМИ по тематическому принципу, с учетом того, что базовые ценности могут эффективно формироваться под влиянием информации конкретного содержания, причем такая информация должна быть не навязана, а свободно востребована читателем, зрителем или слушателем.

При построении методом фокусированного отбора, имиджевые модели ведущих СМИ страны используются вопросы следующего типа: «К какому телеканалу / газете / радиостанции Вы бы обратились, в первую очередь, если бы Вам необходимо было получить объективную информацию по определенной тематике?». В ходе расчета рейтинговых показателей используются следующие тематические направления:

1. Проблемы международной политики
2. Проблемы внутренней политики
3. Проблемы экономики
4. Проблемы здоровья и здорового образа жизни
5. Проблемы культуры и культурной жизни
6. Социальные проблемы
7. Проблемы образования
8. Проблемы воспитания и семейной этики
9. Проблемы региона
10. Проблемы истории
11. Проблемы безопасности
12. Проблемы спорта

Исходя из полученных данных по каждому тематическому направлению рассчитываются следующие показатели:

- ✓ Средний показатель по лидерам рейтинга
- ✓ Общее число респондентов, указавших на тот или иной источник информации
- ✓ Средний показатель по всем названным источникам информации

- ✓ Доля аудитории не интересующаяся проблемами данной тематики

Сравнение результатов, полученных по разным тематическим направлениям, позволяет оценить приоритетность этих направлений с точки зрения аудитории, а также наиболее популярные издания, телеканалы или радиостанции, чьи материалы соответствуют данным тематическим направлениям.

Идеальные, реальные и оптимальные содержательные модели СМИ (по отраслевым направлениям). Одной из важнейших задач, которые необходимо решить в ходе анализа информационного поля, является поиск путей оптимизации работы самих СМИ, определение ключевых направлений усиления позитивного воздействия ведущих источников массовой информации на свою аудиторию. Для решения данной задачи в рамках социологического мониторинга необходимо собрать данные для построения содержательных моделей ведущих средств массовой информации. Полученные данные позволяют построить искомые модели.

Идеальные содержательные модели (ИСМ) строятся для определения тематических предпочтений аудитории средств массовой информации. Такие модели должны рассматриваться как образцы максимально востребованных гипотетических СМИ. Именно ИМС могут быть сопоставлены с реальными тематическими конструктами телепрограмм, радиопередач и газет.

Для осуществления такого сопоставления а, следовательно, и подтверждения его возможности и эффективности в процессе реализации проекта осуществляется контент-анализ ведущих белорусских СМИ. Его результаты позволяют зафиксировать реальные тематические схемы присутствующие в материалах наиболее популярных средств массовой информации.

Сопоставление полученных данных осуществлялись с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Для расчетов использовалась формула 3:

$$r_s = 1 - \frac{6 \sum d_i^2}{l(l^2 - 1)} \quad (3),$$

где d_j – разности рангов, l – число пар рангов. Коэффициент изменяется от -1 до +1.

Возьмем, в качестве примера расчет данного рейтингового показателя для одной из газет, распространяющейся на территории

Республики Беларусь. Таблица для исчисления коэффициента Спирмена по этому изданию выглядит следующим образом, см. Таблицу 2.

Таблица 2 – Расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Тематические направления	Ранг		Разность пар рангов d_i	Квадрат разности рангов d_i^2
	идеальная модель	реальная модель издания		
Политика	1	5	-4	16
Экономика	5	1	4	16
Воспитание, семья	2	4	-2	4
Культура, история, образование	3	3	0	0
Социальные проблемы и безопасность	4	2	2	4
Проблемы региона	6	7	-1	1
Спорт	7	6	1	1
Прочее	8	-	-	-
				$\Sigma=42$

$$r_s = 1 - \frac{6 \cdot 42}{7(7^2 - 1)} = 1 - \frac{252}{336} = 1 - 0,75 = 0,25$$

Из полученных результатов видно, что коэффициент ранговой корреляции составил 0,25. Это свидетельствует о достаточно низком уровне тесноты связи между идеальной моделью и реальной моделью данного издания. Данная ситуация свидетельствует о необходимости внесения достаточно серьезных корректировок в редакционную политику анализируемого издания и в первую очередь в сфере определения приоритетных тематических направлений. Смещение акцентов в направлении наиболее востребованной тематики позволит данному изданию расширить свою аудиторию и повысить свою популярность.

Таким образом, комплексное использование принципов моделирования, описанных выше, позволяет исследователю всесторонне изучить информационное поле, лучше понять принципы его функционирования, выделить на нем ключевые фигуры и в конечном итоге дать прогноз его развития.

Д.Г. Ротман

5.5 Особенности подготовки результатов социологических замеров к анализу ситуации в политическом поле

Ключевой составляющей социологического изучения ситуации в политическом поле является анализ собранной информации. Такой анализ может быть максимально продуктивным, а его результаты объективными только в том случае, когда появляется возможность «уверенного объяснения». Здесь имеется ввиду процедура объяснения, базирующаяся на сопоставлении и качественном сравнении данных полученных как в процессе серии сопоставимых замеров осуществленных в режиме мониторинга, так и в результате сложной обработки информации в рамках единичного исследования. Для получения базы искомых данных используются методы простой и сложной группировок, что дает возможность рассчитывать комплексные показатели, обеспечивающие эффективность процесса итогового анализа и высокую достоверность его конечных результатов.

Показатели для исчисления рейтингов. В широком смысле рейтинг рассматривается как качественно-количественный индикатор, который прямо или опосредованно выражает общественно значимую оценку того или иного события, факта, явления, личности, политического или экономического института, товара или услуг, полученную с использованием определенной научно обоснованной методики в ходе массового или экспертного социологического опроса. Из полученных подобным образом рейтингов затем при необходимости составляются ранговые ряды или проводится процедура ранжирования по какому-либо одному общему для них признаку.

Следует различать два основных типа рейтинговых замеров: простой и сложный. При простом рейтинговом замере для получения информации используется только один критерий, т.е. задается один единственный вопрос. В случае использования сложного рейтингового замера респонденту задается целая серия взаимосвязанных вопросов.

Итак, в исследованиях проблем политического поля рейтинговые замеры могут осуществляться несколькими способами. Целесообразно выделить четыре из них: **«укол»**, **«весы»**, **«сито»**, **«из прошлого в будущее»**.

Первый из названных и простейший из них метод **«укола»** предполагает исчисление рейтингового веса и построение рангового ряда на базе данных, полученных в результате ответа респондента на один вопрос. В данном случае используются открытые вопросы в следующих

формулировках: «Кто из политических деятелей является для Вас наиболее авторитетным?», либо «Если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье, то за кого бы вы проголосовали?». Рейтинговый вес при использовании метода «укола» рассчитывается по формуле (1):

$$I_y = \frac{A}{100} \quad (1),$$

где I_y — индекс обозначающий итоговый рейтинговый вес; A — количество респондентов избравших один и тот же предмет замера (например, определенного политика) выраженное в процентах; 100 — условная величина, введенная в формулу для перехода к индексному выражению полученного процентного веса.

Рейтинг «укола» дает определенное представление о позициях электората по отношению к ключевым субъектам политического поля. Однако, в этом случае, оценки в силу быстрой изменяемости ситуации, неустойчивости установок и мотиваций электората, ненадежны.

Поэтому следует использовать более точные варианты рейтинговых замеров, к которым относится, например, метод **«весы»**. В данном варианте при сборе информации применяются два практически альтернативных вопроса: «За кого бы Вы проголосовали, если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье?» и «За кого Вы бы не проголосовали ни при каких обстоятельствах?». Рейтинговый ряд строится на основе разности полученных результатов. Рейтинг рассчитывается по формуле (2):

$$I_v = \frac{A - \bar{A}}{100} \quad (2),$$

где I_v — индекс «весы», A — число респондентов, сделавших положительный выбор; \bar{A} — число респондентов, сделавших отрицательный выбор; 100 — условная величина, введенная в формулу для перехода к индексному выражению полученных процентных весов.

Высокую степень эффективности и информационной насыщенности дает сложный рейтинговый замер методом **«сито»**. Он в полной мере отвечает требованиям, предъявляемым к результатам исследования проблем политического поля. В ходе социологического замера фиксируется отношение электората к ведущим политикам и политическим группировкам посредством ответов на блок логически

связанных вопросов. Такой подход позволяет нивелировать случайные оценки респондента. В блок входят следующие переменные:

- степень узнаваемости политической силы (лидера, партии);
- уровень авторитетности;
- вероятность быть избранным (перезибранным);
- оценка конкретных действий в текущий период;
- вера в перспективность.

Рейтинг «сито» определяется по формуле (3):

$$A + B + B + \dots \text{ (позитивный выбор);}$$
$$\bar{A} + \bar{B} + \bar{B} + \dots \text{ (негативный выбор).}$$

(3),

Иными словами, определяются группы «жестких сторонников», «жестких противников» и «колеблющихся». В группу «жестких сторонников» определенного политического деятеля входят те избиратели, кто при ответах на *все* вопросы рейтингообразующего блока выбрал именно этого деятеля, а также оценил его работу позитивно. Группа «жестких противников» складывается из респондентов, которые во *всех* случаях отказали в доверии данному лицу и оценили его деятельность негативно. Оставшиеся респонденты-избиратели включаются в третью группу — группу «колеблющихся».

Высокую степень достоверности рейтинговой информации обеспечивает методика «из прошлого в будущее». Характерным ее отличием является использование в инструментарии набора вопросов, отличающихся так называемой временной фазой. В анализируемых нами замерах используются следующие вопросы: «За кого Вы голосовали на прошлых выборах?» и «За кого Вы будете голосовать, если выборы состоятся в ближайшее воскресенье?».

Рейтинг «из прошлого в будущее» позволяет выделить из массива респондентов четыре формализованные группы по каждому предмету замера (т.е. политическому деятелю или партии):

«Стабильно за» — голосовали «за» и собираются голосовать «за»;

«Потеря» — голосовали «за», собираются голосовать «против»;

«Приобретение» — голосовали «против», собираются голосовать «за»;

«Стабильно против» — голосовали «против» и собираются голосовать «против».

Рейтинги «сито» и «из прошлого в будущее» могут применяться и в комплексе, т.е. для анализа возможно использование их корреляций.

Логика анализа выглядит следующим образом.

Предположим, что расчет рейтинга «сито» для политического деятеля «Х» дал следующий результат:

«Жесткие сторонники» – 17,9%;

«Жесткие противники» – 28,4%;

«Колеблющаяся группа» – 53,7%,

В этом примере база поддержки политического деятеля «Х», представленная его «жесткими сторонниками», достаточно велика. Кроме того, очевидно, что он имеет достаточный потенциал для победы на выборах, т.к. группа «колеблющихся» составляет более пятидесяти процентов от общего числа избирателей, а, следовательно, окажет определяющее влияние на исход выборов. Оценить распределение поддержки в этой группе позволяет, например, построение рейтинга «из прошлого в будущее»:

«Стабильно за» – 38,2%;

«Стабильно против» – 34,0%;

«Потери» – 13,3%;

«Приобретение» – 14,5,

который ясно показывает, что «приобретение» у «Х» выше, чем «потеря», что является вполне оптимистическим предварительным результатом. Для дальнейшего анализа используем таблицу сопряженности данных двух рассчитанных рейтингов («сито» и «из прошлого в будущее»), см. Таблицу 1.

Таблица 1 – Взаимосвязь результатов сложных рейтинговых замеров, в абсолютных числах

Группы	Колеблющиеся	Жесткие сторонники	Жесткие противники	Всего по строке
Стабильно против	226	–	455	681
Потеря	152	–	114	266
Приобретение	230	60	–	290
Стабильно за	466	298	–	764
Всего по столбцу	1074	358	569	2001

В приведенной таблице наиболее интересными являются данные по группе «колеблющихся». В ней всего оказалось 1074 человека (по рейтингу «сито») из 2001 респондента (столько людей было опрошено в иллюстрируемом исследовании), что составляет 53,7%. Из тех, кто «стабильно за» политического деятеля «Х» в эту группу попало 466

человек или 23,3% от общего числа респондентов в данном исследовании. Из тех кто «стабильно против» — 226 человек или 11,3%. «Потеря» электората составила у «Х» 152 человека или 7,6%. Приобретение составило 230 человек или 11,5%.

Используя эти данные, можно рассчитать численность электората, который с большой степенью вероятности отдал бы свои голоса «Х», *если бы выборы проводились на момент проведения рейтинговых замеров:*

1. «Жестких сторонников» — 17,9% (см. пример расчета рейтинга «сито»);

2. «Стабильно за» — 23,3% (в числе «колеблющихся»).

Общее число избирателей готовых сегодня отдать с наибольшей вероятностью голоса «Х» составляет 41,2%. К ним, вероятно, добавятся те, кто составил «приобретение» (из числа «колеблющихся») — это 11,5%. Суммарное выражение числа сторонников «Х», таким образом, может составить 52,7%. Что может означать безоговорочную победу уже в первом туре.

Таким же образом можно рассчитать число тех, кто будет голосовать против. Среди них, в первую очередь, окажутся «жесткие противники» и «стабильно против», а также могут примкнуть и попавшие в группу «потеря».

Помимо рейтингов, в исследованиях проблем политического поля оказывается весьма эффективным применение агрегированных показателей (индексов), характеризующих ситуацию в стране в целом, к которым, прежде всего, следует отнести показатель политической стабильности и показатель социальной напряженности. Расчет этих величин позволяет не только качественно оценивать параметры ситуации, но и обеспечивает (при наличии соответствующих динамических данных) возможность построения прогнозов.

Показатели политической стабильности (ППС) и социальной напряженности (ПСН)

«Показатель политической стабильности» (ППС) является переменной величиной, выводимой методом логического анализа соотношения индексных весов, фиксирующих оценки электоратом двух основополагающих параметров: «доверие к власти» и «доверие к оппозиции». В ходе анализа определяется степень взаимоприемлемости и соотношение этих параметров с учетом базовой критериальной причины их динамики – «удовлетворенности населения своим уровнем жизни».

Для выведения ППС рассчитываются комплексные индексы по указанным параметрам.

Индекс доверия к органам государственной власти строится на основе данных, полученных из ответов на вопрос инструментария «**В какой степени Вы доверяете сегодня основным властным структурам?**». Можно предложить абстрактный пример, в котором используется следующий дизайн признака переменной, см. Таблицу 2.

Таблица 2 – Дизайн признака-переменной при определении доверия органам государственной власти

Оцениваемые органы власти	Шкала показателей замера				
	доверяю полностью	скорее доверяю	скорее не доверяю	совсем не доверяю	трудно сказать
Президенту страны	1	2	3	4	5
Парламенту	1	2	3	4	5
Правительству	1	2	3	4	5
Конституционному суду	1	2	3	4	5
Органам местной власти	1	2	3	4	5
Руководителю Вашей областной администрации	1	2	3	4	5

Прежде чем приступить к расчетам индекса доверия, следует определить, какой или какие органы власти (исполнительной или законодательной, уровня государства или уровня региона) должны получить формализованную комплексную оценку. После этого осуществляется исчисление веса индекса доверия (по каждой строке, либо только по избранным строкам).

Индекс доверия рассчитывается по формуле (4):

$$I_{\text{дов.}} = \frac{A \times (1) + B \times (0,75) + B \times (0,50) + \Gamma \times (0,25) + D \times (0)}{n} \quad (4),$$

где $I_{\text{дов.}}$ — индекс доверия; А, Б, В, Г, Д — число респондентов избравших соответствующий вариант ответа (А — доверяю полностью, Б — скорее доверяю, В — трудно сказать определенно, Г — скорее не доверяю, Д — совсем не доверяю); 1, 0,75, 0,50, 0,25, 0 — условные корректирующие коэффициенты; n — общее число респондентов.

Полученные индексы доверия суммируются и усредняются. Таким образом, комплексный индекс доверия власти исчисляется по формуле (5):

$$I_{\text{дов.комп.}} = \frac{\sum I_{\text{дов.}}}{\Pi} \quad (5),$$

где $I_{\text{дов.комп.}}$ — индекс доверия комплексный, $\sum I_{\text{дов.}}$ — сумма индексов доверия по избранным переменным, Π — число избранных переменных.

Доверие оппозиции измеряется аналогичным образом, например, вопрос: «**В какой степени Вы доверяете сегодня ведущим оппозиционным силам?**», предполагает следующий дизайн признака-переменной, см. Таблицу 3.

Таблица 3 – Дизайн признака-переменной при определении доверия оппозиции

Оцениваемые оппозиционные силы	Шкала показателей замера				
	доверяю полностью	скорее доверяю	скорее не доверяю	совсем не доверяю	трудно сказать
Партии (пишется определенное название или в целом по блокам партии)	1	2	3	4	5
Организации (например, парламент в целом, если он противостоит исполнительной власти)	1	2	3	4	5
Отдельные политические лидеры (указываются конкретные фамилии)	1	2	3	4	5

Исчисление комплексного индекса доверия оппозиции осуществляется таким же методом, с использованием тех же формул, что и индекса комплексного доверия власти.

Индекс удовлетворенности населения своим уровнем жизни исчисляется на базе данных, полученных из распределения ответов на вопрос инструментария: «**Насколько Вы удовлетворены следующими показателями уровня жизни?**», см. Таблицу 4.

Таблица 4 – Дизайн признака-переменной при определении удовлетворенности населения уровнем жизни.

Оцениваемые показатели	Шкала показателей замера				
	полностью удовлетворен	скорее удовлетворен	скорее не удовлетворен	совсем не удовлетворен	трудно сказать
Размер заработной платы	1	2	3	4	5
Регулярностью выплаты заработной платы	1	2	3	4	5
Уровнем цен на продукты питания	1	2	3	4	5
Уровнем цен на промышленные товары	1	2	3	4	5
Ассортиментом дешевых продуктов питания	1	2	3	4	5
Ассортиментом дешевых промтоваров	1	2	3	4	5
Уровнем цен на коммунальные услуги	1	2	3	4	5
Уровнем медицинского обслуживания	1	2	3	4	5
Положением на работе	1	2	3	4	5
Охраной правопорядка	1	2	3	4	5

Индекс удовлетворенности рассчитывается по тому же принципу, что и индекс доверия власти и оппозиции, т.е. исчисляется I_y по каждому показателю в отдельности, а затем исчисляется комплексный индекс, который и используется при дальнейшем анализе.

Следует заметить, что индексы удовлетворенности и доверия исчисляются по предложенной системе в интервале от 0 — отсутствие доверия или полная неудовлетворенность, до 1 — полное доверие, полная удовлетворенность.

Наиболее простое использование полученных индексов — это построение ранговых рядов по принципу возрастания или убывания индексного веса критериальных параметров. Например, можно определить, какой ветви власти население доверяет в наибольшей степени, какая проблема является наиболее острой для граждан страны, кто из представителей оппозиции наиболее приемлем для избирателей и т.п. Используя полученные данные, можно определить, какой из индексных весов оказывает наибольшее воздействие на формирование значения суммарного индекса.

Если показатель политической стабильности чутко реагирует на структуру внутренних, эндогенных факторов, определяющих особенности политической ситуации, то показатель социальной напряженности сконструирован с целью комплексного учета влияния экзогенных переменных.

Показатель социальной напряженности (ПСН) строится методом группировки данных, полученных из ответов респондентов на ряд специально сформулированных вопросов. Набор операционных понятий, являющихся базой для построения вопросов и шкал, включает в себя переменные, отражающие основные проблемы населения и оценочные характеристики деятельности ключевых социальных институтов, влияющих на ситуацию в обществе.

За основу показателя взят вопрос, позволяющий зафиксировать динамику изменения оценки респондентом своего материального положения. Для этой цели в формулировку вопроса заложена терминология, фиксирующая точку отсчета (например, месяц, три месяца, год и т.п.). Для замера используется альтернативная шкала с достаточной мерой чувствительности (пяти- или семивариантная). Вопрос ставится следующим образом: **«Как изменилось Ваше собственное материальное положение за последнее время?»** (Финальная фраза вопроса зависит от того, как часто производится подобные замеры). Используется шкала, в терминах «улучшение – ухудшение»:

1. Существенно улучшилось.
2. Немного улучшилось.
3. Не изменилось.
4. Немного ухудшилось.
5. Существенно ухудшилось.

Следующим параметром, необходимым для вычисления ПСН, является оценка респондентом актуальности или значимости тех проблем, которые определяют не просто уровень жизни, а возможность «нормально жить в принципе». Набор переменных для построения вопросов может быть получен несколькими способами. В их числе динамический, экспертный и опытный.

Первый способ означает выделение проблем, которые должны оцениваться респондентами путем отбора по результатам разнообразных опросов, проводившихся ранее. В этом случае фиксируются и отбираются для создаваемой методики параметры, характеризующие серьезные жизненные проблемы, которые чаще всего отмечаются респондентами, в том числе и при ответах на открытые вопросы.

Второй подход предполагает отбор проблем с помощью привлеченных для реализации данной цели экспертов. В инструментарий включаются те проблемы жизни людей, которые получили наибольшее число выборов экспертов.

И, наконец, третий способ. Его применение предполагает отбор параметров оценки, исходя из факта крайне тяжелой экономической ситуации в обществе. В этом варианте для построения вопроса привлекаются переменные, обозначающие возможность или невозможность удовлетворения респондентом минимальных потребностей, без которых немислимо физическое существование человека.

В нашей методике используется третий способ. Для замера применяется следующий вопросный блок, см. Таблицу 5.

Таблица 5 – Актуальность для респондента и его семьи названных проблем

Проблемы	Очень актуально	Скорее актуально	Скорее не актуально	Не актуально	Затрудняюсь ответить
Невозможность купить необходимые продукты питания в связи с нехваткой денег	1	2	3	4	5
Невозможность купить необходимую одежду в связи с нехваткой денег	1	2	3	4	5
Невозможность купить необходимые лекарства и заплатить за медицинские услуги в связи с нехваткой денег	1	2	3	4	5

Третий параметр замера предполагает выявление отношения респондента к различным социальным институтам общества. В описываемой методике используется терминология «виновен – невиновен». С нашей точки зрения, это наиболее удобный вариант связки данного блока вопросов с теми блоками, которые были описаны выше.

Итак, третий вопрос, используемый при замере ПСН:

«Если Ваша жизнь ухудшается, то как Вы думаете, кто в этом виновен прежде всего?»

1. Парламент.
2. Правительство.
3. Президент.
4. Партии.
5. Местная власть.
6. Чиновничий аппарат.
7. Оппозиция.
8. Мафия.
9. Предприниматели.
10. Виноваты мы сами.
11. Прочее.

Таким образом, выделено три критерия, по которым должен осуществляться замер ПСН. Базовой точкой выступает блок вопросов об актуальности для населения названных жизненных проблем. Вопрос 1 используется как конкретизирующий, а вопрос 3 – как типологизирующий. Это значит, что с помощью вопроса 1 в группе людей с низким жизненным уровнем отсекаются все те, у кого этот уровень хотя бы немного улучшился по сравнению с предыдущим отрезком времени.

С помощью вопроса 3 в полученной группе неудовлетворенных жизнью отсекаются те, кто не винит в этом органы власти всех уровней. Итак, мы осуществляем группировку данных с целью выделения протестной группы – «тяжелые материальные условия жизни, которые не улучшаются совсем и в которых обвиняются властные структуры».

Опыт показывает, что численность группы неудовлетворенных уровнем своего материального положения может быть достаточно большой, однако протестная группа – т.е. те, кто видит конкретных виновников своих проблем в лице власти, по своей численности значительно меньше.

Показатель социальной напряженности выражается отношением числа попавших в протестную группу к общему объему выборочной совокупности.

При анализе полученных данных учитывается, насколько протестная группа разделяет позиции противостоящих органам управления сил (если такие силы реально существуют). В ходе анализа исследователи могут установить логическим путем реальные возможности протестной группы и развитие событий в обществе в условиях увеличения и усиления, а также уменьшения и ослабления протестной группы.

Показатель харизматичности лидера (ПХЛ). Для расчета названного показателя используется вопрос инструментария **«Что могло**

бы определить Вашу позицию при голосовании на выборах?». Замер осуществляется с использованием следующего набора переменных:

«Он один из нас – простой человек», «Он понимает заботы людей», «Он тот, что надо», «Он рожден быть лидером нации», «Меня устраивает его программа», «Он умеет мыслить на перспективу», «Он профессионален и компетентен», «У него надежная команда», «Он лучше других знает, что нужно делать», «Он человек дела», «Он способен убедительно говорить», «Его отличают доброта и человеческие качества», «Он новый, не такой как все остальные», «У него привлекательная внешность», «Он – меньшее из зол».

П хл исчисляется по формуле (6):

$$П\ хл = \frac{\sum_{l=1}^n П_l}{n \cdot 100} \quad (6),$$

где П хл – показатель харизматичности лидера, n -число переменных, $П_l$ -процентный вес каждой из переменных, 100 – условное число, применяемое для перехода на индексный вес. Показатель харизматичности лидера располагается в интервале от 0 (отсутствие харизмы), до 1 (максимальный уровень харизматичности).

При применении методики расчета ПХЛ следует иметь в виду то, что замер наличия или отсутствия харизматических качеств у политических лидеров количественными методами дает условный результат. Опросы помогают получить набор субъективных оценок респондентов, которые формируются у последних в процессе воздействия на них названных качеств. Тем не менее, возможно получение достаточно адекватной картины, так как доносимые до избирателей и воспринимаемые ими качества реализуются последними в ходе голосования. По этой причине расчет ПХЛ представляется целесообразным.

Показатель уровня политической культуры (ПУПК).

Стабильность демократических преобразований в переходных обществах во многом гарантируется осознанной активностью граждан. Именно по этой причине изучение ситуации в политическом поле предполагает замер уровня политической культуры с применением методики расчета предлагаемого показателя. Первоначально следует заметить то, что обладающий политической культурой человек не только должен иметь склонность к анализу важных проблем, уметь оценить эти проблемы, но и быть готовым к поступкам в соответствии со сложившейся ситуацией.

Таким образом, замер ПУПК может осуществляться с использованием трех блоков вопросов:

- наличие собственной политической позиции;
- умение оценить происходящее;
- настроенность на действия адекватные ситуации.

Первый блок включает вопросы, направленные на выяснение политических взглядов и установок респондентов: их отношение к идеологическим позициям политических партий, к формам собственности, к власти и оппозиции. Второй блок определяет отношение к конкретно происходящим событиям, выясняет оценки данные респондентам деятельности важнейших политических институтов. Посредством третьего блока определяется степень электоральной активности респондента, его готовность участвовать в массовых политических мероприятиях.

В поставленных вопросах используется пятивариантные альтернативные шкалы типа «Да» – «Скорее, да» – «Скорее, нет» – «Нет» - «Затрудняюсь ответить». Далее, с целью индивидуализации отбора при осуществлении группировки данных исследования применяется метод «сито», который использовался при расчете соответствующего сложного рейтинга (смотри раздел «Рейтинговые замеры»). Первый этап обработки информации предполагает выделение четырех групп респондентов:

1. Группа с высоким уровнем политической культуры;
2. Группа с достаточно высоким уровнем политической культуры;
3. Группа со средним уровнем политической культуры;
4. Группа с недостаточным уровнем политической культуры.

Отбор осуществляется путем включения в первую группу всех тех респондентов, которые во всех случаях, в каждом из ответов выбирали варианты «Да» или «Скорее, да». Вторая группа формировалась из респондентов, давших ответы «Да» и «Скорее, да» по всем позициям, за исключением одной или двух. Третья группа составляется из респондентов давших названные ответы не менее чем по половине позиций. Последняя группа включает всех оставшихся респондентов. Возможно выделение группы респондентов, которые дали отрицательные ответы по всем предложенным позициям. В дальнейшем определяются социально-демографические характеристики в каждой из групп, рассчитывается взаимосвязь ПУПК с другими показателями и рейтингами.

Показатель совместимости политика и электората (ПСПЭ). В процессе анализа результатов исследований, осуществленных с

использованием виртуальных замеров (сбора информации методами качественных и количественных опросов текстов) может рассчитываться «показатель совместимости политика и электората» (ПСПЭ). Названный показатель определяется по формуле (7):

$$\text{ПСПЭ} = \frac{\sum_{i=1}^n x_i (\text{совп.})}{100 \times n} \quad (7),$$

где ПСПЭ – искомый показатель;

x_i (совп.) – число респондентов (в процентах) мнения которых совпали с мнением рассматриваемого лидера по результатам ответов на каждый из поставленных вопросов;

i [1; n] номер вопроса в бланке интервью;

n – число вопросов, используемых в анализе с применением данной формулы;

100 – условное число, принятое для перевода полученного результата в индексы.

Значения искомого показателя располагаются в интервале от 0 до 1, причем, если они не превышают 0,499, уровень ПСПЭ является недостаточным, а претензии претендента на избираемый пост выглядят сомнительными. При варианте уровня ПСПЭ от 0,5 до 0,7 шансы политика представляются очень обнадеживающими, а уровень от 0,71 и выше практически гарантирует хорошие перспективы на успех.

Показатель перспективности кандидата и индекс перспективности (ППК). Показатель перспективности кандидата (ППК) исчисляется на базе данных социологического замера, который проводится в период подготовки к избирательной кампании. Целью построения ППК является предварительное определение возможностей того или иного лица, готовящегося к выдвижению в качестве кандидата на выборы любого уровня. Для построения названного показателя в инструментарий исследования включаются вопросы, с помощью которых фиксируются наиболее приемлемые для электората личностные и деловые качества претендента, его политические установки и предпочтения, а также имиджевые характеристики.

Итак, в процессе сбора информации фиксируются следующие предпочтительные параметры:

- Социально-демографические характеристики кандидата;
- Социальная сфера, выходцем из которой является кандидат;

- Профессиональная среда;
- Принадлежность к определенной политической партии;
- Направленность возможной предвыборной программы;
- Качества управленца и организатора;
- Стиль одежды;
- Манеры, способы общения, умение держаться перед публикой;
- Язык общения;
- Особенности речи;
- Конфессиональная принадлежность;
- Жесты и мимика;
- Психологические качества, особенности характера.

По каждому из названных параметров приводится набор признаков-переменных. Выбор респондентами того или иного признака позволяет после обработки данных построить ранговые ряды желаемых качеств на базе рассчитанных процентных весов каждого из них.

В ходе анализа данных может быть построен портрет желаемого кандидата. В качестве основополагающих характеристик данного портрета выступают те, с которыми связано наибольшее количество предпочтений респондентов. Эти данные используются политическими группировками или инициативными группами для подбора наиболее перспективных кандидатов. Мониторинг степени эффективности такого подбора может быть осуществлен социологическими методами. Однако это не главная цель данного замера, так как в основном он дает возможность формирования идеального портрета. Чтобы определить перспективность реального лица требуется отобрать все те характеристики, которые присущи именно конкретному человеку. После отбора таких характеристик определяются их процентные веса, каждый из которых делится на сто. Таким образом, выделенные черты оцениваются уже не в процентах, а в индексах.

Полученные индексные веса суммируются, и итоговая цифра делится на общее число измеряемых параметров. Таким образом, определяется средний индекс, который и является показателем перспективности кандидата. Оценка данного показателя осуществляется в интервале от 0 до 1.

При среднем индексе от 0 до 0,25 ППК будет «крайне низким»; от 0,26 до 0,5 — «низким»; от 0,51 до 0,75 — «высоким»; от 0,76 до 1 — «очень высоким».

Осуществляя прогнозные расчеты любым из предложенных выше способов, следует учитывать, что полученные результаты являются показателем приоритетов 100% избирателей. В выборах же, как правило,

принимают участие далеко не все из них. С целью внесения поправки на уровень избирательной активности в расчетные величины рейтингов и был сконструирован «индекс перспективности» (ИП).

При построении ИП за основу берется несколько посылок, подтвержденных как теоретически, так и на практике: итог выборов зависит уровня явки избирателей на участки для голосования и уровня поддержки конкретных кандидатов; уровень явки и поддержка на практике оказываются взаимосвязанными; эта взаимосвязь опосредована социально-демографическими признаками; группировка внутри выборочного массива по наиболее существенным с этой точки зрения признакам (возраст, образование, место жительства) возможна только при репрезентативной по этим признакам выборке и позволяет рассматривать явку и поддержку в каждой из групп как независимые события, что дает возможность использовать при расчетах теорию вероятности.

Базовыми для построения ИП являются данные о поддержке политических сил или отдельных кандидатов избирателями и о предполагаемом уровне избирательной активности, а также их распределение в зависимости от социально-демографических признаков.

Каким образом можно получить рейтинговые данные, было подробно показано выше. Для определения предполагаемого уровня избирательной активности существует по меньшей мере три источника:

- использование материалов Центризбиркома;
- использование данных послевыборных социологических исследований;
- изучение готовности населения принять участие в предстоящих выборах.

Если в первых двух случаях анализ неизбежно сопряжен с рассмотрением тенденций и расчетом трендов, что может оказаться не всегда эффективным, учитывая малый опыт свободных выборов, которым располагает молодое государство, то проективные данные социологических исследований, касающиеся возможного участия в выборах, в большинстве случаев оказываются достоверными. Для получения информации о предполагаемом участии в выборах используется следующий вопрос «**Примете ли Вы участие в предстоящих выборах?**» и предлагается пятивариантная шкала:

- А. Да, приму обязательно
- Б. Да, скорее приму
- В. Нет, скорее не приму
- Г. Нет, не приму
- Д. Затрудняюсь ответить

Перевзвешивание ответов осуществляется с применением корректирующих коэффициентов, установленных опытным путем, по формуле (8):

$$Я = A \times 1 + B \times 0,75 + B \times 0,25 + Г \times 0 + Д \times 0,50 \quad (8),$$

где $Я$ – предполагаемый уровень избирательной активности (в %);
 $A, B, B, Г, Д$ – частота (в %) выбора респондентами каждого из перечисленных вариантов ответа;
 $1, 0,75, 0,5, 0,25, 0$ – корректирующие коэффициенты.

Расчет ИП производится в несколько этапов. На первом этапе внутри выборочной совокупности производится группировка по существенным с точки зрения влияния на избирательную активность и поддержку кандидатов признакам (значимость конкретного признака для анализа можно выявить путем корреляционного анализа). Далее рассчитывается и представляется в долях единицы распределение поддержки кандидатов по полученным группам, в результате чего получаем вероятность избрания каждого кандидата ста процентами избирателей, входящих в группу. Вероятность явки всех избирателей данной группы на избирательные участки выражается относительной частотой явки по данной группе. На следующем этапе вычисляется произведение вероятности избрания кандидата данной группой и относительной частоты явки по группе, что дает вероятность избрания кандидата в группе при условии неполной явки. Полученная величина умножается на удельный вес группы в общей численности населения, чтобы иметь возможность суммировать результаты по каждому кандидату. Суммы результатов каждого кандидата для удобства помножаются на 100%. Таким образом, ИП конкретного кандидата или политической партии вычисляется по формуле (9):

$$I_{n/я} = \sum_{i=1}^n P_{ki} \times Я_{ki} \times W_i \times 100\% \quad (9),$$

где $I_{n/я}$ – индекс перспективности при уровне явки= $Я$;
 n – число групп (зависит от количества признаков-критериев группировки), i номер группы [1; n];
 P_{ki} – рейтинг кандидата по группе i в долях единицы;
 $Я_{ki}$ – относительная частота явки по группе i ;
 W_i – удельный вес группы i в общей численности населения.

Например, кандидата «Х» поддерживает 37,9% населения, но в структуре его электората преобладают люди старшего поколения. Уровень явки на предстоящих выборах должен составить порядка 79,8%. Учитывая ключевое влияние возраста, произведем группировку именно по этому признаку. Тогда ИП при ожидаемой явке 79,8 % составит 31,19%. Таким образом, за счет структуры предполагаемой активности Х может потерять около 6% голосов. Регулярные исследования и расчет по их данным ИП позволяют строить динамические ряды и осуществлять прогнозы развития ситуации как сценарными так и трендовыми методами.

При анализе данных электорального исследования индекс перспективности, как и другие перечисленные показатели, целесообразнее всего использовать комплексно. Только глубокое понимание специфики предвыборных исследований в постсоветских обществах и, а также соблюдение всех необходимых правил и процедур позволяет социологи получить действительно качественные и надежные данные.

Группа показателей политического контекста и прогнозного фона. Исследования проблем политического поля требуется проводить в короткие сроки и по сопоставимым методикам, что направлено, прежде всего, на обеспечение точности, высокого качества получаемой информации и возможности построения прогнозов. Наличие готовых аналитических моделей, некоторые из которых предложены ниже, позволяет существенно упростить выполнение этих требований как на этапе программирования исследования, так и при анализе его результатов. В основе наших конструкций лежит группировка данных и последующее построение агрегированных показателей (индексов), которые используются в дальнейшем, во-первых, для более наглядного представления данных, во-вторых, для удобства сравнения характеристик выделенных по различным критериям групп внутри массива, в-третьих, в качестве элементов системы показателей прогностических моделей.

Показатель эффективности мероприятия (ПЭМ) сконструирован с целью оценки качества акций, проводимых в рамках избирательных кампаний. Базовыми для построения ПЭМ являются три вопроса, причем первый и второй – буферные:

1. Знаете ли Вы, что __ (дата) прошло _____ (мероприятие)?

1. Да, знаю
2. Нет, не знаю

2. В какой степени Вы осведомлены о содержании высказываний _____ (кандидата или его представителей) на данном мероприятии? Внимание! На вопрос №2 отвечают только

респонденты, выбравшие в предыдущем вопросе первый вариант ответа.

1. Полностью осведомлен (по телевизионной трансляции или материалам печати, т.е. смотрел (прочел) от начала до конца, возможно, присутствовал лично)
2. Скорее осведомлен (знаком только с наиболее важными положениями, например, по авторитетным комментариям в СМИ)
3. Скорее не осведомлен (что-то слышал, рассказывали знакомые и т.п.)
4. Совершенно не осведомлен
5. Затрудняюсь ответить

3. Если содержание высказываний Вам известно, то в какой степени Вы разделяете эти идеи? Внимание! На вопрос №3 отвечают только респонденты, выбравшие в вопросе №2 1-3 позиции.

1. Полностью разделяю
2. Скорее разделяю
3. Скорее не разделяю
4. Совершенно не разделяю
5. Затрудняюсь ответить

Данные, полученные в результате ответов на перечисленные вопросы, группируются и соотносятся в соответствии с формулой (10):

$$ПЭМ = \frac{(1) \times 1 + (2) \times 0,75 + (3) \times 0,25 + (4) \times 0 + (5) \times 0,5}{100} \quad (10),$$

где (1), (2), (3), (4), (5) – процент респондентов, выбравших соответствующие позиции при ответе на вопрос №3; 1, 0,75, 0,5, 0,25, 0 – поправочные коэффициенты.

Полученный показатель может принимать значения от 0 до 1 и интерпретируется так: значения в интервале от 0 до 0,3 указывают на низкую эффективность мероприятия; от 0,3 до 0,6 – на среднюю; и от 0,6 до 1 – на высокую.

Применение ПЭМ в комплексе с рейтингами «весь» и «из прошлого в будущее», т.е. расчет данного показателя внутри групп «жестких сторонников», «жестких противников» и «не определившихся» (при использовании рейтинга «весь»), а также внутри групп «стабильно за», «стабильно против» и «потеря» (при использовании рейтинга «из прошлого в будущее»), позволяет определить степень и направление воздействия мероприятия на конкретные группы электората. Плодотворным также оказывается сравнение ПЭМ, рассчитанных для

различных социально-демографических групп. ПЭМ могут быть построены и с целью сравнения эффективности акций противоборствующих политических сил (например, власти и оппозиции), но тогда необходим соответствующий блок вопросов для каждой из них.

Отдельного внимания заслуживает анализ позиции 3 (скорее не осведомлен) вопроса №2. Можно считать, что респонденты, выбравшие этот вариант, получили информацию из вторичных источников (в том числе по слухам), поэтому появляется возможность оценить значительность мероприятия как информационного повода. Расчет ПЭМ только внутри этой группы респондентов позволяет также определить, в пользу или во вред политической силе, проводившей мероприятие, распространяются в данный момент слухи.

Показатель экономического оптимизма (ПЭО) создан, прежде всего, для удобства сопоставления данных повторных исследований и является одним из компонентов прогностической модели, позволяющим учитывать экономические ожидания населения как один из факторов, влияющих на итоги выборов. В конструкцию показателя заложена та же логика анализа, что и в предыдущем случае. Базовыми являются два вопроса:

1. Как изменилось Ваше материальное положение за последний год?

1. Существенно улучшилось
2. Немного улучшилось
3. Не изменилось
4. Немного ухудшилось
5. Существенно ухудшилось
6. Затрудняюсь ответить

2. Как, на Ваш взгляд, изменится материальное положение Вашей семьи через год?

1. Существенно улучшится
2. Немного улучшится
3. Не изменится
4. Немного ухудшится
5. Существенно ухудшится
6. Затрудняюсь ответить

ПЭО рассчитывается с использованием таблицы сопряженности следующего вида, см. Таблицу 6.

Таблица 6 – Общий вид используемой при расчете ПЭО таблицы сопряженности с применяемыми к каждой группе поправочными коэффициентами

Вопр.№1 \ Вопр.№2	1.Существ. улучш. (1)	2.Немного улучш. (0,75)	3.Не изменится (0,5)	4.Немного ухудш. (0,25)	5.Существ. ухудш. (0)	6.Затр. отв. (0,5)
1.Существенно улучшилось (0)	0	0	0	0	0	0
2.Немного улучшилось (0,25)	0,25	0,1875	0,125	0,0625	0	0,125
3.Не изменилось (0,5)	0,5	0,375	0,25	0,125	0	0,25
4.Немного ухудшилось (0,75)	0,75	0,5625	0,375	0,1875	0	0,375
5.Существенно ухудшилось (1)	1	0,75	0,5	0,25	0	0,5
6.Затрудняюсь ответить (0,5)	0,5	0,375	0,25	0,125	0	0,25

Начало координат в данном случае располагается на пересечении первой строки и пятого столбца (абсолютными пессимистами можно считать респондентов, материальное положение которых существенно улучшилось, но, тем не менее, они ожидают его ухудшения). Таким образом, ПЭО рассчитывается по аналогичной ПДР формуле, а некоторые отличия касаются в первую очередь размерности используемой для замера шкалы, см формулу (11).

$$\text{ПЭО} = \frac{\sum_{i=1, j=1}^6 K_{pi} \times K_{pj} \times X_{ij}}{100\%} \quad (11),$$

где K_{pi} и K_{pj} – поправочные коэффициенты для строки i и столбца j соответственно, равные 1, 0,75, 0,5, 0,25, 0; X_{ij} – значение признака на пересечении строки i и столбца j .

Комплексный анализ полученных показателей позволяет получить достаточно адекватную и полную картину ситуации в политическом поле, понять особенности и тенденции в изменении этой ситуации, осуществить на этой основе качественное и точное прогнозирование дальнейшего развития событий.

А.В. Посталовский

5.6 Методологический инструментарий структурно-функционального анализа в теоретической социологии

Процессы социальной динамики обществ периода техногенной цивилизации (В.С. Степин) отмечаются усложнением системы межличностных взаимодействий индивидов. Данный феномен получил разностороннюю регламентацию представителями социальных наук. Например, «столкновение цивилизаций» представляется С.П. Хантингтону вариативной формой исторической эволюции, которое выступает следствием разрешившегося конфликта общественно-экономических формаций и осознанием своей культурной идентичности «(не)западными обществами» – реакцией на новый мировой порядок. Нынешний уровень развития общества как социальной системы (Н. Луман) характеризуется М. Крозье как «настоящий взрыв человеческих отношений» [1, с. 65].

Изучение форм взаимодействия системы и среды в контексте эволюционной социальной динамики, приводящей к полицивилизационной культуре современных обществ, требует определенного методологического инструментария, позволяющего выработать наиболее конструктивную оценку происходящего. Применение функционального подхода к изучению общественных процессов (пост)современности представляется конструктивным вариантом разрешения обозначенного проблемного поля. Расчленение познаваемого объекта на взаимодействующие подсистемы с определенной заданной функцией реализации потенциала общественных ролей является парадигмой функционального подхода в общественных науках. Данная методология исследования общественных процессов находила уже свое отражение в трудах представителей структурного функционализма в американской академической социологии (Т. Парсонс, Р.К Мертон, К. Дэвис, Л. Козер и др.). Однако указанное направление социологической мысли, по мнению Р. Дарендорфа, продуцирует «лишь материалы, однако же, не проблемы и не перспективы для теории» [2, с. 291], оставаясь, по сути, оппозиционной по отношению к марксизму идеологией, а не сформированным методологическим инструментарием. Абстракционизм и разногласия среди самих функционалистов относительно метода изучения социальной системы и этимологии функции представляются в качестве одной из основных дискуссионных проблем относительно притязания функционального подхода как самостоятельной категории научного познания.

Отсутствие единства относительно методологических построений функционализма, претендовавшего в 50-е годы XX века на статус «высокой теории» обусловили неоднозначность позиции, как представителей данного интеллектуального направления американской академической социологии, так и их сторонников и последователей. В связи с чем, вполне естественно, возникает вопрос: действительно ли функционализм можно отождествлять с научным методом по аналогии с системным подходом (теории Л. фон Берталанфи, У.Р. Эшби) либо это антагонистическая теория, представляющая собой одно из направлений социологической теории?

Задачей настоящей статьи выступает рассмотрение эвристической составляющей методологического инструментария структурно-функционального подхода в теоретической социологии. Идея рассмотрения объекта познания в форме организма и его структур во взаимодействии с окружающей средой, где части организма выполняют определенные функции, позволяет говорить о функциональном подходе не только как об интеллектуальном течении в американской академической социологии, но и как о попытке формирования концептуальной методологической модели, объясняющей особенности развития социальных процессов. Представляется также актуальной постановка вопроса о формировании теории «универсального» функционального метода исследования.

Научно-теоретическое и прикладное конституирование концепта структурно-функционального анализа в общественных науках проходило по аналогии с оформлением системного подхода в качестве самостоятельной категории научного познания. Предложенные методологические подходы исследования общественных процессов имеют общую теоретико-фундаментальную основу – классическую теорию систем, заимствованную у представителей естественных наук. Опираясь на аристотелевскую парадигму «целое – больше суммы его частей», Л. фон Берталанфи выстраивает модель познаваемого объекта в виде живого организма, подвергающегося внутрисистемным и внешним (внешнесистемным) воздействиям со стороны окружающей среды. Ключевой идеей концепции Л. фон Берталанфи является тезис о системе как о некоем целом, которая самоорганизуется путем «прогрессивной дифференциации» и развивается «из простых состояний к сложным» [3, с. 36]. Воздействие на систему описывается через понятие «вход» (в свою очередь, «выход» – это реакция организма на идущие извне импульсы). «Вход» и «выход» выступают взаимосвязанными категориями, действие одной порождает реакцию другой. Данные аспекты взаимосвязи отражают состояние гомеостазиса в динамике функционирования

организма, который представляет собой, по сути, «совокупность органических регуляций для поддержания устойчивого состояния организма» [3, с. 40]. Гомеостазис системы обеспечивает ее целостность, сама же система, по мнению У.Р. Эшби стремится к равновесию [4, с. 333]. Как отмечает А. Рапопорт, «при таком подходе особое внимание уделяется организованной сложности, то есть тому обстоятельству, что добавление новой единицы /.../ изменяет отношения между всеми единицами» [5, с. 88]. Сохранение единства организма (системы) выступает его основной задачей.

Исследования Л. фон Бергаланфи позволили сформулировать концепт системы как методологического аппарата исследования и послужили источником формирования в философской мысли принципов целостности и системности, служащих основанием утверждения в научной традиции самого системного подхода. В работах И.В. Блауберга и Э.Г. Юдина он уже обозначен как «методологическая ориентация исследования, основанная на рассмотрении объектов изучения в виде систем, то есть совокупностей элементов, связанных взаимодействием и в силу этого выступающих как единое целое» [6, с. 47]. Рассмотрение исследуемого объекта в контексте его целостности позволяет идентифицировать системный анализ как самостоятельную методологическую категорию научного знания.

Формирование концептуальных основ структурно-функционального анализа сложных организмов связано, прежде всего, с трудами Э. Дюркгейма [7], Г. Спенсера [8], К. Леви-Строса [9], Б. Малиновского [10], А.Р. Редклифф-Брауна [11]. Названный подход к исследованию межличностных взаимодействий и иных объектов материального мира имеет схожий с системным подходом методологический инструментарий. Если в системном подходе основанием метода выступает концепт системы как единого целого, в функциональном анализе предметом исследования выступает структура. Структура здесь сопоставлена организму, испытывающему внешние и внутренние воздействия. Как отмечает Т. Парсонс, «...любую систему можно представить как структуру, то есть ряд единиц и компонентов со стабильными свойствами..., а с другой стороны, как события, процессы, в ходе которых «нечто происходит», изменяя некоторые свойства и отношения между единицами» [12, с. 700]. Структура как система имеет в своем составе несколько подсистем, выводящих ее уровень самоорганизующейся категории. Как правило, к таким подсистемам относят «индивида, формальную структуру, неформальную структуру, неформальную организацию, статусы и роли, а также физическое окружение» [13, с. 380].

Принципиальное различие между системным и структурно-функциональным подходами заключается в методе познания рассматриваемого предмета исследования. Основной акцент структурно-функционального анализа смещается на отношения системы и ее частей с окружающими ее объектами. Отношение (взаимодействие) представляется наиболее проблемным вопросом при рассмотрении системы как структуры. Концептуальная модель классической теории целостного единства организма, стремящегося к гомеостазису, фактически не распространяется на рассмотрение отношений системы с внешними объектами. Формирование методологического инструментария функционального подхода, по мнению Ю.Г. Маркова, фактически изменило приоритеты рассмотрения внутреннего строения системы, направив основные усилия методологов на изучение «отношения и связи объекта как целого с окружающей средой» [14, с. 148]. Концептуальные основы структурно-функционального анализа системы во взаимодействии с ее окружением нашли отражение в структурном функционализме, одного из господствующих теоретических и методологических направлений в американском обществоведении.

Как уже отмечалось, научно-теоретические и прикладные аспекты структурного функционализма в качестве предпосылки своего возникновения, своими источниками имеют общую теорию систем и социальную антропологию. Проведя теоретико-методологическую экспликацию и синтез достижений европейской социологии (конкретно теории М. Вебера, В. Парето), Т. Парсонс предпринял попытку построения универсальной социологической теории социального действия, предполагающую наличие «единичного акта», назначение которого заключается в обеспечении интеграции социальной системы. Система действия, в свою очередь, включает в себя четыре функциональных императива: функция достижения цели, адаптация системы по отношению к окружающей среде, интеграция всех компонентов системы, регулирование скрытых напряжений системы. Парадигма четырех подсистемы общей теории действия понималась Т. Парсонсом в качестве теоретического фундамента новой универсальной социологической теории. Концептуальные основы своей теории Т. Парсонс изложил в своем докладе в декабре 1947 года на собрании Американского социологического общества (АСА) [15]. Перейдем к более подробному рассмотрению ключевых положений теории Т. Парсонса.

В своем эвристическом содержании, функционализм как теория и как идеология выступает продуктом достижений европейской социологии. В качестве своих интеллектуальных предшественников

Т. Парсонс называет М. Вебера (понятия целерациональности, социального действия), Э. Дюркгейма (понятие функции) и В. Парето (понятие социальной системы). Симбиоз сформулированных европейцами основных методологических понятий социологии легли в основу парсонсовской парадигмы социальной системы. Согласно Т. Парсонсу, «сведенная к самым простым понятиям (конкретно - цель, мотив, функция, социальное действие – П.А.) социальная система состоит из множества индивидуальных действующих лиц (actors), взаимодействующих друг с другом в ситуации, которая обладает, по меньшей мере, физическим аспектом, т.е. находится в некоторой среде действующих лиц, мотивации которых определяются тенденцией к оптимизации удовлетворения...» [16, с. 78]. Структурированный, иерархичный организм сохраняет свою целостность и равновесие посредством взаимодействия и взаимообмена с окружающей средой. Как отмечает Т. Парсонс, «...тенденция процесса взаимодействия к самосохранению есть первый закон социальных процессов» [16, с. 307]. Именно, исходя из категорий «взаимодействие» и «равновесие», функционалисты формируют понятие социальной системы, представляющей собой «систему, образуемую состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами» [17, с. 18]. В основе функционирования предложенной концептуальной модели конституируется понятие социального действия как необходимого условия дееспособности системы. Социальное действие («единичный акт») есть «действие, контролируемое решениями (значениями), принимаемыми под влиянием обстановки, исполняющее функцию интеграции живой системы» [18, с. 165]. Реализация социального действия обеспечивается функциональным удовлетворением потребностей, предложенных Т. Парсонсом подсистем, включающих в себя следующие императивы: ценности, нормы, коллективы и роли. Данные институты призваны обеспечить функциональное единство системы. Теоретическое редуцирование функциональной идеологии Т. Парсонса, согласно Н. Луману, можно свести к следующей сентенции: «Action is system» (действие есть система) и наоборот [19, с. 19].

При анализе парадигмы четырех подсистем Т. Парсонса и общей функциональной теории обнаруживается четкое следование представителями данного теоретического направления следованию постулату «единства системы» (структуры, общества, организма), достигаемое путем взаимодействия и обмена с окружающей средой. Функционалисты отстаивают идею равновесия социальной системы, обеспечиваемого отношениями внешних объектов и строением самой системы, реакция которой приводит либо к ее целостности, либо

структурным изменениям с сохранением функционального единства ее подсистем. И хотя структурно-функциональная теория отождествляется в общественных науках, прежде всего с американской академической социологией, объект познания и междисциплинарный охват изучения действительности позволяет отождествлять функциональный подход с самостоятельным научным методом наряду с системным подходом.

Под научным методом в научной среде, как правило, принято понимать «систему регулятивных принципов и приемов, с помощью которых достигается объективное познание действительности» [20, с. 13]. Функциональный подход к изучению системы во взаимодействии с окружающей средой, по нашему мнению, соответствует современным требованиям научно-исследовательской деятельности. Методологический инструментарий функционального подхода демонстрирует высокий эвристический потенциал в рамках исследований сложных структур и общественных систем. Например, структурно-функциональный анализ бюрократии управленческого аппарата государства позволяет определить механизмы функционирования социетальных структур, определяет степень бюрократизации тех или иных иерархий путем изучения межличностных и легитимных взаимодействий чиновников. Рассмотрение компетенции, подотчетности и ролей чиновников посредством исследования отношений работы канцелярии, правил внутреннего трудового распорядка позволяет сформулировать и объяснить феномен корпоративной культуры в бюрократической структуре. Структурно-функциональный анализ позволяет проследить динамику работы управленческой структуры, определить механизмы ее функционирования. Не случайно научно-теоретическое и прикладное применение методологии функционального подхода нашло отражение и в академической политической науке.

Интенции развития социологической теории социального действия, идей политического бихевиорализма выступили источником эволюции политологической науки, основным объектом изучения которой выступает личностное поведение и взаимодействие акторов в политической элите. Придав политической теории эмпирико-прикладной характер научного познания, функциональный подход обращает внимание на институционализацию ролей в политической системе. Концептуальная модель функционального подхода в политической науке, примененная Г. Алмондом, акцентирует внимание на феномене структуры институционализации ролей в системе, которая понимается как совокупность взаимодействий, функциональным назначением которых выступает интеграция и адаптация. Политическая система обладает следующими способностями: регулятивной (система регулирует

поведение – повсеместный, жесткий контроль при тоталитаризме), экстракционной (способность к воспроизводству), дистрибутивной (распределение благ, ресурсов), реагирующая (способность адекватного ответа на внешние и внутренние импульсы системы). Г. Алмонд особо описывает структуры политической системы, что позволяет этому американскому политологу сформулировать дефиницию «политической культуры», апплицирующуюся на окружающую среду политической системы и одновременно на характер взаимодействия акторов в политической элите [21, с. 44-47]. Охват познаваемых функциональным анализом явлений и отношений и результат уже проведенных исследований позволяет говорить о формировании универсальной познавательной стратегии функционализма в социальных науках. Однако, несмотря на вполне состоявшуюся идентификацию функционального подхода как научного метода, в академической среде по прежнему остаются дискуссионными и проблемными вопросы ключевых постулатов данной методологии, подвергается сомнению его дальнейшее применение и претензия на самостоятельность [2, 19, 22, 23, 24, 25]. Источником данных разногласий представляются некоторые неоднозначные положения структурно-функциональной теории.

Изначально функциональный подход рассматривался в качестве альтернативы системному подходу, его более широкий охват познаваемого предмета (отношение / взаимодействие целостной системы с подсистемами и окружающей средой) представлялся инновационным по сравнению со статичной целостной системой [14, с. 148-149]. Данный аспект имеет, на наш взгляд, амбивалентное значение. Как уже отмечалось выше, методологический инструментарий системного подхода направлен на обеспечение целостности познаваемого объекта. В работах И.В. Блауберга и Э.Г. Юдина отмечается взаимозависимость в органической системе свойств частей от свойств целого, что, по мнению ученых, составляет один из основополагающих принципов целостности [26, с. 16]. Сохранение компонентами системы своих качественных состояний выступает основным объектом приложения системного подхода в изучении сложных взаимодействий системы и среды.

Целое есть система – такой сентенцией можно обозначить, на наш взгляд, парадигму системного подхода. В основании философского принципа системности, по мнению В.Г. Афанасьева, лежат «философские представления о целостности объектов мира, о соотношении целого и частей, о взаимодействии системы со средой как об одном из условий существования системы, об общих закономерностях функционирования и развития систем...» [27, с. 44]. Идея системности позволяет нам определить характеризуемый подход скорее как более статичную модель

научного метода, чем динамическую. Безусловно, представители системного анализа отмечают некоторые эволюционные аспекты в развитии систем в результате взаимодействия с окружающей средой, однако, как нам представляется, основным итогом размышлений системных аналитиков сводится к незыблемости сохранения целостного (устойчивого) состояния системы. Теоретические и прикладные исследования представителей системного подхода концентрируются на формировании концептуальной модели сохранения целого как системы. Функциональный подход, основные положения которого были сформулированы структурно-функциональной теорией, концентрирует свое внимание на других аспектах.

Отличительной чертой структурно-функционального анализа от системного подхода представляется концентрация внимания функционалистов на динамических свойствах целого как системы. Одним из ключевых в понятийно-категориальной модели функционального подхода выступает концепт процесса, понимаемого Т. Парсонсом как «способ или метод, которым данное состояние системы или части системы превращается в другое ее состояние» [16, с. 303]. Анализ системы функционалистами, как мы уже показали, представляет собой рассмотрение системы, а также ее подсистем во взаимодействии/отношении с окружающей средой. Система, в представлении идеологов функционального анализа, постоянно эволюционирует, контактируя с внешней средой, она постоянно стремится к гомеостазису и динамическому равновесию, достигая данных состояний, система каждый раз переходит на новый уровень своего развития. «Эволюционный путь от древнейших человеческих обществ к сегодняшним, – по оценке Т. Парсонса, – сопровождался определенными скачками в развитии их адаптивной способности» [17, с. 13]. Система, находясь во взаимодействии с окружающей средой, достигает качественно нового уровня развития, эволюционируя в процессе реакции на идущие от среды импульсы путем концентрации своих адаптивных и интегративных способностей. В процессе своего развития система периодически принимает новое состояние, причем новое состояние качественно отличается от предыдущего.

Обозначенная выше идея позволяет нам обозначить структурно-функциональный подход как скорее динамическую модель научного метода, чем статичную. основополагающая сентенция функционального подхода «Action is system» («действие есть система») противопоставляется парадигме системного подхода «система есть целое» («System is whole»). Система Парсонса есть социальная статика, не предполагающего отклонений и изменений рассматриваемого объекта.

Происходящие эволюционные процессы собраны в систему, части (подсистемы) которой функционально необходимы и позитивны для сохранения образца и регуляции социального нормативного порядка. Активно пролонгируя динамическую модель, Т. Парсонс, по сути, пользуется статичным теоретико-методологическим инструментарием, заранее обрекая свою теорию на критические нападки со стороны оппонентов.

Интенции критического восприятия в теоретической социологии теорий, направленных на поддержание предмета в состоянии функционального единства и идеализации его адаптивных свойств, не испытывающих энтропии, обусловлены, на наш взгляд, неоднозначными положениями концепции Т. Парсонса. Парадигма четырех подсистем, как уже отмечалось, в своей эвристической направленности имела цель обосновать сохранение системы в единстве, приписывая функционированию самой системы исключительно позитивную функцию, не подвергаясь при этом конфликтам и внутренним противоречиям. Так, Я. Уайтхедер, критикуя функционалистов, отмечает в качестве недостатков «использование статических моделей, настойчивое подчеркивание ими функционального за счет исключения дисфункционального и их неспособность доказать, что некоторый вид деятельности существенен для сохранения данной системы» [28, с. 282]. А. дон Мартиндейл говорит о неадекватном обращении функционалистов с несистемными аспектами социальной жизни и несостоятельности в понимании проблемы социальных изменений [29, с. 327]. А.У. Гоулднер подчеркивает излишний консерватизм функциональной идеологии, направленный на сохранение статус-кво нормативного порядка и социальной системы, не рассматривающих должным образом вопросы изменения социального порядка и конфликтов в обществе [23, с. 382-383].

Р.К Мертон, учитывая недостаток идеалистической концепции Т. Парсонса, вводит понятие дисфункции, определяемой в качестве наблюдаемых последствий, «уменьшающих адаптацию или регулировку системы» [30, с. 146]. Действие системы может иметь как функциональное, так и дисфункциональное последствие. Введение понятий «явные функции» и «латентные функции» позволяет определить степень осознания и мотивов, которыми руководствовались участники (по Р. Мертону) при регулировке или адаптации системы. Явные функции предполагают планирование осознание участниками объективных результатов, направленных на адаптацию системы. «Латентные функции, соответственно, те, которые они не планируют и не осознают» [30, с. 146]. Отмечавшееся выше следование Т. Парсонса

системной модели как основания социального действия не находит отражение у Р.К. Мертон. На передний план выходит конституирование концепта структуры в качестве методологического основания функциональной теории. Понятие «система» Р.К. Мертоном фактически не употребляется. Неприятие системы связано, на наш взгляд, со статичной конструкцией и консервативностью позиции, противоречащей новой модели функционализма, предполагающей динамическое состояние (функция-дисфункция, явная функция–латентная функция).

Притязания функционального подхода на динамическую модель познания объекта, предполагающую, по сути, эволюционный подход к рассмотрению социальных и природных (вещественных) объектов, послужили поводом критики структурно-функциональной методологии. В социально-гуманитарных науках к середине XX века данная ниша была заполнена уже сформировавшимися концептуальными формационными (марксизм) и цивилизационными (О. Шпенглер, А. Тойнби, Н.Я. Данилевский, К. Ясперс) моделями общественной эволюции и любая предложенная идея развития в той или иной мере была обречена на проведение параллелей с уже утвердившимися методологиями. Критическое восприятие функционального подхода основывалось, прежде всего, на его компаративном анализе с марксизмом.

Позиционируя себя в качестве критиков марксистской модели общественного развития, функционалисты, по сути, рассматривают те же вопросы, концептуальное различие которых следует, на наш взгляд, искать в идеологическом противостоянии интеллектуальных миров, вызванного «холодной войной», ключевого явления в области международной политики в рассматриваемый период. Советская академическая наука фактически сразу после научно-теоретического оформления методологии функционального подхода, выработанного структурно-функциональной теорией, представила ряд работ, опровергающих, по ее мнению, основные постулаты данного вида анализа [см., напр. 31, 32, 33]. Критиковалась, как правило, антимарксистская направленность и научная несостоятельность функционального равновесия системы, неправильное понимание материальной сущности социальных конфликтов.

Как нам представляется, позиция критиков функциональной теории носит, прежде всего, идеологический характер. По нашему мнению, наиболее проблемным вопросом функционального подхода, вызывающий ряд дискуссий, выступает его методологический инструментарий, касающийся аспекта динамики систем. Игнорируя, по сути, диалектические основания общественной эволюции (прежде всего, момент «отрицания отрицания») идеологи функционального подхода

своей идеей «действие есть система», в процессе которого система эволюционирует, качественное меняя функциональный состав своих компонентов, подсистем и адаптивных свойств – фактически повторили основные постулаты диалектического материализма. Формационный подход К. Маркса, описанные им этапы общественной эволюции (первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм, социализм как переходный этап и коммунизм) можно спроецировать на основные положения функциональной теории системы. Описанные К. Марксом этапы, по сути, и есть варианты усложнения и развития системной модели, так как каждая общественно-экономическая формация выступает, по терминологии функционалистов, этапом развития системы, концентрации ее подсистем и свойств, каждая новая формация – есть отрицание и эволюция системы по сравнению с ее предыдущим состоянием. Думается, представленные аргументы критиков функционализма как самостоятельного метода познания послужили источником пересмотра своих некоторых положений идеологами данного направления в академической социологии. В своих поздних работах Т. Парсонс фактически переходит с позиций рассмотрения структурно-функциональной динамики социальных систем на формирование теории неозволюционизма в социогуманитарных науках [34].

Претендуя на роль обособленного научного метода, имеющего особый инструментарий и объект познания, функциональный подход свои концептуальные основания берет у противоположной ему идеологической модели, что непременно вызывает сомнения в притязаниях на самостоятельность применения как отдельно взятой методологии в социальных науках. В свою очередь, системный подход, выступивший источником возникновения идей функционалистов, сохраняя свою статичную методологическую направленность в изучении организма и среды, фактически остался вне критики и сохранил свою идентичность в научном познании в качестве научного метода. Методология системного анализа идеологически выдержана, статичное рассмотрение целостности объекта, ставящее во главу исследования модель живого организма как системы, позволило, на наш взгляд, представителям системного подхода остаться вне конфликта концептуальных теоретических моделей. Думается, рассмотрение организма как направления исследования, заимствованное из естественных наук позволяет сохранять нейтральную позицию по отношению к основным концепциям, господствующим в социальных науках. Динамика функционального подхода, представляющего собой структуру социального действия (по Т. Парсонсу) в своей трактовке эволюционного процесса вызывает ассоциации и проведение аналогий с

марксистской моделью общественной эволюции. Обозначенные проблемы не остались без внимания научного сообщества, как в самих США, так и в Западной Европе и СССР. Р. Дарендорф, критикуя структурно-функциональную методологию, подчеркивает ее идеологическую односторонность в вопросе обязательного сохранения системой функционального динамического равновесия, приверженность идее социальных конфликтов (по Л. Козеру) как необходимых регуляторов устойчивого состояния системы [35, с. 142-144]. Характеризуя содержательную сторону функциональной теории, Дж. Тернер говорит об основной посылке концепции функционалистов как о тавтологии: «система существует, данное подразделение – ее часть; следовательно, оно имеет положительное функциональное значение для сохранения системы» [36, с. 105]. А.У. Гоулднер отмечает тенденцию функциональной теории к конвергенции с марксистским эволюционизмом, подчеркивая излишний романтизм бесконфликтной модели структурного функционализма [23].

Проблемным вопросом самоидентификации структурно-функционального подхода как самостоятельного метода представляются также дискуссии относительно его статуса в научном познании. Отмечавшийся выше рост критических замечаний относительно методологических основ структурно-функциональной теории не мог не породить ответной реакции о стороны представителей данного направления по защите основных постулатов своей концепции. Р.К. Мертон предлагает отказаться от формирования универсальных познавательных методологий в социальных науках и перейти к научно-теоретическому и прикладному оформлению так называемых теорий «среднего уровня», концепций, имеющих четко обозначенный дисциплинарно метод и определенный объект познания [30, с. 72-78]. Обозначенная идея представляется попыткой отвести поток критических замечаний от функциональной теории, и свидетельствует о фактическом отказе функционалистов от притязаний на обладание универсальным методом познания действительности. Постановка проблемы формирования теорий среднего уровня вкупе с критическими замечаниями представителей академической науки, как в СССР, так и в Европе и США, – отложили разрешение вопроса о самоидентификации функционального анализа в научном познании на некоторое время.

Безусловно, идея рассмотрения взаимодействия / отношения системы с окружающей средой претендует на статус инновационной относительного системного подхода и выступает объективно складывающейся интенцией научного развития данного вида анализа. Постановка проблемы рассмотрения сложных объектов материального

мира как систем вызвала ряд плодотворных дискуссий, и концептуальное оформление функционального подхода в социальных науках выступает, прежде всего, результатом научной рефлексии, способствует усилению исследовательского интереса к теории систем. Очевиден прикладной характер направленности метода функционального подхода, который активно используется при изучении сложных структур, систем, организаций и общества в целом. Проблемным вопросом развития функциональной теории представляется гносеологическая дилемма методологического инструментария: рассмотрение познаваемого объекта как системы, сохраняющей свое функциональное динамическое равновесие посредством внедрения абстрактных понятий (Т. Парсонс) либо анализ конкретных структур и иерархий, изучение их явных и латентных функций в контексте социальных процессов (Р.К. Мертон). Абстракционизм парсонсовской социальной системы характеризуется нами как попытка сформулировать эволюционный процесс социального акта, который в своем содержании интегрирует действия индивидов, объясняя мотивационные аспекты их деятельности через теорию рационального выбора. Движение системы есть ее необходимое свойство, она интегрирует, адаптирует акторов социального процесса, постоянно стремится к ее функциональному равновесию. Любое общество, согласно представленному суждению, необходимо стремиться к поддержанию описанного равновесия, обеспечиваемого нормативной подсистемой, регулирующей правила поведения (право). Мертоновское «расчленение» познаваемого объекта на подсистемы и выявление его адаптивных и интегративных свойств, поддерживающих равновесное положение, посредством определения его основных функций и ролей представляется более привлекательным для образования методологического инструментария функционального подхода. Научно-теоретическая ревизия основ социальной динамики функционального подхода позволяет вернуться к дискуссии относительно самоидентификации функционального подхода. В свою очередь, системный подход как метод анализа сложных взаимодействий и целостности объекта сохраняет свою самостоятельность и притязания на статус научного метода. Статичность модели системного анализа позволила избежать критических замечаний в адрес представителей и апологетов данного подхода в формировании концепции объясняющую ту или иную теорию общественного развития и служащую ее идеологическим прикрытием.

Список использованных источников

1. Крозье, М. Основные тенденции современных сложных обществ / М. Крозье // Социально-политический журнал. – 1992, № 6-7. – с. 64-68
2. Дарендорф, Р. Тропы из утопии / Р. Дарендорф. Пер. с нем. Б.М. Скурагова, В.Л. Близнакова. – М.: Праксис, 2002. – 536 с. – (Серия «Образ общества»)
3. Берталанфи, Л. фон. Общая теория систем: критический обзор / Л. фон Берталанфи // Исследования по общей теории систем. - М.: 1969. – с.23-82
4. Эшби У.Р. Принципы самоорганизации / У.Р. Эшби // Принципы самоорганизации. Пер. с англ., под ред. и с предисл. А.Я. Лернера. М.: «Мир», 1966. – с.314-343
5. Рапопорт, А. Математические аспекты абстрактного анализа систем / А. Рапопорт // Исследования по общей теории систем. - М.: 1969. – с.83-105
6. Блауберг, И.В., Юдин, Э.Г. Становление и сущность системного подхода / И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин. – М.: 1973. - 74 с.
7. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – Пер. с фр. А.Б. Гофмана, примеч. В.В. Сапова. – М.: «Канон», 1996. – 431 с.
8. Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсер. Пер. с англ. Под ред. Н.А. Рубакина. – Мн.: Современ. Литератор, 1999. – 1408 с.
9. Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. Пер. с фр. В.В. Иванова. – М.: Академический Проект, 2008. – 555с. – (Философские технологии: антропология).
10. Малиновский, Б. Избранное: динамика культуры: (Сборник) / Б. Малиновский. – Пер. с англ. – М.: «РОССПЭН», 2004. – 958 с.
11. Рэдклифф-Браун, А.Р. Метод в социальной антропологии / А.Р. Рэдклифф-Браун. Пер. с англ. И заключ. Ст. В. Николаева. – М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 416 с.
12. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Парсонс Т. – Изд. 2-е – М.: Академический Проект, 2002. – 880 с.
13. Гвишиани, Д.М. Организация и управление / Д.М. Гвишиани. – М.: «Наука», 1972. – 536 с.
14. Марков, Ю.Г. Функциональный подход и современная наука / Ю.Г. Марков // Вопросы философии. – 1981, № 8. – с.148-156
15. The Present position and prospects of Systematic in sociology // Parsons T. Essays in Sociological Theory, Pure and Applied. The Free Press, Glencoe, 1949. – pp. 212-237.
16. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.
17. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект пресс, 1998. – 270 с.

18. Громов, И.А., Мацкевич, А.Ю., Семенов, В.А. Западная теоретическая социология / И.А. Громов, А.Ю. Мацкевич, В.А. Семенов. – Монография. – СПб, 1996. – 286 с.
19. Луман, Н. Введение в системную теорию (под редакцией Дирка Беккера) / Н. Луман. – Пер. с нем. К. Тимофеева. М.: Издательство «Логос», 2007. – 360 с.
20. Степин, В.С., Елсуков, А.Н. Методы научного познания / В.С. Степин, А.Н. Елсуков. – Мн.: «Вышэйшая школа», 1974. – 152 с.
21. Almond G., Powell G. Comparative Politics Today: A Development Approach / G. Almond., G. Powell. – Boston; Little Brown, 1966. – 420 p.
22. Гидденс, Э. Устройство общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
23. Гоулднер, А.У. Наступающий кризис западной социологии / А.У. Гоулднер. – Пер. с англ. – СПб.: «Наука», 2003. – 576 с.
24. Lockwood, J. Some remarks on «The Social System» / J. Lockwood // The British Journal of Sociology. – v. 7, № 2, p. 134-145
25. Mills, C.W. The Sociological Imagination / C.W. Mills. – Oxford Univ., Press, 1959
26. Блауберг, И.В., Юдин, Э.Г. Понятие целостности и его роль в научном познании / И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин. – М.: «Знание», 1972
27. Афанасьев, В.Г. О системном подходе в социальном познании / В.Г. Афанасьев // Вопросы философии – 1973, № 6. – с. 42-52
28. Уайтэкер, Я. Характер и значение функционализма в социологии / Я. Уайтэкер // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Серия: переводы и рефераты. М., 1968. Ч.2
29. Мартиндейл, А. дон. Границы функционализма в социологии и его альтернативы / А. Мартиндейл // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Серия: переводы и рефераты. М., 1968. Ч.2.
30. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
31. Бахитов, М.Ш. Американская функциональная теория общества (исторический материализм и буржуазная социологическая теория структурного функционализма) / М.Ш. Бахитов. – М.: «Знание», 1962. – 46 с.
32. Пациорковский, В.В. Критический анализ концепции социального действия / В.В. Пациорковский // Социс – 1975, № 2. – с.197-206
33. Ручка, А.А., Танчер, В.В. От идеологии «равновесия» к социологии конфликта (критический анализ некоторых тенденций в современной буржуазной социологии) / А.А. Ручка, В.В. Танчер // Социс – 1977, № 3. – с.231-240
34. Parsons, T. Evolutionary universals in society / T. Parsons // American sociological review – 1964, vol.29, № 3, p. 339-357
35. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социс – 1994, № 5. – с.142-147
36. Тернер, Дж. Структура социологической теории / Дж. Тернер. – Пер. с англ., / Общ. Ред. И вступ. Ст. Г.В. Осипова. – М.: Прогресс, 1985. – 471 с.

НАУЧНЫЕ БИОГРАФИИ

Ананьев Валерий Леонидович. Младший научный сотрудник Центра социологических и политических исследований. В 1988г. окончил отделение политической экономики исторического факультета Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина. Сфера научных интересов: социология молодежи, социальная интеграция инвалидов (социологический аспект), ИКТ для людей с проблемами зрения.

Веремева Наталья Петровна. Научный сотрудник Центра социологических и политических исследований. Социолог. Специалист в области использования качественных методов в социологических исследованиях, социологии семьи, социологии политики, социологии здорового образа жизни. Окончила отделение философии исторического факультета Белорусского государственного университета (1986 г.). Работает в ЦСПИ БГУ с 1989 года. В сферу научных интересов входят проблемы современной семьи, здоровья и здорового образа жизни населения. Автор более 50 научных публикаций, участвовала в подготовке ряда коллективных монографий, в т. ч.: Оперативные социологические исследования: методика и организации / Под ред. Д.Г. Ротмана, А.Н. Данилова, Л.Г. Новиковой. Мн.: БГУ, 2001. – 354 с.; Актуальные проблемы современного белорусского общества: социологический аспект / под ред. Д.Г. Ротмана и А.Н. Данилова. – Мн.: БГУ, 2005. – 258 с.; Образ жизни и здоровье населения новых независимых государств (отв. Ред. Х. Хаерпфер, Д. Ротман, С. Туманов. – Мн.: 2003. – 308 с.

Воднева Александра Константиновна. Заведующий отделом социально-экономических и социокультурных проблем Центра социологических и политических исследований. Кандидат философских наук. Социолог. Специалист в области социологии семьи, социологии образования и молодежи, социологии девиаций. Окончила отделение философии исторического факультета Белорусского государственного университета (1976 г.) и аспирантуру БГУ без отрыва от производства (1988г.). Защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук по теме «Влияние образа жизни семьи на формирование личности подростка» (1988 г.). Работает в ЦСПИ БГУ с 2008г. В сферу научных интересов: входят проблемы современной семьи, качества образования и воспитания, условия и факторы формирования отклоняющегося поведения несовершеннолетних. Автор более 70 научных публикаций, участвовала в подготовке ряда коллективных монографий и учебно-методических пособий, в т. ч.: В.А. Балцевич, С.Н. Бурова, А.К. Воднева и др. Семья и молодежь: профилактика отклоняющегося поведения/ Мн.: Университетское, 1989.– 144 с.; С.Н. Бурова, А.К. Воднева, Н.А. Залыгина, С.Ф. Сидоренко и др. Студенческая семья: состояние, проблемы, перспективы /Под общ. ред. С. Н. Буровой и А. К. Водневой. – Мн.: Университетское, 1991.– 104 с.; Семья: прошлое, настоящее и перспективы: Пособие для педагогов/А.К. Воднева, Л.И. Смагина, А.С. Карнейчик и др.; Под общ. ред. А.К. Водневой и Л.И. Смагиной/ Мн.: Маст. лит., 2000.– 166 с.; Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей»/Д.Г.

Ротман [и др.]; под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. – Минск: БГУ, 2009. – 231 с.

Данилов Александр Николаевич. Работал в общественных и государственных организациях Беларуси. Одновременно с 1991 преподает на кафедре социологии Белгосуниверситета, где в 2000-2003 – профессор, а с 2005 – зав. кафедрой. Главный редактор научно-теоретического журнала «Социология» (с 1997), председатель Белорусского общественного объединения «Социологическое общество» (с 2000). Член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор. Сфера научных интересов: теория, методология и история социологии, социология трансформационных процессов в переходных обществах и др. Автор более 200 публикаций, в том числе монографий, учебников и учебных пособий по социологии, другим гуманитарным и социальным наукам, в т. ч.: Переходное общество: проблемы системной трансформации» (Мн., 1997, 1998); Власть и общество: поиск новой гармонии (Мн., 1998), Молодежь кризисных лет: иллюзии и новые надежды (Мн., 1999); Социология власти: теория и практика глобализма (Мн., 2001); Социологическая энциклопедия (Мн., 2003, общ. редакция); Социология в Белорусском государственном университете: история, факты, документы (Мн., 2006, в соавторстве); Предыстория социологии (2009, 2011, в соавторстве) и др.

Данилова Екатерина Александровна. В 2006 г. с отличием окончила отделение социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета. Бакалавр (2005), лауреат стипендии Ф. Скорины (БГУ, 2005), кандидат социологических наук (2009). Диссертация «Трансформация базовых ценностей молодежи Республики Беларусь: социологический анализ» (научный руководитель – профессор Д.Г. Ротман). В настоящее время – доцент кафедры экономической социологии Белорусского государственного экономического университета. Основные направления научной деятельности: теория, методология и история социологии, социология молодежи, трансформация ценностей различных социальных групп населения в современном обществе. Автор более 20 научных работ, в т. ч.: Ценностные ориентации молодежи // Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / Д.Г. Ротман [и др.]. – Минск: БГУ, 2009. – С.165–181; Динамика базовых ценностей молодежи Республики Беларусь // Социология: теория, методы, маркетинг (научно-теоретический журнал, основанный Институтом социологии НАН Украины). – 2007. – № 4. – С. 99–107; Эволюция теорий ценностей // Философия и социальные науки. – 2007. – № 4. – С. 47–51; Социодинамика ценностей молодежи Республики Беларусь // Социология. – 2008. – № 4. – С. 99–107.

Иванюто Оксана Владимировна. Научный сотрудник Центра социологических и политических исследований. Социолог, философ. Специалист в области методологии, методики применения качественных методов в социологических исследованиях, социологии политики, социологии СМИ, социологии молодежи. Окончила факультет философии Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова (1988 г.). Трудовую деятельность после окончания университета начала в Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований Белорусского

государственного университета (1988 г.). С 1997 года работает в Центре социологических и политических исследований БГУ. В сферу научных интересов входят вопросы методологии организации и проведения социологических исследований с применением качественных методов, проблемы молодежи, образа жизни и т. д. Автор более 30 научных публикаций, участвовала в подготовке ряда коллективных монографий, в т.ч. Оперативные социологические исследования: методика и опыт организации: Монография / Под ред. Д.Г. Ротмана, А.Н. Данилова, Л. Г. Новиковой – Мн: БГУ, 2001; Электоральные социологические исследования: Монография – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002; Актуальные проблемы современного белорусского общества: социологический аспект: Монография / Под ред. Д.Г. Ротмана, А.Н. Данилова – Мн.: БГУ, 2005; Методы социологического изучения особенностей функционирования политического поля: Монография / Под ред. Д.Г. Ротмана, В.В. Правдивца – Мн.: БГУ, 2007; Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей»: Монография / Под ред. Д.Г. Ротмана, А.Н. Данилова – Мн.: БГУ, 2009;

Левицкая Ирина Владимировна Заведующий научно-исследовательской лабораторией социологических и маркетинговых исследований «Общественное мнение» Государственного института управления и социальных технологий БГУ. Кандидат социологических наук, доцент. Область научных интересов: социология девиантного поведения; социальные аспекты здоровья и медиализация современного общества; особенности образа жизни групп риска; методика и техника социологического исследования. В 1995 году окончила отделение социологии философско-экономического факультета БГУ. Работая в Центре социологических и политических исследований БГУ, под научным руководством доктора социологических наук профессора Ротмана Давида Генриховича выполнила диссертационное исследование на тему «Социологическое измерение потенциала девиантности: теоретико-методологический аспект» и в 2009 году защитила кандидатскую диссертацию по специальности 22.00.01 – теория, методология и история социологии. В качестве члена аналитической группы принимала участие более чем в 30 исследовательских программах, в т.ч. 4 международных проектах: Новый демократический барометр (общество Пауля Лазарфельда, Вена); Условия жизни, образ жизни и здоровье / LLH (фонд Коперник, Вена-Дерби); INTAS-проект «Экономические и социальные изменения в домашних хозяйствах»; INTAS-проект «Харизматическое лидерство». Помимо исследовательской занимается преподавательской деятельностью: на факультете философии и социальных наук БГУ читает курсы «Социология девиантного поведения», «Электоральные исследования». Имеет более 30 опубликованных научных работ (монографии, учебные пособия, статьи и пр.), в т.ч.: Оперативные социологические исследования: методика и опыт организации / Под ред. Д.Г. Ротмана, А.Н. Данилова, Л.Г. Новиковой. – Мн.: БГУ. – 2001. – 354 с.; Электоральные социологические исследования / Д.Г. Ротман, А.А. Тарнавский, И.В. Левицкая, О.В. Иванюто, В.В. Правдивец, Н.П. Веремеева, И.Ф. Ухванова-Шмыгова, Н.Я. Голубкова, В.Н. Казаков. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – 100 с.; Методы социологического изучения особенностей функционирования

политического поля / Д.Г. Ротман, В.В. Правдивец, О.В. Иванюто, И.В. Левицкая, Н.П. Веремеева [и др.] / Под ред. Д.Г. Ротмана, В.В. Правдивца. – Минск: БГУ, 2007. – 139 с.; Современные проблемы совершенствования медико-социальной помощи: Монография / В.С. Глушанко, В.В. Колбанов, И.В. Левицкая, И.Н. Мороз, С.А. Морозова, Т.Г. Светлович, С. Эглофф: под ред. Ген. секретаря БОКК В.В. Колбанова. – Витебск: ВГММ, 2008. – 185 с.; Левицкая И.В. Ценностное сдерживание девиантзации современного белорусского общества: социологический анализ // Социология. – № 3. – 2009. – С. 120-134; Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей»: Монография / Д.Г. Ротман, А.Н. Данилов, Д.М. Булышко, Л. Хальман, И.В. Левицкая [и др.] / под ред. Д.М.Булышко, А.Н.Данилова, Д.Г.Ротмана. – Минск: БГУ, 2009. – 231 с.; Ценностные ориентации белорусского студенчества: сравнительный социологический анализ (1998-2009 гг.): Монография / П.И. Бригадин, И.В. Левицкая [и др.]. – Мн.: ГИУСТ, 2010. – 207 с.

Морозова Светлана Анатольевна. Заместитель директора Центра социологических и политических исследований. Кандидат социологических наук, доцент. Социолог, философ. Специалист в области методологии, социологии образования, социологии молодежи, социологии управления, социологии предпринимательства, социологии религии. Окончила отделение философии исторического факультета Белорусского государственного университета (1982) и аспирантуру БГУ с отрывом от производства (1992). Защитила кандидатскую диссертацию «Теоретико-методологический анализ культуры управленческих отношений» (1992). В 2006 г. получила ученое звание доцента. Работает в ЦСПИ БГУ с 2004 г. В сферу научных интересов входят проблемы качества образования и воспитания, образа жизни, формирования ценностных ориентаций и жизненных стратегий, структуры ценностного сознания населения, места религии в структуре жизненных ценностей современного человека и т.д. Автор более 30 научных публикаций, участвовала в подготовке ряда коллективных монографий, в т.ч.: Актуальные проблемы современного белорусского общества: социологический аспект – Мн.: БГУ, 2005; Знания, отношение и практика специалистов и детей, включенных в систему ювенальной юстиции – Мн.: ЮНИСЕФ, 2005; Управление качеством образования. – Мн.: Зорны верасень; Современные проблемы совершенствования медико-социальной помощи – Витебск: ВГММ, 2008; Роль образовательных и исследовательских организаций в приграничном сотрудничестве. – Мн.:Тесей, 2008; Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей»: Монография /Д.Г. Ротман, А.Н. Данилов и др. – Мн.: БГУ, 2009; Ценностные ориентации белорусского студенчества: сравнительный социологический анализ (1998-2009 гг.): Монография /П.И. Бригадин, И.В. Левицкая,...С. А. Морозова и др. – Мн.: ГИУСТ, 2010.

Новикова Лидия Георгиевна. Новикова Лидия Георгиевна- кандидат философских наук (1986 г.), старший научный сотрудник (1990), преподаватель кафедры социологии. Социолог. Специалист в области методологии и методики социологических исследований, социологии культуры, социологии религии, социологии политики, социологии молодежи. Закончила отделение философии Белорусского государственного университета (1977) и была зачислена на

должность старшего лаборанта в сектор прикладной социологии БГУ. Затем была переведена на должность младшего научного сотрудника в Проблемную НИЛ социологических исследований. В 1986 защитила диссертацию на тему «Научная фантастика и ее роль в формировании образа науки будущего». В 1997 – 2004 годах работала заместителем директора Центра социологических и политических исследований БГУ. Автор более 60 научных публикаций, в том числе монографии «Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления (социологический аспект), 2001 год. С 2004 года работала в Институте Социологии Национальной Академии наук Беларуси в должности заведующей отделом социологии культуры и коммуникаций, где одновременно вела и сектор исследований социокультурных процессов.

Лидия Георгиевна Новикова умерла внезапно в расцвете своего таланта 8 мая 2008 года.

Посталовский Александр Владимирович. Младший научный сотрудник Центра социологических и политических исследований. Магистр социологических наук. Аспирант кафедры политологии БГУ. Специалист в области политической социологии, социологии средств массовой информации. Окончил факультет права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (2009) и магистратуру БГУ (2010). Тема магистерской диссертации: «Структурно-функциональный анализ динамики бюрократии». Работает в ЦСПИ БГУ с 2009 года. В сферу научных интересов входят проблемы функционирования информационного поля, теории и истории политики, исследование современных политических процессов и технологий. Победитель Международного конкурса творческих работ молодых ученых «СНГ – 15 лет: стратегия устойчивого развития» (Минск, 2006). Выступал с научными докладами на Международных научных конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Харькове. Автор более 30 публикаций, в т.ч.: Парадигма структурно-функционального анализа в американской академической социологии // Вестник БГУ, Сер.3, 2009, № 3. – с.67-71; Генезис теории бюрократии в социально-философской мысли // АнтропоТопос: теоретический журнал в области философских наук / под ред. докт. филос. наук, проф. В.И.Разумова. – Омск, 2008. – Вып. 1-2. – с. 171-182; Теоретико-методологическая реконструкция модели функционального подхода в социальных науках // АнтропоТопос: теоретический журнал в области философских наук / под ред. докт. филос. наук, проф. В.И.Разумова. – Омск, 2009. – Вып. 3-4, с.91-100; К истории заключения договора об образовании Содружества Независимых Государств // Договор: правовые и экономические аспекты: Сборник научных трудов. Вып. 6. – М.: МИЭП, 2008. – с.127-143; Философские основания критического подхода к пониманию сущности государства в анархической концепции бунта М.А. Бакунина // Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы: сборник статей II международной конференции. – Омск: СИБИТ, 2007. – Ч. 3. – С. 240-250.

Правдivec Виктор Владимирович. Ведущий научный сотрудник Центра социологических и политических исследований. Кандидат социологических наук. Социолог, психолог. Специалист в области методологии социологических исследований, социологии средств массовой информации,

социологии политики. Окончил факультет философии и социальных наук (отделение психологии) Белорусского государственного университета (1999). Работает в ЦСПИ БГУ с 1999 г. В 2005 г. защитил кандидатскую диссертацию «Комбинирование количественных и качественных методов в социологическом исследовании». В сферу научных интересов входят проблемы методологии социологических исследований, изучения характера влияния средств массовой информации на общественное сознание, функционирования современного политического поля. Автор более 50 научных и учебно-методических публикаций, в т.ч.: Общественное мнение: проблемы и перспективы развития // Социология. – 2000. – № 4. – С. 75–80. Качественные методы // Оперативные социологические исследования: методика и опыт организации / Под. ред. Д.Г. Ротмана, А.Н. Данилова, Л.Г. Новиковой. – Минск: БГУ, – 2001. – С. 126–36. (в соавт.); Психологическое воздействие как составная часть кампаний по формированию общественного мнения // Гуманітарна-эканамічны веснік. – 2001. – № 2. – С. 48–50; Электоральные социологические исследования. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – 100 с. (в соавт.); Комбинирование количественных и качественных методик в социологических исследованиях // Социология. – 2003. – № 2. – С. 79–83; Белорусский вариант харизмы // Социологические исследования. – 2003. – №3. – С. 29–38. (в соавт.); Методы социологического изучения особенностей функционирования политического поля / Под ред. Д.Г. Ротмана, В.В. Правдивца – Минск: БГУ, 2007 – 139 с; Информационное поле Республики Беларусь. Структура и подходы к изучению. Формирование и развитие. – Минск: Зималетто. – 2009. – 184 с. (в соавт.); Политические ценности // Ценностный мир современного человека. – Минск: БГУ, 2009. (в соавт.) С. 124 – 136.

Ротман Давид Генрихович. Директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, доктор социологических наук, профессор. Окончил отделение философии Белорусского государственного университета. С 1974 по 1991 г.г. – младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, заведующий отделом Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований (ПНИЛСИ БГУ). С 1991 по 1997 г.– профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета; с 2003 по 2005 г.г. – заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук (на общественных началах), с 1997 г. С 1987 по 1991г.г. член руководства Всесоюзной социологической программы «Общественное мнение» Гособразования СССР. С 1990 года осуществлял научное руководство многими исследовательскими проектами, выполнявшимися в рамках крупных международных программ. В их числе: Европейский проект «Новый демократический барометр», проект «Европейские ценности», «Пост - электоральные исследования в Республике Беларусь» (в рамках программ всемирной ассоциации по изучению электоральных систем), 10 проектов по линии ИНТАС, два проекта FP – 7, финансирующиеся Европейской комиссией, ряд проектов, выполнявшихся по линии научных фондов Великобритании, Австрии, Швейцарии, Германии, а также ООН, ЮНИСЕФ, Всемирного банка, Международной финансовой корпорации. С 1989 года руководил социологическими исследованиями, осуществлявшимися в ходе всех

избирательных кампаний в Республике Беларусь. Является автором концепции оперативных социологических исследований, как самостоятельного направления в социологии, разработчиком методологических подходов к организации и проведению электоральных социологических исследований, создал ряд оригинальных методик электоральных социологических исследований, разработал концепцию и методику замеров уровней социальной напряженности в обществе, а также технологию сложных рейтинговых замеров в политическом поле. Им опубликовано более 250 научных работ, в т. ч. *Монографии*: Оперативные социологические исследования. Минск, «Университетское», 1988 120 стр.; Оперативные социологические исследования: методика и опыт организации. Минск, БГУ, 2002, 240 стр.; Электоральные социологические исследования. Кемерово (Россия), Высшая школа, 2002, 120 стр.; Методы социологического изучения особенностей функционирования политического поля. Минск, БГУ, 2007, 138 стр.; Информационное поле Республики Беларусь. Минск, «Зималето», 2009. 184 стр.; Ценностный мир современного человека /Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей», Минск, БГУ, 2009, 230 стр.; Избранное, Минск: ГИУСТ БГУ, 2009. – 386 с. *Статьи*: Электоральные исследования: сущность и технология. Журнал «Социс» (Москва), № 9, 1998 год. Стр. 63-68; Общественно-политическая и экономическая ситуация в стране: методологические подходы к анализу результатов исследования. Журнал «Социология», № 2, 1999 год. Стр. 54 -64; Политическое поле изменяющегося государства: структура, особенности функционирования и возможности социологического изучения. Журнал «Социология», № 4, 2004 год. Стр. 3 – 15; Социальная напряженность в обществе: сущность и особенности социологического изучения. Журнал «Социология» № 4, 2007 год. Стр. 129 -140; Поле социальной напряженности. Журнал «Свободная мысль» (Москва), №6, 2008 год. Стр. 73 -88; Современное белорусское общество: динамика перемен и эволюция ценностей. Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов», серия «Социология» (Москва), №2, 2010 год. Стр. 5 – 15.

Соглаева Лариса Алексеевна. Заместитель директора Центра социологических и политических исследований. Кандидат философских наук, доцент. Социолог. Специалист в области социологии семьи, социологии образования и молодежи, социологии здоровья. Окончила исторический факультет Белорусского государственного университета (1970 г.) и аспирантуру БГУ без отрыва от производства (1979г.). Защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук по теме «Роль трудового коллектива в развитии социалистического образа жизни» (1980 г.). Работает в ЦСПИ БГУ с 2006 года. В сферу научных интересов: входят проблемы современной семьи, качества образования и воспитания, условия и факторы формирования здорового образа жизни. Автор более 80 научных публикаций, участвовала в подготовке ряда коллективных монографий, в т. ч. Оперативные социологические исследования: методика и организации / Под ред. Д.Г. Ротмана, А.Н. Данилова, Л.Г. Новиковой. Мн.: БГУ, 2001. – 354 с.; Актуальные проблемы современного белорусского общества: социологический аспект / под ред. Д.Г. Ротмана и А.Н. Данилова. – Мн.: БГУ, 2005. – 258 с.; Образ жизни и здоровье населения новых независимых государств (отв. Ред. Х. Хаерпфер, Д. Ротман, С.

Туманов. – Мн.: 2003. – 308 с.; Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей»/Д.Г. Ротман [и др.]; под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. – Минск: БГУ, 2009.-231 с.

Филинская Лариса Владимировна. Доцент кафедры социологии Белорусского государственного университета. Кандидат философских наук, доцент. Социолог. Специалист в области экономической социологии, социологии предпринимательства, маркетинговых исследований. С отличием окончила отделение политэкономии экономического факультета Харьковского государственного университета (1980г.). Защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук по теме «Влияние культуры управления воспитательным процессом на формирование специалиста в ВУЗе» (1986г.). Работала в Харьковском государственном университете с 1980г. по 1999г. старшим научным сотрудником, заместителем декана социологического факультета. С сентября 1999г. по настоящее время – доцент кафедры социологии БГУ. В сферу научных интересов входят проблемы развития бизнеса, здоровья населения, социальной работы, организации и проведения маркетинговых исследований. Автор более 80 научных публикаций, участвовала в подготовке ряда коллективных монографий, в т. ч.: Оперативные социологические исследования: методика и организации / Под ред. Д.Г. Ротмана, А.Н. Данилова, Л.Г. Новиковой. Мн.: БГУ, 2001. – 354 с.; Актуальные проблемы современного белорусского общества: социологический аспект / под ред. Д.Г. Ротмана и А.Н. Данилова. – Мн.: БГУ, 2005. – 258 с.; Образ жизни и здоровье населения новых независимых государств (отв. Ред. Х. Хаерпфер, Д. Ротман, С. Туманов. – Мн.: 2003. – 308 с.; Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей»/Д.Г. Ротман [и др.]; под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. – Минск: БГУ, 2009.-231 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ – КОЛЫБЕЛЬ БЕЛОРУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ... (А.Н. Данилов).....	3
ГЛАВА 1 РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ПРОБЛЕМ.....	12
1.1 Функционирование рынков труда в странах Восточной Европы (на примере Болгарии, России, Польши, Украине, Беларуси) (Л.В. Филинская, Н.П. Веремеева).....	12
1.2 Единое информационное пространство Беларуси и России как условие толерантных взаимоотношений народов двух стран (Д.Г. Ротман, А.Н. Данилов).....	22
ГЛАВА 2 ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: ПОИСК ОТВЕТОВ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ	32
2.1 Качество жизни населения как показатель стабильности новых независимых государств (Д.Г. Ротман, Л.А. Соглаева)	32
2.2 Экономическое поведение населения Республики Беларусь в современных условиях (Л.В. Филинская)	42
2.3 Современные тенденции потребительского поведения населения Беларуси на книжном рынке страны: социологические заметки (С.А. Морозова, Д.Г. Ротман).....	51
2.4 Становление белорусской государственности: динамика перемен и эволюция ценностей (Д.Г. Ротман, А.Н. Данилов)	62
2.5 Динамика религиозности населения и межконфессиональных отношений в Беларуси: с рабочего стола социолога (Л.Г. Новикова, С.А. Морозова).....	75
2.6 «Преступления без жертв»: статус порока в общественной морали (И.В. Левицкая).....	87
ГЛАВА 3 ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ	103
3.1 Причины супружеских конфликтов в современной семье (Л.В. Филинская, А.К. Воднева, Л.А. Соглаева, Н.П. Веремеева).....	103
3.2 Проблема домашнего насилия в Беларуси (Л.В. Филинская, А.К. Воднева, Л.А. Соглаева, Н.П. Веремеева)	111
3.3 Приемная семья как форма воспитания детей-сирот (Л.В. Филинская, А.К. Воднева, Л.А. Соглаева).....	121

ГЛАВА 4 ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ К УСЛОВИЯМ ЖИЗНИ В НЕСТАБИЛЬНОМ СОЦИУМЕ	129
4.1 Насилие детей и подростков как фактор виктимизации и криминализации несовершеннолетних (<i>А.К. Воднева</i>)	129
4.2 Ценностные ориентации белорусского студенчества в сфере семейно-брачных отношений: сравнительный анализ (1998-2009 гг.) (<i>С.А. Морозова</i>)	144
4.3 Роль информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе инвалидов по зрению (<i>В.Л. Ананьев</i>)	156
4.4 Ценностные основы миропонимания современной белорусской молодежи (<i>Е.А. Данилова</i>)	165
4.5 Подростки Чернобыля: что изменилось в их жизни? (<i>О.В. Иванюто</i>).....	174
ГЛАВА 5 ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ	189
5.1 Современное социологическое исследование: проблемы повышения качества данных (<i>Д.Г. Ротман</i>)	189
5.2 Сочетание и комбинирование методов сбора информации в социологических исследованиях (<i>В.В. Правдивец</i>)	198
5.3 Особенности изучения мнений «недоступных респондентов» в социологическом исследовании (<i>Д.Г. Ротман, Н.П. Веремеева</i>)	214
5.4 Методические подходы к осуществлению социологических замеров в информационном пространстве (<i>Д.Г. Ротман, В.В. Правдивец</i>)	217
5.5 Особенности подготовки результатов социологических замеров к анализу ситуации в политическом поле (<i>Д.Г. Ротман</i>)	226
5.6 Методологический инструментарий структурно-функционального анализа в теоретической социологии (<i>А.В. Посталовский</i>)	247
НАУЧНЫЕ БИОГРАФИИ.....	262
ОГЛАВЛЕНИЕ	270

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО
ОБЩЕСТВА (2005-2010ГГ.): СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Н.А. Савич*